

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Михеев Михаил Викторович
**Индустриальный Урал в советской региональной политике
позднесталинского периода
(1945–1953 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент К.И. Зубков

Екатеринбург–2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Целевые приоритеты и планирование социально-экономического развития Урала в IV и V пятилетках	37
1.1. Индустриальный Урал в стратегии регионального развития СССР сталинского периода	37
1.2. Противоречия в позициях общесоюзных и отраслевых органов государственного управления по вопросам развития индустриального потенциала Урала	70
1.3. Общесоюзные приоритеты и региональные группы интересов в системе планирования развития экономики Урала	99
Глава 2. Факторы структурных изменений промышленности послевоенного Урала	118
2.1. Реэвакуация и реконверсия в уральской промышленности	118
2.2. Индустриальный Урал в структуре распределения германских репараций	131
2.3. Атомный проект и его влияние на промышленное развитие Урала.....	137
Глава 3. Основные направления и результаты реализации региональной политики на Урале в послевоенные годы	164
3.1. Структурные изменения экономических показателей развития Урала за время IV–V пятилеток.....	164
3.2. Тенденции территориального развития экономики позднесталинского Урала.....	184
3.3. Решение ситуационных проблем стабилизации и комплектования рабочей силы.....	205
Заключение.....	231
Список использованных источников и литературы	241
Приложения	262

Введение

Актуальность темы исследования. Проблемы управления и развития отдаленных территорий актуальны для России на протяжении всей ее истории. Вопросы взаимодействия центра и регионов, организации межрегиональных связей, обеспечение пропорциональной и сбалансированной динамики развития всех многочисленных земель и местностей, в разное время находившихся под властью Российского государства, отнимали и продолжают отнимать много внимания у правительств имперской, советской и современной России. В этом плане история послевоенной сталинской региональной политики на Урале представляет особенный интерес, поскольку она тесно связана с рядом переломных моментов советской и мировой истории (превращение СССР в ядерную державу, начало «холодной войны» и гонки вооружений, новый этап освоения восточных регионов страны), а также существенным изменением пропорций, направлений и механизмов регионального развития страны, которое в этот период испытывало ощутимое давление новых геополитических, экономико-технологических и социальных вызовов. Вызванное войной возникновение ряда «узких мест» в экономике и обострение социальных проблем, вместе с усложнением и разрастанием системы государственного управления, вели к росту противоречий и расхождению интересов между общесоюзным руководством, отраслевыми министерствами, региональными и местными властями. Значительная часть этих проблем длительное время была скрыта от внимания историков в силу сложившихся принципов работы с историческим материалом.

Исследование вопросов функционирования сталинской командной экономики с новых позиций – не только на общесоюзном, но и на региональном, уральском, материале, малоизученном в российской и почти не изученном в зарубежной историографии, – способно также внести существенный вклад в более точную и полную реконструкцию реалий

советского общества эпохи позднего сталинизма. Такое исследование позволяет выявить совокупность исторических фактов, меняющих устоявшиеся представления научного сообщества о позднесталинском СССР как об относительно «монолитном» организме в политическом и организационно-экономическом отношении.

Наряду с этим, изучения сталинского опыта региональной политики и связанных с ним проблем позволяет извлечь уроки полезные для государственного управления в современной России, когда действия, нацеленные на «подъем Сибири и Дальнего Востока», заявлены действующим правительством как «наш национальный приоритет на весь XXI век»¹.

Объект исследования – советская региональная политика. Под региональной политикой исследователем понимается «система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации». Такое определение термина региональной политики зафиксировано в Указе Президента Российской Федерации «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1996 г.²

Предмет исследования – разработка и реализация региональной экономической политики СССР в отношении индустриального Урала в 1945–1953 гг. Под «индустриальным Уралом» в контексте данной работы автор понимает сложившееся за годы первых пятилеток территориально-экономическое «ядро» Уральского экономического района, в отраслевом разрезе представленное комплексом ведущих индустриальных отраслей специализации и промышленной инфраструктуры, в территориальном – ведущими индустриальными областями Урала.

Хронологические рамки работы ограничены периодом позднего

¹ См., напр.: Путин призвал заново осваивать Сибирь и Дальний Восток // Новая газета. 12 декабря 2013.

² Указ Президента Российской Федерации 2756 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. С. 5713–5725.

сталинизма – 1945–1953 гг.

Нижней временной границей определено лето 1945 г., когда, с окончанием Великой Отечественной войны, по заданию И.В. Сталина Госпланом СССР была начата работа по подготовке и составлению IV пятилетнего плана³, что стало началом возврата к прерванной войной практике долгосрочного экономического планирования в Советском Союзе и задачам планомерного совершенствования региональной структуры экономики.

Верхнюю временную границу – весну 1953 г. – определили события, связанные со смертью И.В. Сталина, после которой произошли существенные изменения в целевых приоритетах, принципах и методах управления социально-экономическими процессами как в СССР в целом, так и в регионах страны⁴. В случае региональной политики они выразились в существенном изменении ее общей ориентации – усиленном внимании власти к проблемам комплексного развития периферийных экономических районов, окончательной констатации на высшем уровне наличия «перекосов» в советском народном хозяйстве, вызванных господством отраслевого принципа управления и отраслей группы А в экономике, а также в начавшемся, в 1952–1954 гг., поиске механизмов решения названных проблем, в конечном счете, приведшем к народнохозяйственным реформам Н.С. Хрущёва в середине 1950-х гг.

Таким образом, хронологические рамки 1945–1953 гг. позволяют характеризовать поздний сталинизм как цельный, качественно своеобразный период в истории региональной экономической политики Советского Союза.

Выявляя закономерный характер и уточняя общую логику рассматриваемых событий, автор был вынужден включить в исследование отдельные моменты истории советской региональной политики, выходящие за пределы указанных хронологических границ. С одной стороны, это

³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп 45. Д. 1. Л. 106–109.

⁴ См., напр.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп 52. Д. 17. Л. 35–36; 115–120; Оп. 53. Д. 364. Л. 71–73; Оп.54. Д.24. Л. 16; Ф. 4372 сч. Оп. 11сч. Д. 1501. Л. 1–13.

позволило показать предысторию затронутых в диссертации вопросов, с другой, в полной мере учесть инерцию рассматриваемых проблем в системе советской командной экономики.

Территориальные рамки исследования определяются двояко. При изучении роли и места индустриального Урала в общесоюзной экономике 1945–1953 гг., они охватывают весь Уральский экономический район. Это обусловлено тем, что при организации планирования, реализации и оценки результатов региональной экономической политики на территории СССР советское правительство использовало в качестве основных территориально-экономических единиц именно экономические районы.

Вместе с тем, при изучении внутрирегиональных экономических процессов автор счел целесообразным ограничиться исследованием Свердловской, Челябинской и Молотовской (позднее – Пермской) областей, составлявших индустриальное «ядро» Урала в рассматриваемый период. Выделение этой группы регионов объясняется не только их определяющим удельным весом в промышленном производстве Урала, но и интересами «чистоты» анализа региональной политики – необходимостью при ее анализе уйти от специфического влияния этнополитических факторов (Башкирия).

В отдельных случаях, определяемых логикой описания исторических процессов, в диссертации затрагиваются события, происходившие на смежных с Уральским экономическим районом территориях.

Степень изученности темы. Исследование отдельных сюжетов политической и экономической истории позднесталинского СССР имеет продолжительную историографическую традицию. Несмотря на то, что число работ, непосредственно посвященных истории советской региональной политике 1945–1953 гг., крайне незначительно, многие исследования, анализирующие историю позднесталинского СССР, прямо или косвенно затрагивают эту тематику.

В *отечественной историографии* обоснованно можно выделить три периода в изучении советской региональной политики на Урале – с середины

1940-х до конца 1950-х гг., с конца 1950-х до середины 1980-х гг. и с конца 1980-х гг. до наших дней.

Перечень работ первого периода невелик. Основное внимание их авторы уделяли пропаганде мероприятий партии и правительства по восстановлению и подъему промышленности Урала после Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что эти работы действительно были посвящены узловым проблемам развития экономики региона, они представляли собой не столько комплексные исследования в области региональной экономической политики, сколько работы по истории конкретного региона или города, определенной отрасли индустрии, отдельным вопросам выполнения пятилетнего плана, развертывания трудового подъема на производстве и тому подобным аспектам. Преимущественно в таком ключе развитие индустрии Урала освещалось в трудах Б.Н. Назаровского⁵, В.А. Саматова⁶, И.С. Пустовалова⁷, А.А. Белобородова⁸ и ранних исследованиях В.Ф. Попова и В.Ф. Тиунова⁹. Работы названных авторов носили не только исторический, но и пропагандистский характер. Содержащиеся в них оценки исходили, как правило, из презумпции исключительно положительного, безошибочного характера действий партии, Советского правительства и региональных органов власти. Какая-либо критика – тем более, политической системы и принципиальных вопросов экономического планирования – была невозможной. Кроме того, исследователи работали только с опубликованными материалами. Отсутствие у них доступа к текущим документам предприятий, партийных и

⁵ Назаровский Б.Н. Западный Урал к 40-й годовщине Великого Октября. Пермь, 1957.

⁶ Саматов В.А. Борьба партийных организаций Урала за дальнейший технический прогресс в промышленности в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1958; Он же. Технический прогресс промышленности Урала в годы четвертой пятилетки // Социалистическое строительство на Урале (сборник статей). Свердловск, 1957. С. 244–268.

⁷ Пустовалов И.С. О пятилетнем плане развития народного хозяйства Свердловской области в 1946–1950 гг. Свердловск, 1946.

⁸ Белобородов А.А. Закон о плане восстановления и развития народного хозяйства СССР в 1946–1950 гг. и задачи Челябинской областной партийной организации // Челябинская область в послевоенной пятилетке. Челябинск, 1947.

⁹ См., напр.: Тиунов В.Ф. Молотовская область в пятой пятилетке. Молотов, 1953; Он же. Западный Урал в послевоенной пятилетке. Молотов, 1951; Попов В.Ф. Деятельность партийных организаций по внедрению новой техники, подготовке кадров и развертыванию рациональной работы в Уральской энергосистеме в четвертой пятилетке (1946–1950 гг.). Пермь, 1959.

государственных органов, многие из которых еще не были сданы в архив, несомненно, затрудняли научный поиск.

Тем не менее, несмотря на отмеченные недостатки, работы 1940-х – 1950-х гг. довольно-таки информативны и содержат богатый фактический материал. В пользу этого говорит хотя бы тот факт, что в 1958 г., пользуясь изданной в «Энергетическом издательстве» книгой «Энергетика Урала за 40 лет»¹⁰ аналитик Центрального Разведывательного Управления США Чарльз Ривз сумел довольно точно определить дислокацию энергетических объектов, питавших создаваемое в регионе атомное производство, и на основе этих сведений вычислить места производства компонентов атомного оружия¹¹.

Особое место среди послевоенных исследований занимают труды экономистов, работавших над разработкой программ эффективного освоения и эксплуатации природных ресурсов восточных регионов СССР. Так, например, председатель Урало-Сибирского бюро Госплана СССР Н.Н. Колосовский в своей монографии «Проблемы территориальной организации производительных сил Сибири» значительное внимание уделил месту и роли Уральского региона в советской региональной политике. Описывая историю сталинского индустриального строительства на Урале, автор характеризовал процесс создания здесь мощной промышленно-ресурсной базы как подготовку плацдарма для дальнейшего освоения территорий Сибири и Дальнего Востока. Такие работы, впрочем, были известны только узкому кругу экономистов. Так, написанная на рубеже 1940-х – 1950-х гг., монография Н.Н. Колосовского была опубликована только в 1971 г. в Новосибирске¹².

С конца 1950-х гг. в историографии позднесталинской региональной политики на Урале начинается новый этап. Именно тогда историки начинают

¹⁰ Энергетика Урала за 40 лет. М.:Л., 1958.

¹¹ Лёвенгаупт Г.С. Расшифровка фотографии. Выявление источников электропитания для атомных комбинатов Урала // Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. М, 2016. С. 517–530.

¹² Колосовский Н.Н. Проблемы территориальной организации производительных сил Сибири. Новосибирск, 1971.

выделять временной промежуток 1945–1955 гг. как отдельный и особенный период развития общества и государства. В советской историографии позднесталинская эпоха стала именоваться «периодом послевоенного восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства». Появляются масштабные исторические исследования, посвященные истории Урала в этот период. В 1965 г. в Перми под редакцией В.Г. Черных был издан второй том «Истории Урала» периода социализма¹³. Седьмая глава книги посвящена послевоенному промышленному развитию региона. Авторы широко использовали материалы партийных и государственных архивов. Интересной стороной работы является наличие критики в отношении реалий описываемого периода. В частности, авторы упрекали власти за «тормозившее технический прогресс» «огульное охаивание техники капиталистических стран, отсутствие необходимой информации из-за рубежа, игнорирование достижений мировой науки и техники»¹⁴.

Вплоть до конца 1980-х гг. историки продолжали изучать историю промышленного строительства на Урале. История послевоенной индустрии на Западном Урале была изучена В.Ф. Поповым¹⁵ и В.Ф. Тиуновым¹⁶. Последний, в своей монографии «Индустриальные пятилетки Западного Урала», характеризуя обстоятельства выполнения пятой пятилетки (1950–1955 гг.) сделал важное наблюдение, отметив неудовлетворительное выполнение заданий пятилетнего плана по «улучшению географического размещения предприятий»¹⁷. Это очень существенная деталь: ведь Уралу со времен первых пятилеток отводилась определяющая роль в создании новой модели размещения производительных сил страны для обеспечения наиболее эффективного использования сырьевых и трудовых ресурсов, что должно было сделать регион своеобразным «индустриальным плацдармом» для

¹³ История Урала. Т.2. Период социализма. Пермь, 1965.

¹⁴ Там же. С. 453.

¹⁵ Попов В.Ф. Развитие промышленности Западного Урала в послевоенные годы (1945–1959). Пермь, 1967; Он же. Развитие индустрии Западного Урала в период развертывания коммунистического строительства. Пермь, 1967; Он же. Пермской области 50 лет. Пермь, 1989; Он же. Развитие промышленности Урала на завершающем этапе создания развитого социализма (1951–1961 гг.). Пермь, 1984.

¹⁶ Тиунов В.Ф. Индустриальные пятилетки Западного Урала. Пермь, 1977.

¹⁷ Там же. С. 231.

освоения восточных регионов страны. Несмотря на это, В.Ф. Тиунов никак не развивает столь важный вывод, не делает попыток выяснить причины невыполнения плановых установок. В традициях предшественников была написана «История советского Урала 1945–1975», изданная Уральским университетом в 1983 г.¹⁸ История развития уральской индустрии в послевоенный период освещалась во втором томе обобщающего труда «История народного хозяйства Урала» в разделах, написанных А.В. Бакуниным, В.С. Кравцовым, И.П. Толмачевым и П.Н. Пермьяковым¹⁹. Авторы, работавшие над данной темой в конце 1980-х гг., ставили целью «с позиций нового мышления» проследить направления развития народного хозяйства в послевоенные годы и, широко используя архивный материал, раскрыть противоречивость этого процесса – как поступательный рост индустрии, так и имевшие место спады производства. Авторы приходят к выводу, что послевоенное развитие промышленности на Урале шло медленнее, чем в других экономических районах страны. Объяснение этому явлению они находят в сравнительно небольших размерах капиталовложений в экономику региона²⁰, однако, как и в случае с В.Ф. Тиуновым, авторы обрывают свою мысль на полуслове, не делая никаких попыток изучить и объяснить причины отказа властей от крупномасштабных инвестиций в промышленность края.

Из исследований, посвященных «общесоюзной» истории индустриального развития СССР, можно отметить вышедшую в 1977 г. монографию М.И. Хлусова «Развитие советской индустрии 1946–1958 гг.»²¹. Автор констатировал ряд проблем, имевших место в системе управления советской промышленностью начала 1950-х гг., связанных с «чрезмерной централизацией управления отраслями, усилением ведомственных тенденций»²². М.И. Хлусов весьма подробно описывает изменения в

¹⁸ История советского Урала 1945–1975. Свердловск, 1983.

¹⁹ История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Ч. 2. Свердловск, 1990.

²⁰ Там же. С.21.

²¹ Хлусов М.И. Развитие советской индустрии 1946–1958 гг. М., 1977.

²² Там же. С. 33.

структуре управления советской промышленностью, однако, причины таких изменений им описаны довольно-таки формально и обобщенно²³. Недостатком работы М.И. Хлусова можно также назвать недостаточное внимание к территориальным проблемам развития советской экономики. Характеризуя экономические тенденции в СССР в территориальном разрезе, автор, как правило, ограничивается их рассмотрением в пределах союзных республик, не рассматривая отдельно экономических районов РСФСР²⁴. Более остро проблема «феномена ведомственности» в 1987 г. была описана В.П. Рассохиным²⁵.

Среди работ экономистов особо следует выделить изданную в 1959 г. АН СССР монографию И.В. Комара «Урал: Экономико-географическая характеристика»²⁶. Названная работа содержит детальный анализ истории экономического освоения и развития региона. Автор также сравнил динамику экономического развития края с другими районами страны. В работе представлен богатый статистический материал, характеризующий экономические связи Урала с соседними территориями. Однако и в этом случае значительная часть богатого фактического материала была оставлена автором без комментариев и объяснений. Схожим образом можно охарактеризовать фундаментальный труд профессора П.М. Алампиева. Подготовленный им двухтомник «Экономическое районирование СССР» был издан Госпланом в 1959–1963 гг.²⁷ Эта работа содержала исторический обзор главных этапов советского экономического районирования, автор весьма подробно осветил теоретические вопросы социалистического экономического районирования, а также дал характеристику современного, на начало 1960-х гг., экономического районирования Советского Союза. В работе были подытожены последние, на момент издания, изменения в экономическом районировании СССР, проведенные в соответствии с

²³ Там же. С. 28–29.

²⁴ Хлусов М.И. Указ. соч. С. 44.

²⁵ Рассохин В.П. Ведомственность как исторический феномен советской экономики // Постигание. М., 1989. С. 463–471.

²⁶ Комар И.В. Урал. Экономико-географическая характеристика. М., 1959.

²⁷ Алампиев П.М. Экономическое районирование СССР. Кн.1, М., 1959; Кн.2, М., 1963.

решениями ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС. Работы И.В. Комара и П.М. Алампиева были явно подготовлены под влиянием реформы управления народным хозяйством 1957 г. В отличие от историков, эти авторы ставили под собой не столько идеологические, сколько практические задачи в области решения проблем размещения производительных сил в Советском Союзе. Именно поэтому, на наш взгляд, названные труды до сих пор представляются ценными для исследователя как в методологическом, так и в фактологическом отношении.

С тех же позиций, спустя тридцать лет, исходили авторы двухтомного коллективного труда «Планирование размещения производительных сил СССР», изданного в 1985–1986 гг.²⁸ Его авторы уделили большое внимание истории послевоенного развития советской экономики. Безусловным достоинством работы был введение в научный оборот ряда ценных исторических источников из фондов Центрального государственного архива народного хозяйства (ныне РГАЭ). Наряду с богатым фактическим материалом, авторы изучили историю методологии планирования размещения производства в СССР в годы IV–V пятилеток. Вместе с этим, целью авторов было изучение опыта «осуществления политики КПСС на этапах социалистического строительства», сопутствовавшие этому вопросы политической истории СССР лежали вне области задач исследователей.

Таким образом, историография советской эпохи обладала некоторым разнообразием суждений и мнений об истории региональной экономической политики на индустриальном Урале. Ей была присуща определенная эволюция, критичность и смелость суждений. Однако, все названные позитивные черты получали свое развитие лишь в довольно узких рамках существовавшей в то время политико-идеологической системы и, следовательно, страдали известной ограниченностью. В частности, выше были описаны примеры, когда историки, констатируя проблемы имевшие

²⁸ Планирование размещения производительных сил СССР. Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. В 2 ч. М., Ч.1, 1985; Ч. 2., 1986.

место в региональной политике СССР на Урале, обходили сложные проблемы, избегали концентрировать на них свое внимание.

С 1990-х гг., после распада СССР и ослабления идеологического давления, начинается новый этап развития отечественной историографии, продолжающийся до наших дней. У историков появилась возможность по-новому трактовать события прошлого, обратиться к рассмотрению ранее «закрытых» тем.

Именно в постсоветское время некоторыми историками были предприняты попытки объяснить названные выше проблемы осуществления советской региональной политики. В 1991 г. А.В. Бакуниным и В.Э. Лебедевым была опубликована первая работа, непосредственно посвященная проблемам региональной политики на Урале. Исследователи объясняли проблемы развития Уральского региона «авторитарно-бюрократической системой», служившей в сталинском СССР, по их мнению, главным препятствием «действию законов, связанных с региональным развитием»²⁹. В работе были показаны проблемы межведомственной кооперации на Урале в 1940-х – 1950-х гг. Однако вопросы взаимоотношений ведомств с центральным правительством и региональным руководством остались не затронутыми. Впоследствии Е.Т. Артемовым была выдвинута гипотеза об инертности экономической политики союзного руководства, не выражавшего интереса к тому, чтобы детально планировать процессы и прорабатывать механизмы переноса производительных сил в восточные регионы страны, и ограничивавшегося лишь формальными резолюциями и распоряжениями на этот счет³⁰. В работах К.И. Зубкова³¹ были рассмотрены геополитические основания сталинской политики в районах Урало-Кузбасса, уходившей своими корнями в проекты освоения зауральских территорий,

²⁹ См.: Бакунин А.В., Лебедев В.Э. Региональная научно-техническая политика: проблемы истории. Свердловск, 1991. С. 4.

³⁰ Артёмов Е.Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // ЭКО. 2013. № 1. С. 164–165.

³¹ Зубков К.И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // Уральский исторический вестник. 2011. № 1. С. 22–27; Он же. Геоэкономические основания Урало-Кузбасского проекта // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010. С. 40–56.

выдвигавшиеся в конце XIX – начале XX вв. Применительно к послевоенному периоду развития К.И. Зубковым была отмечена стихийная тенденция переориентации индустрии Урала с задач продвижения индустрии на восток страны (как это предусматривалось в довоенный период) на приоритетные задачи снабжения промышленности Европейской России сырьем и полуфабрикатами (в основном металлом), что приводило к «утяжелению» индустриальной отраслевой структуры региона³².

Было начато изучение истории осуществления на Урале Атомного проекта. Над исследованием этой проблемы работали Н.М. Синёв, В.С. Толстикова, В.Н. Новосёлов, Е.Т. Артемов, А.Э. Бедель, Н.В. Мельникова, В.Н. Кузнецов³³. Особенно важна с точки зрения развития новых подходов выдвинутая Е.Т. Артёмовым концепция, отстаивающая тезис о том, что деятельность властей по реализации Атомного проекта, в силу его военно-политической значимости, была единственной неукоснительно и последовательно исполнявшейся программой индустриального строительства на Урале. Автор подчеркивает стратегически приоритетный, «надведомственный» характер управления атомной индустрией через Первое и Второе главные управления при Совете Министров СССР³⁴. Вместе с этим, историографией до сих пор не изучен вопрос последствий проводимых на Урале мероприятий Атомного проекта на дальнейшее экономическое развитие региона.

Началось изучение истории советского военно-промышленного комплекса. В работах А.А. Данилова, А.В. Пыжикова, Н.С. Симонова, А.И.

³² Проблемные регионы ресурсного типа: Экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. С. 47.

³³ Синёв Н.М. Обогащенный уран для ядерного оружия и энергетики. М., 1991; Толстикова В.С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1988). Челябинск, 1998; Новосёлов В.Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999; Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Страницы истории Уральского электрохимического комбината. Новоуральск, Екатеринбург, 1999; Артёмов Е.Т. Советский атомный проект в системе командной экономики // *Cahiers du monde Russe* 55/3–4. Juillet–Decembre. 2014. pp. 267–294; Кузнецов В.Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала. Екатеринбург, 2015; Мельникова Н.В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006.

³⁴ Артёмов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 97–114; Он же. Восточное направление в российской экономической политике XX в.: преемственность приоритетов // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010. С. 26–27.

Быстровой, Л.В. Шубариной и др.³⁵ большое внимание уделено истории сталинской индустриальной политики. Авторы убедительно показали имевшие место в конце 1940-х – начале 1950-х гг., диспропорции в развитии советской «гражданской» и «оборонной» промышленности, влияние внешнеполитических факторов на экономическую политику СССР, наличие «отраслевых» перекосов в структуре государственного управления советской индустрией. Вместе с тем, проблема размещения военных производств в этих работах была оставлена без внимания. Так, Н.С. Симонов, приведя в своей монографии факты избыточной концентрации предприятий Наркомата оборонной промышленности в районах Центра и Северо-Запада³⁶, оставляет их без каких-либо комментариев.

Постсоветские исследования также затронули проблему внешних факторов в развитии Уральского региона. Использование в уральской экономике труда военнопленных обстоятельно изучили Н.В. Суржикова³⁷ и В.П. Мотревич³⁸. Роли иностранных (немецких) специалистов в осуществлении Атомного проекта посвящена монография В.Н. Кузнецова³⁹. Однако, несмотря на признание современной историографией значительной роли немецких репараций в развитии советской экономики в послевоенный период⁴⁰, распределение репараций по экономическим районам СССР (в т.ч. для Урала) по-прежнему остается не изученным. Исключение составляет статья И.А. Чуднова, где эта проблема рассматривается применительно к Западной Сибири⁴¹.

³⁵ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы 1945–1953 гг. М., 2003; Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980 годы). М., 2006; Шубарина Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945–1965 гг. Челябинск, 2011.

³⁶ Симонов Н.С. Указ. соч. С. 98.

³⁷ Суржикова Н.В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006.

³⁸ Мотревич В. П. Военнопленные Второй мировой войны на Урале: численность, состав, размещение // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С.721–735; Мотревич В.П. Новые материалы по истории военнопленных Второй мировой войны // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Екатеринбург, 1992. С. 85–87.

³⁹ Кузнецов В.Н. Немцы в советском атомном проекте. Екатеринбург, 2014.

⁴⁰ См., напр.: Симонов Н.С. Указ. соч. С. 193.

⁴¹ Чуднов И.А. Планы и реалии послевоенной конверсии // ЭКО. 2002. №11. С. 160–169.

Несмотря на долгую традицию изучения истории рабочего класса на Урале⁴², современной историографией явно недостаточно освещена проблема воспроизводства и комплектования здесь рабочей силы в 1945–1953 гг., проблема ее оттока в другие регионы. Частично этот вопрос был затронут в диссертации М.Н. Потёмкиной⁴³, социальные аспекты проблемы были хорошо описаны В.Н. Мамяченковым⁴⁴, однако, в контексте региональной политики, этот момент явно остается не изученным.

Продолжают выходить «традиционные» исследования, посвященные изучению истории промышленности Урала и ее отдельных отраслей. Так, вопросы стратегии размещения промышленности на Урале в довоенный период были изучены А.В. Бакуниным и А.Э. Беделем⁴⁵. Региональное, отраслевое и внутриотраслевое развитие промышленности Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны было рассмотрено в монографии А.А. Антуфьева⁴⁶. Проблемы развития уральской промышленности в XX в. (на примере истории металлургии) были описаны в одной из глав фундаментальной монографии В.В. Алексева и Д.В. Гаврилова⁴⁷ выполненной с опорой на положения теории российской промышленной модернизации. Среди иных обстоятельных исследований истории отраслей индустрии в регионе можно отметить работы В.В. Запария (черная металлургия), А.А. Кауфмана и С.А. Баканова (угольная промышленность), Г.Н. Шапошникова (электросвязь), А.Е. Курлаева (автомобильная промышленность), Л.В. Сапоговской (золотопромышленность) и др.⁴⁸

⁴² См., напр.: Рабочий класс Урала (1937–1975). Свердловск, 1979; Крючков М.Т. Рабочий класс Урала в послевоенные годы (1946–1958). Свердловск, 1988.

⁴³ Потёмкина М.Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуанселение на Урале в 1941–1948 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2004.

⁴⁴ Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1946–1953 гг.). Екатеринбург, 2009.

⁴⁵ Бакунин А.В., Бедел А.Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994. С. 46–85.

⁴⁶ Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

⁴⁷ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М, 2008.

⁴⁸ См., напр.: Запарий В.В. Черная металлургия Урала. XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001; Кауфман А.А., Запарий В.В. Очерки истории коксохимической промышленности. Екатеринбург, 2010; Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012; Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика XVIII–XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург, 2008; Курлаев А.Е. Заводы Министерства автомобильной промышленности СССР на

Однако, не всегда сосредоточенность исследователя на одной группе отраслей позволяет объяснить – вне общего контекста планирования и развития экономики – кризисные моменты в процессах развития изучаемой отрасли. Так, в работе Г.С. Моисеева «Цветная металлургия Урала»⁴⁹ игнорируется проблема катастрофических темпов падения добычи и производства меди в военное время (о чем наглядно можно судить хотя бы из документов ЦДООСО)⁵⁰.

В числе перспективных вопросов, поднятых современными историками, находится изучение региональных политико-хозяйственных элит и вытекающая из этого проблема участия руководства отдельных регионов (в особенности таких отдаленных от центра, как Урал) в системе государственной власти и вопросах регионального управления экономикой. Из авторов, работающих в этом направлении, можно выделить А.В. Сушкова, О.В. Хлевнюка и в особенности В.П. Мохова⁵¹.

Современные исследователи обладают различными взглядами на характер сталинской системы государственного управления в 1940-х –1950-х гг. В профессиональной среде преобладает представление о ней как об авторитарной и жестко централизованной системе руководства, основанной на «страхе перед режимом»⁵² и замкнутой на личность главы государства – И.В. Сталина, наделенного абсолютной диктаторской властью⁵³. Представлены и альтернативные гипотезы по этому вопросу. В частности, О.В. Хлевнюком было отмечено, что «централизация военного времени парадоксальным образом совмещалась с некоторым расширением

Урале (1941–1966 гг.) // Шестые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2006. Т. 1. С. 103–107.

⁴⁹ Моисеев Г.С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.) Екатеринбург, 2003.

⁵⁰ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 243. Л. 19; Оп. 54. Д. 157. Л. 1.

⁵¹ Сушков А.В. Партийно-государственная номенклатура Среднего Урала в 1945–1964 гг.: коллизия власти // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008; Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–49; Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1995 гг.). Пермь, 2003.

⁵² Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 83.

⁵³ См., напр.: Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. Апогей. Екатеринбург, 1997; Черепанов В.В. Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М., 2006.

оперативной самостоятельности всех уровней», исходя из чего «можно говорить о возрождении в годы войны элементов того “коллективного руководства”, которое существовало в Политбюро в начале 1930-х гг.»⁵⁴. Этот тезис развивает А.Ю. Ермолов, убедительно показывающий в своих работах (на примере военной промышленности) факты функционирования советского государственного аппарата 1940-х – 1950-х гг. в рамках т.н. явления «”ведомственности”, т.е. самостоятельных действий руководителей ведомств, направленных на защиту интересов порученных им организаций»⁵⁵. В пользу выводов А.Ю. Ермолова говорят и результаты исследований межведомственных противоречий (на примере авиационной промышленности), выполненных М.Ю. Мухиным⁵⁶.

Работы, написанные экономистами в наши дни, в отличие от экономических исследований по проблеме размещения производительных сил, опубликованных в предшествующие периоды, уже не представляют большого интереса для историка позднесталинского СССР. Это связано с тем, что экономисты, будучи заинтересованы в практическом применении результатов своих исследований в современной России, не считают нужным анализировать проблемы функционирования давно прекратившей существование политэкономической модели середины XX в. Новосибирские авторы объясняют это так: «Проследить развитие проектов [освоения востока СССР – М.М.] от начальной идеи до воплощения и оценить, как изменялись их параметры в процессе согласования и утверждений, в процессе строительства и до ввода в действие – задача увлекательная, масштабная, но в обозримом будущем *абсолютно не востребованная* [курсив мой –

⁵⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры М., 2009. С. 455.

⁵⁵ Ермолов А.Ю. За фасадом сверхцентрализации: влияние борьбы ведомств за конверсию и реконверсию СССР в середине 1940-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2013. М., 2014. С. 391; Он же. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб., 2013; Он же. Из Наркомсредмаша в Наркомтанкпром, из Наркомтанкпрома в Минтрансшаш: опыт реформирования управления отраслью // Танкпром-3: презентация проектов. Сборник научных статей. Нижний Тагил, 2016. С. 22–27.

⁵⁶ Мухин М.Ю. Финансовые взаимоотношения советских ВВС и Наркомата авиационной промышленности СССР в 1941–1945 гг. // Российская история. 2015. №1. С. 46–53.

М.М.]»⁵⁷. Из сравнительно недавних исследований, выполненных специалистами в области экономики, отметим коллективную монографию Совета по изучению производительных сил «Государственно-территориальное устройство России»⁵⁸. Ее «историческая» часть применительно к сталинскому времени исполнена весьма добротнo, однако, по информативности заметно уступает аналогичным изданиям советских времен.

Зарубежная историография при изучении позднесталинской советской экономики фокусировалась в основном на изучении общесоюзных проблем, затрагивая лишь самый высокий, общегосударственный уровень экономического планирования. Долгое время западные исследователи ограничивались изучением военно-стратегических аспектов советского экономического развития, что было востребованной темой в условиях «холодной войны»⁵⁹. В западной историографии поначалу преобладали попытки упрощенно рассматривать советскую региональную политику как одну из форм русской имперской колонизации отдаленных территорий и национальных окраин⁶⁰. Необходимо отметить, что в своих представлениях о позднесталинской региональной политике зарубежные историки долгое время отталкивались от противоречивой концепции тоталитаризма, выдвигавшейся с 1950-х гг. Х. Арндт, Р. Конквестом, З. Бжезинским, А. Безансоном⁶¹. Под их влиянием на Западе сложился образ послевоенного СССР как тоталитарной, жестко централизованной системы с «командной» экономикой, где планирование и осуществление региональной политики находились под неусыпным и жестким контролем сталинской диктатуры. Этот взгляд был поставлен под сомнение в 1980-е гг. С этого времени рядом

⁵⁷ Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России. Новосибирск, 2005. С. 34–35.

⁵⁸ Гранберг А.Г., Кистанов В.В., Адамеску А.А. и др. Государственно-территориальное устройство России. М., 2003.

⁵⁹ См., напр.: Grant C.E. A Comparison of the War Potentials of the U.S. and the U.S.S.R // Information Service for Officers. 1952, May. Vol. IV, No. 9; Jukes G. The Development of Soviet Strategic Thinking since 1945 // Canberra Papers on Strategy and Defense, No. 14. Port Melbourne, 1972.

⁶⁰ См., напр.: Kolarz W. Russia and Her Colonies. USA, 1967 [впервые опубликовано в 1953 г. – М.М.].

⁶¹ См., напр.: Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Конквест Р. Большой террор. Firenze, 1974; Бжезинский З. Идеология и власть в советской политике. М., 1963; Безансон А. Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. М., 2001.

авторов (М. Харрисон⁶², Т. Данмор⁶³) были отмечены структурные перекосы в формировании индустриального комплекса Урала, что напрямую связывалось ими со специфической системой приоритетов в политике отдельных министерств и ведомств СССР в отношении восточных регионов РСФСР (в т.ч. Урала). Эти проявления ведомственности зачастую нарушали установленные плановые пропорции в развитии регионов, делая «командную» экономику СССР весьма далекой от «командности». Ограниченность этого «ревизионистского» подхода в западной историографии заключается в том, что смелые предположения зарубежных историков долгое время базировались на анализе открытых источников. Лишь с недавнего времени предпринимаются попытки верифицировать их на архивном материале⁶⁴.

Отдельно отметим работы западных исследователей (некоторые – из числа осевших в США украинских эмигрантов) И. Коропецкого, В. Голубничего, Ф. Холцмэна, А. Абушара 1960-х – 1970-х гг.⁶⁵ Авторы, исследуя проблемы размещения производительных сил в Советском Союзе в 1930-х – 1950-х гг., подняли вопросы об экономической эффективности политики «восточного сдвига», проблемах распределении капиталовложений в СССР, противоречиях между интересами украинского Донбасса и индустриальных центров РСФСР (в т.ч. Урало-Кузбасса).

Вышеизложенный материал позволяет заключить, что в отечественной

⁶² Harrison M. *Soviet Planning in Peace and War, 1938–1945*. Cambridge, 1985; Harrison M. *The USSR and Total War: Why didn't the Soviet economy collapse in 1942?* // *Warwick Economic Research Papers* No. 603, 2011.

⁶³ Dunmore T. *The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–53*. N.Y., 1980.

⁶⁴ См. об этом: Грегори П., Харрисон М. *Распределение в условиях диктатуры: исследование на базе архивного материала сталинской эпохи* // *Экономическая история: Ежегодник*. 2013. М., 2014. С. 251–330.

⁶⁵ См.: Коропецкыj I.S. *Industrial Location Policy in the U.S.S.R. During the Postwar Period* // *Economic performance and the military burden in the Soviet Union a compendium of papers submitted to the subcommittee on foreign economic policy of the joint economic committee Congress of the United States*. Washington, 1970. pp. 232–301; Коропецкыj I.S. *The Development of Soviet Location Theory before the Second World War* // *Soviet Studies*, Vol. 19, No. 1 (Jul., 1967), pp. 1–28; Коропецкыj I.S. *Equalization of Regional Development in Socialist Countries: An Empirical Study* // *Economic Development and Cultural Change*, Vol. 21, No. 1 (Oct., 1972), pp. 68–86; Holzman F.D. *The Soviet Ural-Kuznetsk Combine: A Study in Investment Criteria and Industrialization Policies* // *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 71, No. 3 (Aug., 1957), pp. 368–405; Nutter W. *Industrial Output of the Ukraine, 1913–1956: A Statistical Analysis*. by Vsevolod S. Holubnychy // *Journal of the American Statistical Association*, Vol. 54, No. 285 (Mar., 1959), p. 319; Abouchar A. *Economic Evaluation of Soviet Socialism*. N.Y., 1979.

и зарубежной историографии при характеристике позднесталинской региональной политики на Урале был поднят ряд вопросов, остающихся открытыми вплоть до настоящего времени. Из этого следует, что в современной уралистике наблюдается потребность в комплексном исследовании, которое позволило бы на базе широкого массива архивных материалов, ранее не использовавшихся нарративных источников и прессы всесторонне рассмотреть и оценить с современных позиций региональную экономическую политику на Урале в послевоенный период. Особое внимание следует уделить вопросам противоречивого взаимодействия общегосударственных, ведомственно-отраслевых и региональных групп интересов, порождавших сложные проблемы долгосрочного характера. Это позволит выяснить, насколько в условиях позднего сталинизма практика советского регионального планирования и процесс реализации планов соответствовали модели «командно-административной системы», в терминах которой историография до сих пор склонна описывать этот период.

Цель и задачи исследования. *Целью* исследования является определение содержания и направленности региональной экономической политики руководства СССР в отношении индустриального Урала в период позднего сталинизма (1945–1953 гг.). Это, прежде всего, связано с выяснением роли и места индустриального Урала в послевоенной стратегии развития Советского государства. В содержание сталинской региональной политики на Урале также включаются особенности ее разработки и реализации.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие *задачи*:

– изучить советскую политику планирования и управления развитием промышленности Урала на общесоюзном, министерском и региональном уровнях, выявить противоречия между этими уровнями управления;

– проанализировать процесс практической реализации региональной экономической политики на Урале, ее реальные достижения и просчеты в

указанный период;

– исследовать влияние на промышленное развитие Урала в 1945–1953 гг. ряда внешних и реконструктивных факторов, а именно: реэвакуации промышленных предприятий, поступления в регион германских трофеев и репараций, результатов осуществления на Урале мероприятий Атомного проекта для дальнейшего развития региона;

– рассмотреть структурные изменения в экономике послевоенного Урала;

– исследовать территориальные сдвиги в уральской экономике, сравнить их фактические результаты с государственными планами территориальной реорганизации Уральского экономического района;

– изучить проблему взаимоотношений Уральского региона с другими индустриально развитыми территориями Советского Союза (Донбасс, Центр, Северо-Запад) в рамках советской региональной политики указанного периода;

– исследовать, в контексте региональной политики, социальные проблемы, сопровождавшие индустриальное строительство на послевоенном Урале, в особенности проблему обеспечения уральской промышленности кадрами в послевоенное время.

Источниковая база диссертации формировалась на основе опубликованных и архивных документов. Была проведена работа по выявлению и сбору материалов в четырех центральных, восьми региональных и одном архиве ближнего зарубежья: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Архиве Российской академии наук (Архив РАН), Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), Научном архиве Уральского отделения Российской академии наук

(Научный архив УрО РАН), Архиве Института геологии и геохимии УрО РАН (АИГГ УрО РАН), Архиве Музея энергетики Урала (АМЭУ), Архиве политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (АПД УДПАР). В общей сложности, для написания диссертации были использованы документы из 20 архивных фондов.

В их числе законодательные и нормативные акты, представленные, главным образом, решениями съездов ВКП(б), законами, принятыми Верховным Советом СССР, опубликованными и неопубликованными постановлениями Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) (и их проектами). Эти документы лежали в основе организации и регулирования процессов осуществления различных аспектов региональной политики в СССР (в т.ч. относительно Урала). Ими регламентировались основные принципы размещения производительных сил, строительства транспортной и энергетической инфраструктуры, порядок распределения и закрепления рабочей силы в различных экономических районах Советского Союза. Кроме того, в документах названной категории давались прямые указания отраслевым и региональным органам власти относительно процедуры планирования, изучения и контроля мероприятий региональной экономической политики на отдельных территориях СССР (в т.ч. Урала).

Такие документы выявлялись нами как в специальных сборниках различного рода⁶⁶, так и в ходе работы с фондами отдельных архивов. Наиболее информативными оказались материалы фонда Госплана СССР (РГАЭ). Это связано с тем, что любые постановления высших органов власти, в том или ином виде имевшие отношение к региональной политике, среди прочего, находили отражение в документах Отдела территориального планирования и размещения производительных сил Госплана СССР. Впрочем, в гораздо меньшем количестве, документы и сведения о документах названного вида встречались нам практически в каждом

⁶⁶ См., напр.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. М., 1966–1969; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 14 т. М., 1970–1984.

проработанном архивном фонде.

Делопроизводственная документация представляет собой наиболее обширную группу исторических источников, использовавшихся при подготовке диссертации. Она объединена нами в несколько категорий.

Среди них организационно-распорядительные документы. К ним относятся протоколы заседаний Госплана СССР 1940-х – 1950-х гг., хранящиеся в РГАЭ. В них оказались зафиксированы различные указания И.В. Сталина, полученные Госпланом относительно подготовки планов развития народного хозяйства как для всей советской экономики в целом, так и по отдельным отраслям (железнодорожный транспорт, энергетика). Протоколы позволили выяснить организационные проблемы народнохозяйственного планирования в рассматриваемый период. Это вопросы взаимодействия отраслевых отделов Госплана с профильными министерствами, проблемы долгосрочного экономического планирования в послевоенном СССР, связанные с этим задачи равномерного территориального развития Советского Союза, в т.ч. применительно к уральскому региону.

Приказы народнохозяйственных министерств различного профиля также отражают проблемы развития отдельных отраслей индустрии Урала в послевоенное время. Среди прочих, нами были использованы приказы по Министерству электростанций за 1945–1953 гг. (АМЭУ). Содержащаяся в них информация позволила исследовать особенности послевоенного энергостроительства на Урале. Приказы общесоюзных министерств были нацелены на исполнение указаний высших органов власти. Из этих документов можно почерпнуть сведения о строительстве новых предприятий, об изменении внутриминистерской управленческой структуры, о проблемах и упущениях в работе отдельных строек, предприятий, главков. Зачастую в приказах министерств содержится информация о приоритетном развитии предприятий того или иного региона. Наряду с материалами архивов, нами использовались опубликованные (в виде сборников)

документы данной категории. Из них отметим такое издание как «Атомный проект СССР. Документы и материалы»⁶⁷. При подготовке диссертации этот сборник использовался для изучения влияния атомного проекта СССР на экономического развития Урала в послевоенное время.

Немало информации по теме исследования содержат стенограммы различных конференций, совещаний и собраний, проводившихся Свердловским обкомом ВКП(б) во второй половине 1940-х гг., хранящиеся в ЦДООСО. Некоторые заседания были посвящены различным вопросам развития хозяйства как Свердловской области собственно, так Урала в целом. В них участвовали представители отдельных предприятий, главков, центральных министерств, и партийных органов. Здесь обсуждались проблемы развития отдельных отраслей экономики региона, вопросы хозяйственного взаимодействия региона и центра, трудности управления промышленностью области и Урала. Обсуждались всевозможные способы решения названных проблем, им давалась разносторонняя оценка.

Обильный источниковый материал был получен в результате работы с деловой перепиской государственных и партийных организаций всех уровней. Среди, хранящихся в РГАЭ, материалов переписки Госплана и отраслевых народнохозяйственных министерств содержится материалы касающиеся разногласий между Госпланом, министерствами и правительством относительно вопросов связанных с подготовкой послевоенных пятилетних планов. Схожие материалы выявлены в личном фонде В.М. Молотова и фондах отраслевых отделов ЦК КПСС (РГАСПИ). Отложившаяся там переписка также предоставила нам интересную информацию о проблемах организации и реализации государственного планирования сопровождавших промышленное развитие Урала и восточных территорий в 1940-е – 1950-е гг. Обнаруженные материалы свидетельствуют, что фактор «ведомственности» препятствовал сдвигу индустрии на восток еще до войны, и эта ситуация только усугубилась в послевоенное время.

⁶⁷ Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. М., 2002–2009.

Использовались некоторые опубликованные документы из переписки органов партийно-государственной власти в СССР. В частности, сборник документов «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953»⁶⁸ также содержит аналогичные сведения о механизмах управления сталинской командной экономикой.

Перечисленные документы дополняют хранящиеся в ЦДООСО материалы переписки Свердловского обкома ВКП(б) с ЦК ВКП(б), Советом Министров СССР, отраслевыми министерствами, начальниками отдельных главков и руководителями предприятий. Они позволили нам установить основные принципы и структуру управления экономикой региона на месте, отследить механизмы принятия решений относительно проблем территориально-экономического развития региона, выявить роль отдельных акторов власти в этих вопросах.

Использованные в диссертации материалы народнохозяйственного планирования уместно подразделить на две категории:

К первой категории относятся теоретические разработки советских научных организаций относительно различных вопросов планирования народнохозяйственного развития Урала. К ним относятся результаты научных исследований 1945–1953 гг., направленных на изучение различных аспектов советской региональной политики (стенограммы конференций и семинаров, отчеты по исследовательским темам различных НИИ, материалы научных экспедиций, прогнозы и т.п.). К опубликованным источникам этой категории принадлежат изданные в 1940-х – 1950-х гг. материалы конференций по изучению производительных сил различных областей и республик Советского Союза. В случае восточных регионов РСФСР такие конференции проводились в отношении Иркутской, Кемеровской и Молотовской областей. Их организаторами выступали Президиум АН СССР, Совет по изучению производительных сил АН СССР, Госплан СССР, а также

⁶⁸ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002.

региональные обкомы и исполкомы⁶⁹. Материалы названных конференций интересны тем, что на их обсуждение выносились проблемы экономического развития отдельных регионов. В числе их докладчиков были представители центрального руководства (включая министров и начальников отделов Госплана), работники научных организаций, представители местных промышленных предприятий и партийно-государственные деятели регионального уровня. В материалах конференций (особенно в стенограммах прений) приводятся данные об основных принципах и методах планирования и разработки советской региональной политики в отношении восточных территорий, сведения о соприкосновении интересов центрального, отраслевого и регионального руководства, данные о динамике развития отдельных советских регионов.

Неопубликованные источники этой группы находятся, по большей части, в академических архивах. В первую очередь это Архив РАН. Нами были обработаны материалы фондов СОПС, Совета по проблеме водного хозяйства АН СССР, Волго-Башкирской экспедиции АН СССР при СОПС, а также Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны. В ходе работы были изучены различные аспекты работы сотрудников АН СССР над проблемами развития производительных сил восточных территорий Советского Союза. Ученые отмечали трудности организации комплексного подхода к экономическому освоению отдаленных районов страны, связанные с преодолением «ведомственных усобиц» и противоречий. В числе наиболее значительных находок следует отметить ранее не известный историкам «Пятнадцатилетний план развития промышленности СССР на 1945–1960 гг.», подготовленный Академией наук в конце войны. Аналогичные материалы такого рода содержит Научный архив УрО РАН. Хранящиеся там документы Института экономики и Президиума содержат исследовательские материалы о

⁶⁹ См., напр.: Конференция АН СССР по изучению производительных сил Молотовской области. Постановления и резолюции. В 2 т. М., 1947; Конференция по изучению производительных сил Иркутской области. Тезисы докладов. М.: Л, 1947; Труды конференции по изучению производительных сил Кузбасса. В 3 т. М., 1950–1951.

различных аспектах экономического развития Урала в рассматриваемый период. Богатый материал по истории геологоразведывательных работ в 1945–1953 гг. на Урале хранится в Архиве Института геологии и геохимии УрО РАН. Кроме этого, с целью изучения проблем нефтеразработок на востоке СССР, нами были исследованы материалы Всесоюзного совещания нефтяников 19 февраля 1938 г., выявленные в АПД УДПАР. Эти документы, наряду с другими материалами ЦК КП(б) Азербайджана содержат богатый материал по проблемам освоения «Второго Баку» (Урало-Поволжье) в 1930-е – 1940-е гг.

Вторую категорию материалов народнохозяйственного планирования составляют собственно народнохозяйственные планы, недостаточно представленные опубликованными источниками. Если для изучения довоенных принципов советской региональной политики исследователю доступны публиковавшиеся в 1920-х – 1930-х гг. планы развития народного хозяйства СССР различного уровня⁷⁰, то после 1945 г. материалы такого рода практически не издавались. Опубликованные в открытой печати «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.»⁷¹ и «Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг.»⁷², в отличие от довоенных публикаций, содержат только общие формулировки, страдают от отсутствия каких либо абсолютных показателей, не содержат никаких материалов о развитии отдельных регионов СССР в 1946–1955 г. и потому малоинформативны. Недостатки опубликованных источников удалось восполнить архивными материалами. Фонды РГАЭ содержат внушительный корпус источников такого рода. Так, в фонде Госплана СССР нами были выявлены документы долгосрочного планирования в области территориальной реорганизации

⁷⁰ См., напр.: Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927; Государственный план развития народного хозяйства Союза ССР в 1938 г. М., 1938.

⁷¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М., 1946.

⁷² Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг. Приняты XIX съездом КПСС 10 октября 1952 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. т. 3. М., 1968. С. 715–738.

экономики СССР в 1940-е – 1950-е гг. В частности, неизвестный ранее исследователям «Проект постановления ЦК ВКП(б) и СМ СССР о предварительном генеральном плане СССР на 1951–1970 гг.», подготовленный Госпланом в 1949 г. Кроме этого фонд Госплана содержит материалы в области отраслевого планирования, в частности документы, связанные с подготовкой плана развития железнодорожного транспорта СССР в 1946–1950 гг. и десятилетнего плана строительства электростанций в 1951–1960 гг. Названный комплекс документов дополняют материалы фонда Совета Министров СССР (ГАРФ), связанные с подготовкой IV и V пятилетних планов и осуществлением экономической политики в 1945–1953 гг.

В ходе работы над диссертацией широко использовались материалы государственной статистики. Отметим, что в отличие от 1930-х гг. когда статистические данные об индустриальном развитии СССР публиковались довольно-таки свободно⁷³, в послевоенный период статистические материалы приобрели «закрытый» характер. Так, решением правительства от 1 марта 1948 г. были существенно ужесточены цензурные ограничения в отношении публикаций сведений такого рода⁷⁴. В частности, в 1949 г., Главлит совместно с отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) наложили запрет на публикацию монографии сотрудника Института экономики АН СССР Е.Л. Грановского «Советская промышленность в Великой Отечественной войне». Причиной запрета послужили приведенные Е.Л. Грановским статистические данные о функционировании советской промышленности в 1941–1945 гг. как в общесоюзном, так и региональном разрезах. При этом цензоров не смутил факт того, что все приведенные в монографии материалы ранее были опубликованы в открытой печати военного времени⁷⁵.

Сколько-нибудь подробные материалы статистики советской промышленности были опубликованы только к концу 1950-х гг. К наиболее

⁷³ См., напр.: Свердловская область в цифрах. Краткий статистический сборник. Свердловск, 1936.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 135. Л. 19.

⁷⁵ См. об этом: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 135. Л. 4–31.

информативным источникам этой группы относятся изданные в 1950-х – 1960-х гг. ЦСУ СССР статистические сборники, содержащие данные о динамике развития различных отраслей народного хозяйства СССР как в общесоюзном, так и в региональном масштабе⁷⁶. Особо отметим сборники «Народное хозяйство РСФСР»⁷⁷ и «Промышленность РСФСР»⁷⁸. Представленные в них данные по экономическому развитию отдельных экономических районов РСФСР (в т.ч. Уралу) делают возможным оценить результаты региональной политики позднесталинского времени. Частым недостатком материалов советской статистики (в особенности подготовленных облотделами ЦСУ) являлся отказ от публикации количественных данных в пользу относительных показателей (динамика развития той или иной отрасли в процентах к определенному году). К тому же в этих источниках часто не указывались данные о состоянии народного хозяйства в 1945 г., что, в частности, затрудняет анализ конкретных результатов IV пятилетнего плана.

Тем не менее, нехватку этих данных нам удалось компенсировать за счет архивных материалов. Отчетная документация, содержащая количественные данные относительно статистики развития экономики отдельных областей Урала, Уральского экономического района, и, в целом, СССР выявлялась нами в фондах региональных (ЦДООСО, ГАСО, ОГАЧО) и центральных архивов (РГАЭ, ГАРФ).

При подготовке диссертации были использованы отдельные сочинения лидеров коммунистической партии. К ним относятся работы В.И. Ленина «Очередные задачи советской власти», «Набросок плана научно-хозяйственных работ»⁷⁹ и «Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК

⁷⁶ Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956; Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1957; Угольная промышленность СССР за 50 лет. Статистический справочник. М., 1968; Народное хозяйство Молотовской области. Статистический сборник. Молотов, 1957; Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска. Статистический сборник. Свердловск, 1956; Народное хозяйство Челябинской области. Статистический сборник. Челябинск, 1961.

⁷⁷ Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. М., 1957.

⁷⁸ Промышленность РСФСР. Статистический сборник. М., 1961.

⁷⁹ Ленин В.И. Сочинения. Т. 27. М., 1952. С. 207–246; 288–289.

ВКП(б)»⁸⁰, сделанный И.В. Сталиным 26 января 1934 г. Эти труды оказались полезны при изучении истории формирования у высших советских руководителей идей, связанных с необходимостью осуществления проектов «сдвига индустрии на восток». Особый интерес здесь представляют опубликованные в 1995 г. письма И.В. Сталина В.М. Молотову, где, среди прочего, описана проблема противоречий среди высшего руководства СССР относительно вопросов размещения новых промышленных предприятий на территории государства⁸¹.

В ходе исследования использовались материалы центральной и региональной прессы, публиковавших информационные сообщения о промышленном развитии областей Урала и Советского Союза, материалы, посвященные принципам управления народным хозяйством, указы и распоряжения центральных и региональных властей, касавшихся в т.ч. вопросов региональной политики (газеты «Правда», «Уральский рабочий» и др.). Для изучения проблем развития отдельных отраслей народного хозяйства использовались материалы специальных технических и научных периодических изданий 1945–1953 гг. (журналы «Плановое хозяйство», «Электрические станции» и др.).

Несмотря на обилие источников личного происхождения, посвященных позднесталинскому времени, для изучения истории региональной политики нам оказались полезны только некоторые воспоминания региональных руководителей, в частности, мемуары секретаря по черной металлургии Свердловского обкома ВКП(б) А.Б. Аристов и первого секретаря Молотовского обкома ВКП(б) Н.И. Гусарова⁸². Этим мемуаристам удалось точно передать проблемы организации региональной кооперации в сталинском СССР. Также для изучения проблем энергоснабжения Урала использовались неопубликованные воспоминания начальника Рефтинской

⁸⁰ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 282–379.

⁸¹ Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову, 1925–1936 гг. (Сб. документов). М., 1995.

⁸² Аристов А.Б. Незабываемое // Урал, 1981. №5. С. 3–32; Гусаров Н.И. О тех, кто ковал победу. Из воспоминаний // Николай Гусаров. Герой своего времени. Статьи. Воспоминания. Документы. Пермь, 2008. С. 153–158.

ГРЭС Ю.В. Иванова⁸³ и фрагменты записок аналитика ЦРУ США Г.С. Лёвенгаупта⁸⁴, занимавшегося разведывательной деятельностью в отношении промышленности Урала в 1950-е гг.

Отдельный тип использованных источников представляют материалы устной истории. Это опубликованные академиком Г.А. Куманёвым интервью с членами сталинского правительства, взятые им у экс-министров в 1980-х – 1990-х гг.⁸⁵ Несмотря на то, что главной целью интервьюера было изучение событий военного времени, многие опрашиваемые министры (в особенности Г.А. Жимерин, министр МЭС) затрагивали в своих выступлениях проблемы экономического планирования и межведомственной конфронтации позднесталинского периода.

Нами также было собрано небольшое количество интервью у ветеранов уральской промышленности и науки. К сожалению, в большинстве случаев они оказались малоинформативными. Некоторые респонденты оказались склонны переносить на 1940-е – 1950-е гг. события последующих лет, совпавших с пиками их карьеры. В диссертации удалось использовать только материалы интервью И.Е. Старцевой⁸⁶, сообщившей сведения относительно работы уральских ВУЗов и научно-исследовательских учреждений в рассматриваемый период.

Таким образом, источниковая база диссертации представляется, на наш взгляд, репрезентативной, позволяющей решить поставленные задачи и достигнуть цели исследования.

Методология и методы исследования. Работа выполнена исходя из принципов *историзма, объективности и системности*. Это позволило рассматривать региональную экономическую политику руководства СССР в отношении Урала в процессе ее последовательного формирования и развития, в тесной связи с определявшими ее историческими условиями, в

⁸³ Иванов Ю.В. Так было. Воспоминания советского инженера. Ч. I. (рукопись, АМЭУ).

⁸⁴ Лёвенгаупт Г.С. Расшифровка фотографии. Выявление источников электропитания для атомных комбинатов Урала // Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. М., 2016. С. 517–530.

⁸⁵ Куманёв Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005.

⁸⁶ Старцева Инна Ермолаевна. В 1945–1953 гг. студентка физико-математического факультета УрГУ им. А.М. Горького, сотрудник Института физики металлов УФАН.

широком комплексе взаимосвязей между политикой и экономикой.

Общей теоретико-концептуальной основой исследования является *теория модернизации*, предлагающая – на сегодняшний день – наиболее обоснованный подход к исследованию особенностей развития России (в том числе ее экономики) в XX в. В нашем понимании, региональная экономическая политика как комплекс решений по совершенствованию территориально-экономической структуры страны, тесно связанный с прогрессивными сдвигами во всех сферах жизни общества, относится к числу важнейших модернизационных задач.⁸⁷

Кроме того, изучение экономических аспектов истории советской региональной политики на Урале невозможно без обращения к *теориям регионального развития*. Последние включают в себя как выработанные в СССР доктринальные подходы к определению принципов размещения производительных сил, целям и задачам региональной экономической политики, так и разработанные в контексте общемирового развития региональные теории – такие, как широко воспринятая в СССР в 1960-е гг. концепция пространственного анализа американского экономгеографа У. Изарда,⁸⁸ теории автоматического регионального баланса, «полюсов роста», сравнительных региональных преимуществ и т.п.⁸⁹ Адекватный ретроспективный взгляд на особенности разработки и результаты региональной экономической политики в позднесталинском СССР может быть сформирован лишь на базе всесторонней оценки этих проблем, достижений и исторически обусловленных ошибок с высоты развития современных теорий регионального развития.

Исследование осуществлялось с помощью следующих *специальных методов*:

– Историко-генетический метод позволил выявить причинно-

⁸⁷ См.: Побережников И.В. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. Вып. 12 : ежегодник. М., 2013. С. 246-274.

⁸⁸ Изард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. М., 1966.

⁸⁹ Исторический обзор региональных теорий см.: Regional Economic Development: Essays in honour of François Perroux. Boston, 1988.

следственные связи в преемственном развитии региональной экономической политики СССР 1945–1953 гг. на Урале, ее обусловленность исторической средой, особенностями внутри- и внешнеполитической конъюнктуры, складывавшейся в послевоенном СССР.

– Историко-сравнительный метод позволил сопоставить цели и задачи развития, определенные Советским правительством для Уральского региона, с аналогичной политикой в других регионах СССР, а также сопоставить подходы к проблемам индустриального Урала, вырабатываемые на разных уровнях управленческой пирамиды.

– Историко-системный метод позволил рассмотреть объект региональной экономической политики – индустриальное «ядро» Уральского региона – в комплексном единстве составляющих его отраслей, в широких связях и взаимодействиях с соседними территориями.

– Метод количественной обработки данных был использован при исследовании статистических материалов для установления пропорций и динамики экономического развития Урала и других территорий позднесталинского СССР.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ее рамках впервые было осуществлено комплексное историко-экономическое исследования послевоенной региональной политики на Урале с привлечением ранее не использованных документов из фондов федеральных и региональных архивов и введением их в научный оборот.

Положения, выносимые на защиту:

1) В довоенный период советское правительство рассматривало индустриальный Урал в качестве индустриального плацдарма, предназначенного для дальнейшего промышленного освоения восточных территорий СССР (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия). Однако, уже в то время совокупность проблем, связанных с ведомственно-отраслевой структурой управления экономикой, затрудняло осуществление таких задач.

2) Экстраординарные условия 1941–1945 гг., с одной стороны, привели

к росту промышленной базы Урала, с другой, способствовали в рассматриваемый нами период переключению ее мощностей на восстановление освобожденных западных территорий СССР.

3) Эта ситуация сопровождалась усилением роли отраслевых министерств и ведомств в управлении экономикой, что привело к усилению диспропорций в развитии отдельных территорий СССР (не в пользу Урала), фактическому отсутствию долгосрочного планирования, росту противоречий на Урале между предприятиями разных ведомств. Сглаживание этих вопросов, в условиях межведомственного «вакуума власти» на Урале осуществлялось силами обкомов ВКП(б).

4) Тем временем центральное правительство обращало внимание на развитие Урал в той мере, в какой это способствовало решению общегосударственных задач. В 1945–1953 гг. такое внимание, в основном, сводилось к мероприятиям Атомного проекта. Такое избирательное отношение центральных властей к развитию региона привело к дальнейшим перекосам в его развитии. К 1953 г. комплексное развитие уральской экономики так и не было обеспечено.

5) Имели место отклонения от запланированных векторов территориального развития экономики Урала – вместо проектировавшегося здесь смещения центров индустрии на север имело место их стихийное «сползание» в южном направлении.

6) В 1945–1953 гг. имели место факты конкуренции и соперничества Урала с другими экономическими районами (Юг, Северо-Запад) за капиталовложения и приоритетное внимание центральных властей.

7) Названные проблемы имели и важные социальные последствия. Существенный отток рабочей силы из районов Урала на запад СССР во многом был последствием неблагоприятной для Урала политики отраслевых промышленных министерств и ведомств.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при составлении

обобщающих трудов по экономической истории России и Урала, истории региональной экономической политики. Кроме того, результаты исследования применимы для подготовки лекционных курсов в ВУЗах по истории России, истории экономики и исторической географии.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были изложены в 13 научных публикациях (4 п.л.), три из которых вышли в изданиях Перечня ВАК (2 п.л.). Результаты исследования докладывались на четырех международных (Будапешт, 2014; Екатеринбург, 2014, 2015, 2016) и трех всероссийских конференция.(Самара, 2013; Екатеринбург, 2013, 2014, 2015). Материалы диссертации обсуждались на семинарах «Теория и практика экономических реформ» Института экономики РАН и «Культурный ландшафт» географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и Московского центра РГО.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех выделенных и сгруппированных по тематическому принципу глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Глава 1.

Целевые приоритеты и планирование социально-экономического развития Урала в IV и V пятилетках

1.1. Индустриальный Урал в стратегии регионального развития СССР сталинского периода

Уральский регион всегда занимал особое место в системе советского экономического планирования. В отличие от других промышленных районов, Уралу еще программами первых пятилетних планов отводилась исключительная роль «индустриального плацдарма» для экономического освоения Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока.

В 1929 г. один из ведущих деятелей Госплана СССР Н.Н. Колосовский довольно емко определил значение Урала для общесоюзной экономики: «Урал есть преддверие к огромным просторам Советской Азии с еще совершенно нетронутыми природными богатствами. Советская Азия, то есть Сибирь и Дальний Восток несравненно обильнее чем европейские районы Союза, но для того чтобы использовать эти богатства нужны железные дороги, нужны машины и орудия как для промышленности, так и для сельского хозяйства. Для постройки железных дорог и изготовления машин прежде всего нужно дешевое железо. Если мы станем изготавливать железо для этих районов на Украине и потом доставлять его или в виде рельсов или в виде готовых машин в Сибирь и на Урал, то придется оплачивать провоз на далекое расстояние. Это сильно удорожит и постройку железных дорог и сооружение заводов и потребует излишнего расходования накладных средств. Совсем другое положение будет, если мы создадим собственную железоделательную промышленность на Урале и в Сибири, изготавливающую на месте железо, рельсы, и построим здесь заводы для изготовления необходимых машин и орудий»⁹⁰.

⁹⁰ Колосовский Н.Н. Уральская область и Башкирская АССР. М., 1929. С. 27.

Зарождение такого взгляда на роль и место Урала в экономическом развитии страны можно отнести еще к петровскому времени⁹¹. К концу XIX в. стало возможно говорить о сформировании определенной идеологии «сдвига» производительных сил страны на восток. Их можно обнаружить в трудах Д.И. Менделеева, А.Г. Щербатова, П.Б. Струве и В.П. Семёнова-Тян-Шанского⁹². В этом же духе планировал свою «восточную программу» С.Ю. Витте. С целью переориентации магистрального направления экономической экспансии России с запада на восток был построен Транссиб, организовывалось аграрное заселение Южной Сибири и Дальнего Востока. В годы Первой мировой войны, вследствие прекращения импорта, химическая и металлообрабатывающая промышленность были вынуждены искать сырье на востоке страны. И все же, к 1917 г., большая часть производительных сил государства, основные мощности металлургической, угольной и нефтяной промышленности страны оказались сконцентрированы в западных губерниях и у южных границ России (См. Приложение 1). Металлургия же Урала, продолжавшая функционировать в пределах морально устаревших технологий, где выплавка металлов осуществлялась путем использования древесных углей, являла собой, по едкому выражению советского экономиста А.В. Комара, олицетворение «экономической отсталости царской России и уродливой географии ее производительных сил»⁹³.

Неудобство доставшейся по наследству «уродливой географии» советское правительство почувствовало почти сразу же после прихода к власти. Не имея доступа к промышленности Польши, Финляндии и Прибалтики, потеряв контроль над территорией Донбасса и нефтяными приисками Каспия, советская власть не могла не озаботиться проблемами развития производительных сил в восточных районах страны. В апреле 1918 г. Председатель Совнаркома В. И. Ленин особо отмечал необходимость

⁹¹ См.: Курлаев Е.А. Создание военного производства для обеспечения колонизации Урала и Сибири (конец XVII– первая четверть XVIII вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 4. С. 120.

⁹² См.: Зубков К.И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта ... С. 22–23.

⁹³ Комар И.В. Урал. Указ. соч. С. 192.

«быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России», подразумевавшего «рациональное размещение [курсив В.И. Ленина] промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта»⁹⁴. Председатель Совнаркома полагал, что «Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает – даже после Брестского мира – гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь) [...] и т.д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»⁹⁵.

Одновременно Высшим советом народного хозяйства были предприняты меры для реализации ленинских установок. Весной 1918 г. решением ВСНХ был создан Уральский горнозаводской комитет для объединения ресурсов Уральских руд и Кузнецкого угольного бассейна в единую хозяйственную единицу⁹⁶. Тогда же, в условиях топливного кризиса, внимание Советское правительство привлекли месторождения девонской нефти в районах Урала и Волги. В августе 1919 г. И.М. Губкин и Ф.Ф. Сыромолотов телеграфировали В.И. Ленину об обнаружении в Волжско-Уральском районе признаков нефти и в регион были посланы две геолого-разведывательные экспедиции⁹⁷. Иметь возможность добывать на востоке сырую нефть – «кровь промышленности», безусловно, значило облегчить реконструкцию индустриального Урала.

Однако победа большевиков в Гражданской войне и возвращение под их контроль Донбасса и Закавказья существенно снизили актуальность проектов масштабного индустриального строительства на востоке. Тяжелые

⁹⁴ Ленин В.И. Сочинения. Т.27. М., 1952. С. 288.

⁹⁵ Там же. С. 228.

⁹⁶ И.В. Комар, Урал. Указ. соч. С. 189–190.

⁹⁷ Сафронов Е.Д., Фадеев А.Д. Первые шаги освоения «Второго Баку» // Вопросы истории. 1970. №4. С. 210–211.

хозяйственные условия в государстве вынуждали власть обращать первоочередное внимание на восстановление и реконструкцию уже существующих промышленных мощностей на Юге и в Центре.

Тем не менее, на протяжении 1920-х гг., в правительственных и академических кругах продолжалось изучение проблем индустриальной модернизации восточных районов СССР вообще и Урала в особенности. В частности, планом ГОЭЛРО специально указывалось, что «интересы всего народного хозяйства выдвигают Урал на первый план, так как его положение на границе Европейской России и Сибири с ее необъятными перспективами развития повелительно диктуют возможно полное использование уральских богатств»⁹⁸. Эта концепция получила прямое развитие в трудах представителей советской экономико-географической школы. В работах Г.М. Кржижановского, Н.Н. Колосовского, П.Г. Журида, Н.Н. Баранского последовательно отстаивалась идея строительства экономического организма страны в виде серии эшелонированных с запада на восток самодовлеющих «промышленных комбинатов», основанных на сочетании взаимосвязанных производств полного промышленного цикла. Развитие таких экономических районов осуществлялось не только по взаимодополняющему, но и по взаимозаменяющему принципу⁹⁹. С экономической точки зрения это объяснялось необходимостью приблизить промышленные мощности к сырьевым месторождениям, снизить протяженность грузовых перевозок внутри страны и обеспечить всестороннее экономическое развитие в периферийных областях. Первый шаг в этом направлении подразумевал строительство на востоке страны второй (после Донбасса) угольно-металлургической базы – Урало-Кузнецкого комбината, означавшего перевод уральских промышленных предприятий с древесного угля на каменный, а также соединение каменноугольных копей Кузбасса с индустрией Урала

⁹⁸ Комар И.В. Указ. соч. С. 189–190.

⁹⁹ Кржижановский Г.М. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР // Избранное. М., 1957. С. 171–172.

путем организации магистрального сообщения между регионами¹⁰⁰. Две равноценные угольно-металлургические базы на Украине и Урале должны были снабжать металлургической продукцией западные и восточные районы страны, соответственно. Зоны ответственности обеих баз следовало разграничить «демаркационной линией» рассекавшей страну от западного берега Ладожского озера до северного берега Каспийского моря, между устьями рек Урал и Эмба (См. Приложение 2).

Этот смелый проект не мог не навлечь на себя критику хотя бы потому, что столь масштабное строительство на востоке требовало значительных материальных вложений, получить которые было возможно только за счет инвестиций в промышленность западных районов, в первую очередь Донбасса. Урало-Кузнецкий проект неминуемо должен был отвлечь с Юга значительное количество высококвалифицированных инженерно-технических кадров, вынудить проектные и научные организации заниматься разрешением проблем строительства на востоке (вместо того, чтобы уделять это время Югу), отвлечь на себя (опять-таки от заводов Юга) внимание руководства профильных Наркоматов и центрального правительства.

Некоторые работники Госплана, ВСНХ и местных плановых организаций Украины выступили против Урало-Кузнецкого проекта. В их числе были такие известные экономисты и политики, как Г.Л. Пятаков, А.М. Гинзбург, С.В. Бернштейн-Коган, Я.Б. Диманштейн. В 1927 г., в «Трудах комиссии по металлу при Госплане УССР» профессор Я.Б. Диманштейн утверждал: «... не только Урало-Кузнецкий проект ..., но и всякая концепция создания на Урале металлургии, работающей на сибирском топливе, представляется бесконечно вредной, как непроизводительная растрата национального капитала ...»¹⁰¹. В послевоенное время конкуренция Урала и Донбасса будет продолжать иметь место и время от времени обостряться.

¹⁰⁰ См.: Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. статей и документов. Екатеринбург, 2010.

¹⁰¹ Цит. по: Казанский Н.Н. Поборник освоения восточных районов Сибири Николай Николаевич Колосовский // География и природные ресурсы. 2007. №1. С. 158.

Различие обоих подходов к организации советской промышленности хорошо видно при сравнении двух вариантов проектировок размещения государственной индустрии в первом пятилетнем плане. Один из них был подготовлен Особым совещанием по воспроизводству основного капитала (ОСВОК) ВСНХ СССР под руководством Г.Л. Пятакова и А.М. Гинзбурга; другой – аппаратом Госплана СССР под председательством Г.М. Кржижановского и с активным участием Н.Н. Колосовского и П.Г. Журида (См. Таблицу 1).

Таблица 1

Проектировки размещения государственной промышленности в первом пятилетнем плане ВСНХ СССР и Госплана СССР (%)

РАЙОНЫ	Валовая продукция				Капитальные вложения	
	ОСВОК ВСНХ		Госплан СССР		ОСВОК ВСНХ	Госплан СССР
	1924/25 г.	1929/30 г.	1927/28 г.	1932/33 г.	1927/28 – 1932/33 г.	1927/28 – 1932/33 г.
Старые промышленные ¹⁰²	67,6	67,8	71,3	67,3	56,2	49,9
Остальные	32,4	32,2	28,7	32,7	43,8	50,1
в т.ч.						
Национальные	17,1	8,9	5,4	6,5	14,6	8,7
Урало-Кузбасс	–	–	5,3	7,6	–	18,5

Источник: Планирование размещения производительных сил СССР ... Ч. 1. С. 33.

Из таблицы видно, что проект ВСНХ, в отличие от проекта Госплана, предусматривал концентрацию промышленных мощностей в старых промышленных районах, снижение доли промышленности национальных районов и полный отказ от сдвигов в размещении промышленности на восток, в т.ч. отказ от строительства Урало-Кузнецкого комбината. С экономической точки зрения, проект ВСНХ выглядел более взвешенно. Идея

¹⁰² Центр, Ленинград, Юг (См. Приложение 3).

Урало-Кузбасса имела ряд слабых мест. Возможность обеспечения транспортных связей по перевозке кузнецкого угля на Урал на беспрецедентно большое расстояние (более 2000 км) вызывала серьезные сомнения. Кроме того, инвестиции в уже существующие промышленные предприятия старых районов, безусловно, должны были окупиться быстрее, чем средства, брошенные на строительство – почти с нуля – промышленности на Урале. Следовало учесть и проблему малонаселенности восточных территорий по сравнению с районами Юга и Центра.

Тем не менее, как минимум одним решающим преимуществом над проектом ВСНХ план Госплана все же обладал. Предусматривая размещение экономики СССР по принципу автономных «промышленных комбинатов», он, с геополитической точки зрения, значительно укреплял обороноспособность Советского Союза. Это означало, что если во время войны тот или иной промышленный регион районов I базы будет разрушен или оккупирован, его функции могут быть переложены на какой-либо тыловой регион в районах II базы со сходной структурой экономики (См. *Приложение 2*). Это был сильный довод для советской власти, находившейся в условиях «осажденной крепости» и вынужденной ориентировать свою внутриэкономическую политику на превращение СССР в полностью независимый от внешнего влияния, абсолютно самодостаточный субъект мировой экономики. Такой взгляд являлся важным компонентом формирующейся сталинской идеологии построения «социализма в отдельно взятой стране». Собственно, сам И.В. Сталин, в своем письме В.М. Молотову от 12 июля 1925 г., весьма недвусмысленно определил ключевые приоритеты в размещении промышленности СССР. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) писал: «... хозорганы СССР наметили уже программу строительства новых [подчеркнуто И.В. Сталиным – М.М.] заводов. Боюсь, что начнут строить в приграничных районах без учета ряда неблагоприятных в этом отношении фактов, и потом, если прозеваем этот момент, невозможно будет исправить допущенные ошибки. Хотят, например, строить новые фабрики в Питере и

Ростове, что нецелесообразно. Я думаю, что при выборе строительной программы следовало бы учесть ... *географически-стратегическое положение новых заводов* [курсив мой – М.М.]. Наш основной тыл Урал, Поволжье ... именно эти районы представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных осложнений. Поэтому именно в этих районах надо развить промышленное строительство. Будет конечно давление с мест, но его надо преодолеть. Этот вопрос до того важен для нас, что следовало бы поставить его на Пленуме ЦК для преодоления давления с мест»¹⁰³.

Высказанная И.В. Сталиным идея получило свое отражение в знаменитом «Генеральном плане развития хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.». Изначально разрабатывавшийся в русле конкретизации общесоюзного плана ГОЭЛРО¹⁰⁴, Генеральный план обосновывал необходимость приоритетного развития Урала тем, что таковое диктовалось «не только естественными сырьевыми богатствами, но и особо выгодным географическим положением Урала, как *срединной индустриальной и стратегической базы Союза* [курсив мой – М.М.]»¹⁰⁵.

В 1930 г. правительство сделало окончательный выбор в пользу строительства Урало-Кузнецкого комбината. Как и предполагалось И.В. Сталиным, ЦК ВКП(б) было издано соответствующее постановление, которое гласило: «Индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири. Запасы уральских железных руд, превышающие один миллиард тонн, сочетание их с сибирскими и кизеловскими углями и лесными массивами, благоприятное географическое положение создают все

¹⁰³ Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову, 1925–1936 гг. (Сб. документов). М, 1995. С. 32–33.

¹⁰⁴ Митин М.Г. К истории разработки генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. // Вопросы истории Урала. Вып. 6. Свердловск, 1965. С. 96.

¹⁰⁵ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927. С. 8.

необходимые предпосылки для развития на Урале технически передового, крупного комбинированного хозяйства для превращения Урала в новый крупный металлургический центр»¹⁰⁶.

Летом 1930 г. это решение было одобрено XVI съездом ВКП(б), подтвердившим необходимость «создания в ближайший период новой мощной угольно-металлургической базы в виде Урало-Кузнецкого комбината»¹⁰⁷. Начала проводится активная работа по сдвигу индустрии страны на восток. Ее сопровождали значительные, стабильно возрастающие капиталовложения. В частности, доля капиталовложений (от общесоюзных затрат), выделенная предприятиям Урало-Кузнецкого комбината, с первой по вторую пятилетку выросла с 18,5 до 26,7%. Урало-Кузбассу досталось 23,9% средств, выделенных на строительство новых предприятий СССР (См. *Таблицу 2*).

Таблица 2

**Капиталовложения в промышленность по районам
(% к итогу)**

РАЙОНЫ	I пятилетка		II пятилетка, всево
	всево	Новое строительство	
Старые промышленные	49,9	38,5	41,5
Остальные в европейской части СССР	26,8	30,5	24,2
Восточные	23,3	31,0	34,3
в т.ч.: Урало-Кузбасс	18,5	23,9	26,7
Союзные и автономные республики (без ЗСФСР и РСФСР)	9,3	13,3	—

Источник: Планирование размещения производительных сил СССР ... Ч. 1. С. 77.

Сопоставив данные из вышеприведенной таблицы с материалами о производстве валовой промышленной продукции по отдельным

¹⁰⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 1927–1931 г. М., 1970. С. 398.

¹⁰⁷ Цит. по: Комар И.В. Указ. соч. С. 194.

экономическим районам СССР в двух первых пятилетках (См. Таблицу 3), можно заметить, что удельный вес предприятий новых районов в валовой промышленной продукции СССР гораздо ниже доли капиталовложений, направленных этим предприятия в 1928–1937 гг.

Тот же Урало-Кузнецкий комбинат к 1937 г. производил только 10% советской промышленной продукции, при этом за вторую пятилетку он получил 26,7% от общесоюзных инвестиций. Эти цифры подтверждали опасения ОСВОК ВСНХ, и позволяют нам констатировать, что в ходе индустриализации новые промышленные предприятия на востоке демонстрировали гораздо меньшую экономическую эффективность, нежели старые промышленные районы на Украине и в Европейской части СССР.

Таблица 3

**Валовая продукция промышленности по районам
(% к итогу)**

РАЙОНЫ	I пятилетка		II пятилетка 1937 г. (отчет)
	1927/28 г.	1932/33 г.	
Старые промышленные	71,3	67,3	68,0
Остальные в европейской части СССР	20,0	21,2	16,8
Восточные	8,7	11,5	15,2
в т.ч.:			
Урало-Кузбасс	5,3	7,6	10,8
Союзные и автономные республики (без ЗСФСР и РСФСР)	5,7	6,8	–

Источник: Планирование размещения производительных сил СССР ... Ч.1. С 78.

Существовала и другая тревожная тенденция. В течение первой и второй пятилеток доля высокотехнологичной продукции машиностроения и металлообработки, производимой на востоке, в основном на Урале, была неизменно ниже, чем доля произведенных там полуфабрикатов (См. Таблицу 4).

Выплавка чугуна по районам
(% к итогу)

РАЙОНЫ	I пятилетка		II пятилетка		1937 г., отчет
	1927/28 г.	1932/33 г.	1932 г.	1937 г.	
Центр	5,6	7,1	5,8	8,0	8,1
Юг	72,2	66,3	69,8	59,2	63,3
Урал и Башкирия	21,0	21,8	20,2	24,8	18,2
Сибирь	0,2	3,7	4,2	7,7	10,1
Восток, всего	21,2	25,5	24,4	32,8	28,3

Источник: Планирование размещения производительных сил СССР ... Ч. 1. С. 82.

Если в 1937 г. на заводах Урала (считая Башкирию) выплавлялось 18,2% производимого в СССР чугуна (что, впрочем, было на 6,6% ниже запланированного второй пятилеткой), то в 1937 г. все предприятия Урало-Кузбасса произвели только 8,4% от общесоюзной продукции металлообработки и машиностроения (См. Таблицу 5).

Таблица 5

Машиностроение и металлообработка по районам
во втором пятилетнем плане
(% к итогу)

РАЙОНЫ	1932 г.	1937 г.	
		план	отчет
Старые промышленные	81,1	72,8	90,0
Прочие в Европейской части СССР	13,3	16,3	
Восточные	5,6	10,9	10,0
в т.ч. Урало-Кузбасс	4,9	9,3	8,4

Источник: Планирование размещения производительных сил СССР ... Ч. 1. С. 83.

Именно отсюда, на наш взгляд, проистекает послевоенная проблема использования промышленности Урала как источника сырья, проката и полуфабрикатов металлургии, препятствовавшая его комплексному экономическому развитию.

Тем не менее, в плане обеспечения геополитической безопасности Советского Союза, результаты освоения восточных территорий были весьма обнадеживающими. Создание мощной промышленно-сырьевой базы в советском тылу продвигалось уверенными темпами. Это признали даже зарубежные аналитики. О. Шпенглер в 1933 г. отмечал, что попытки военного уничтожения СССР будут тем менее эффективны, чем решительнее «большевики сдвигают центр своей системы дальше на Восток», размещая промышленное производство «восточнее Москвы, по большей части к востоку от Урала и до Алтая»¹⁰⁸.

Параллельно властями был предпринят ряд действенных мер по развитию на востоке собственной нефтяной базы – Второго Баку (См. Приложение 4), объединявшего Сызранское, Ставропольское, Бугурусланское, Краснокамское и Башкирские месторождения нефти между Уралом и Волгой. Экономическая эффективность эксплуатации приисков Второго Баку вызывала большие сомнения. Несмотря на то, что, по данным геологоразведки, удельный вес Урало-Волжских нефтяных районов составлял около 40% от общего количества геологических запасов СССР¹⁰⁹, рост удельного веса добычи нефти на востоке осуществлялся с трудом и крайне медленно. Хотя первый нефтяной фонтан Второго Баку был получен еще в 1929 г. на территории Молотовской области¹¹⁰, залегание нефтеносных горизонтов здесь на больших глубинах в 1000–1100 м требовали весьма значительных затрат рабочей силы и материально-технических средств на их бурение, разведку и обработку¹¹¹. Кроме того, 99% нефти Второго Баку характеризовались высоким содержанием серы и по качеству значительно уступали нефти Кавказа¹¹². Вследствие этого, к концу первой пятилетки

¹⁰⁸ Цит. по: Зубков К.И. Урал в стратегическом прицеле гитлеровских Люфтваффе // Военная история как фактор патриотического воспитания. Восьмые уральские военно-исторические чтения, посвященные 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. С. 177.

¹⁰⁹ Архив РАН. Ф. 200. Оп. 4. Д. 99. Л. 5.

¹¹⁰ Там же. Ф. 668. Оп. 1. Д. 22. Л. 1а.

¹¹¹ Там же. Л. 3.

¹¹² Там же. Ф. 200. Оп. 4. Д. 99. Л. 7.

основная часть советской нефти добывалась на Кавказе, ее доля в общесоюзной добыче составляла, как и в 1913 г., 97%¹¹³.

Следует заметить, что Уральский филиал АН СССР (УФАН), при разработке планов освоения Второго Баку, заметно отошел от проекта разделения СССР на две угольно-металлургические базы, запланировав завоз основных материалов для эксплуатации Урал-Эмбинского нефтеносного района не с заводов Урала, а с южных металлургических заводов, настаивая для этого на строительстве специальной железной дороги Александров – Гай, с перспективой продления ее до Чарджуя с учетом дальнейшего ее выхода в Среднюю Азию¹¹⁴.

Медленные темпы освоения ресурсов Второго Баку вызывали опасения советского руководства. 26 января 1934 г., в отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) И.В. Сталин неоднократно подчеркивал необходимость «Взяться серьезно за организацию нефтяной базы в районах западных и южных склонов Уральского хребта»¹¹⁵. На протяжении второй пятилетки удельный вес добычи нефти из кавказских месторождений снизился на 7% (90% в 1937 г.), а с внекавказских – увеличился в 1937 г. до 9,5%¹¹⁶.

Их разработка должна была способствовать автономному функционированию промышленности Урала. Прошедшее в марте 1938 г., в Баку, Всесоюзное совещание нефтяников отмечало, что месторождения Второго Баку имеют «колоссальное значение для уральских заводов. ... Уральским заводам требуется много бензина и мазута. Если мы будем возить из других мест для уральских заводов бензин и мазут, это будет для государства колоссальный ущерб»¹¹⁷.

¹¹³ Архив РАН. Ф. 200. Оп. 4. Д. 99. Л. 10.

¹¹⁴ АИГГ УрО РАН. Ф. 17. Оп. 5. Д. 3. Л.4.

¹¹⁵ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 316.

¹¹⁶ Архив РАН. Ф. 200. Оп. 4. Д. 99. Л. 11–13.

¹¹⁷ АПД УДПАР. Ф. 1. Оп. 21. Д. 161. Л. 99.

Постановление СНК СССР от 16 марта 1938 г. предписывало довести здесь нефтедобычу к 1942 г. до 10 млн. *т* в год¹¹⁸. Примечательно, что общий объем добываемой здесь нефти по плану на 1938 г. предусматривал добычу 1,72 млн. *т* (6% от общесоюзной добычи), в то время как на Кавказе планировалось добыть 33,5 млн. *т* легкой нефти, значительно превосходящей по качеству нефть восточных регионов¹¹⁹. Это явно экономически затратное начинание было предпринято с целью дальнейшей «автономизации» хозяйства Урала, возможности его функционирования даже в условиях утраты страной контроля над бакинскими и северо-кавказскими нефтяными промыслами.

Прошедший в марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) подтвердил целесообразность сдвига индустрии на восток. Им был издан ряд директив о комплексном развитии хозяйства в основных экономических районах СССР (См. Приложение 3), предусматривавших создание в каждом из них необходимых отраслей обслуживающего значения, о создании предприятий-дублеров в ряде отраслей промышленности и о сокращении нерациональных и чрезмерно дальних перевозок. Это нашло свое отражение в третьем пятилетнем плане, в котором впервые территория РСФСР была разделена на 9 экономических районов (10 союзных республик еще не были скомпонованы по районам). Это было важным достижением, поскольку до того времени существовало несколько вариантов районирования страны, имело место «много неясностей и неопределенности в вопросе о количестве экономических районов и их составе»¹²⁰, что не могло заметно не осложнять работу правительства по развитию восточных территорий.

В третьей пятилетке проблемы комплексного освоения Урала и других восточных районов, ранее, при выполнении первых двух пятилетних планов, только обозначившиеся себя, проявились уже в полной мере. В 1940 г. Председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский в специальной записке на

¹¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам ... Т. 2. С. 645.

¹¹⁹ Государственный план развития народного хозяйства Союза ССР в 1938 г. М., 1938. С. 29.

¹²⁰ Алампиев П.М. Указ. соч. Кн.1. М., 1959.С. 175.

имя Председателя Совнаркома В.М. Молотова, озаглавленной «О ходе выполнения третьего пятилетнего плана по экономическим районам СССР и ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок»¹²¹ описывал их подробно.

Так, к 1940 г. отдельные отрасли промышленности достигли заметных успехов в изменении размещения производства по экономическим районам СССР. К примеру, при росте угледобычи в СССР в целом с 1937 по 1939 г. на 11,8%, угледобыча в восточных районах СССР возросла в значительно больших размерах: на 40,3% в Восточной Сибири, на 19,8% – на Дальнем Востоке и на 18,5% – на бедном ископаемыми углями Урале. Начатая в крупных размерах торфодобыча в Молотовской области повысила удельный вес местных видов топлива в Уральском экономическом районе.

На Урале было начато строительство ряда предприятий черной и цветной металлургии: ферросплавные заводы, алюминиевые комбинаты, ряд заводов котлостроения, турбостроения, электромашиностроения и станкостроения¹²².

Однако Госплан констатировал, что «Создание производственных баз в новых экономических районах проходит неудовлетворительно. В ряде случаев более быстрыми темпами развивались старые промышленные районы, а не районы Востока ...»¹²³.

Годовые планы капитального строительства в восточных районах выполнялись на уровень ниже, в сравнении с центральными и южными районами СССР. В частности, план капитального строительства по районам Центра за 1939 г. был выполнен на 84,1%, по Украине на 81,3%, в то время как по районам Урала – лишь на 73,7%, Западной Сибири – на 65,1%, а по Дальнему Востоку – на 64,5%¹²⁴.

Хуже выполнялись планы отдельными промышленными наркоматами. Так, Наркомэлектропром в 1939 г. выполнил план по капитальному

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 522. Л. 72–91.

¹²² Там же. Л. 72.

¹²³ Там же. Л. 73.

¹²⁴ Там же. Л. 73.

строительству в районах: Дальнего Востока на 63,6%, Урала – на 60,7%, а в районах Центра и Украины – на 74% и 81,8%, соответственно. Аналогичные показатели Наркомчермета составили, соответственно, 78,3% и 60,4% при 84,9% по УССР и 80,3% по Центру. Схожая картина наблюдалась и по другим Наркоматам.

Исключение не составила даже оборонная промышленность. По данным Н.С. Симонова, весной 1938 г. из 219 производственных предприятий НКОП 68 (31%) располагались в Центре (Москва и Московская область), 38 (17,3%) в районах Северо-Запада (Ленинград и Ленинградская область), 26 (11,8%) на Юге и только 30 (13,6%) предприятий приходилось на районы Урала, Сибири и Дальнего Востока¹²⁵.

О невнимании представителей армии и военной промышленности к вопросам размещения военных производств в тылу убедительно свидетельствуют некоторые документы отдела машиностроения Свердловского обкома ВКП(б). Так, 20 января 1940 г. инструктор обкома Чернухин отмечал неудовлетворительные темпы строительства Уральского полигона в районе Нижнего Тагила. Невнимательное отношение к стройке со стороны Наркомата боеприпасов привело к срыву ввода первой очереди полигона, запланированной на 1 октября 1939 г. Такое невыполнение плана, в свою очередь, делало невозможным проведение на Урале испытаний тяжелых снарядов, производившихся предприятиями в регионе: «Производя снаряды огромной массы, уральские заводы вынуждены посылать их на испытания за тысячи километров на Украину»¹²⁶. К концу 1940 г. проблемы межзаводской кооперации между Уралмашем и Уралвагонзаводом привели к срыву производства гаубиц образца 1938 г. (М-30). Из-за опозданий Артиллерийского управления в части предоставления технической документации на передок и зарядный ящик М-30 для Уралвагонзавода, а также периодических попыток Экономсовета, Наркомсредмаша и Госплана

¹²⁵ Симонов Н.С. Указ. соч. С. 98.

¹²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 249. Л. 87–96.

добиться максимального сокращения спецпроизводств на заводе, решение правительства о кооперации УЗТМ и УВЗ по выпуску в 1940 г. гаубиц и 1500 передков и зарядных ящиков к ним осталось не исполненным¹²⁷.

Валовая продукция промышленности в конце 1930-х гг. быстрее росла также в старых промышленных районах. При росте валовой продукции промышленности по СССР в целом с 1937 г. по 1939 г. на 26,8%, валовая продукция промышленности Москвы и Московской области за то же время выросла на 38,5%. Удельный вес Москвы и Московской области в валовой продукции промышленности СССР увеличился с 20,7% до 23,7%¹²⁸.

В результате этого отставания в создании и развитии новых производительных баз средняя дальность пробега отдельных грузов систематически возрастала до 1939 г. и совершенно незначительно снизилась в 1939 г. против 1938 г. (См. Таблицу 6).

Таблица 6

Средняя дальность пробега грузов по СССР (км)

ГРУЗЫ	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Все грузы	686	718	708
Каменный уголь и кокс	709	701	700
Нефть и нефтепродукты	1228	1262	1178
Руда	633	609	574
Черные металлы и прокат	1004	1001	1016
Лесные материалы	932	1061	1031
Минерально-строительные материалы	285	310	292
Хлебные грузы	689	768	764
Цемент	914	1450	1384
Минеральные удобрения	1347	1305	1461
Хлопок	1775	1765	1792
Сахар	876	993	933
Соль	879	843	822

Источник: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 522. Л. 73.

Увеличение средней дальности перевозок каменного угля вполне объясняется строительством Урало-Кузнецкого комбината, проект которого

¹²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 249. Л. 117–120.

¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 522. Л. 73.

предусматривал перевозку на Урал угля из западносибирских копей на расстояние более 2000 км, что, в принципе, не противоречило идее смещения индустрии на восток. В равной степени не противоречит ей увеличение перевозок нефти – как было показано выше, Второе Баку было явно не способно самостоятельно снабжать нефтепродуктами индустрию востока, из чего вытекала необходимость завозки нефтепродуктов с Кавказа на Урал и в Сибирь. Однако, ситуация с перевозкой сырья и материалов, задействованных в черной металлургии, вызывала тревогу.

Анализ перевозок железной и марганцевой руды за 1937 г. и 1938 г. показывал значительный рост их завоза в восточные районы, что сопровождалось одновременно увеличением завоза в районы Центра чугуна и стали с востока. Так, завоз марганцевой руды в районы Урала и Западной Сибири (Урало-Кузбасс) вырос с 255 тыс. до 315 тыс. *т*. Завоз же чугуна в районы Центра составил 118 тыс. *т* в 1938 г. против 84 тыс. *т* в 1937 г. Основной причиной роста названных перевозок, по мнению Н.А. Вознесенского, явилось невыполнение предусмотренного третьим пятилетним планом дальнейшего развития металлургии на востоке и в Центре. План предполагал построить на востоке $\frac{3}{4}$ всех доменных печей, вводимых в действие за пятилетие, при увеличении выплавки чугуна на 81,7% в результате чего удельный вес восточных районов должен был вырасти с 28,3% в 1937 г. до 33,9% в 1942 г. В то же время, в выполнении плана за первые годы третьей пятилетки наблюдалось общее отставание черной металлургии по производству металла и по капитальному строительству и еще большее отставание черной металлургии востока¹²⁹. За 1938–1939 гг. объем выплавки чугуна в СССР остался без изменения, при этом на востоке выплавка чугуна уменьшилась на 225 тыс. *т*, или на 5,4%. Это сокращение шло целиком за счет заводов Урала. Одной из причин уменьшения выплавки чугуна в восточных районах стало уменьшение добычи железной руды. Объем этой добычи на Урале в 1939 г. был на 873

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 522. Л. 76–77.

тыс. *t* меньше, чем в 1937 г. Перебои в снабжении заводов Урала коксом, древесным углем, электроэнергией и недостаток рабочей силы были также крупными причинами, затруднявшими работу уральской металлургии¹³⁰.

Рост производственных мощностей на заводах черной металлургии в восточных районах отставал от третьего пятилетнего плана также более значительно, чем в целом по Союзу. За 1938–1939 гг. в СССР было введено в действие всего три новых доменных печи мощностью 1510 тыс. *t*, причем все эти печи были введены на заводах Юга.

Таким образом, в результате сокращения выплавки чугуна на Востоке и в Центре и некоторого увеличения ее в районах Юга удельный вес металлургии Юга увеличился с 63,6% в 1937 г. до 66,9% в 1939 г., а удельный вес Востока снизился с 28,3 до 26,7%¹³¹.

К 1940 г. металлургии Урала пришлось столкнуться с серьезными проблемами в развитии собственной сырьевой базы, расширении вспомогательного хозяйства (ремонтные цехи, транспортное хозяйство, жилищное строительство). Остро стояла проблема нехватки электроэнергии. При этом, несмотря на наличие мощных гидроэнергетических ресурсов в регионе (в основном в Молотовской области), оцениваемых в 4,6 млн. *kWt*, к 1941 г. в районах Урала не было построено ни одной гидроэлектростанции¹³².

В числе проблем, тормозивших становление на Урале самостоятельного народнохозяйственного комплекса, было невыполнение плана третьей пятилетки по развитию здесь химической промышленности. К 1940 г. намеченные планом стройки – заводов резинотехнических изделий, шинных и резиновых изделий, товарных полупродуктов, Среднеуральского химкомбината – так и не были начаты. Нехватка цемента вынуждала завозить его на Урал в больших количествах (261 тыс. *t* в 1937 г. и 237 тыс. *t* в 1938 г.)¹³³, что не могло не тормозить здесь новое строительство. Сильно

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 522. Л. 76–77.

¹³¹ Там же.

¹³² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 199 а. Л. 18.

¹³³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 522. Л. 78–79.

отставало от плана строительство на Урале предприятий легкой и пищевой промышленности¹³⁴.

Основные проблемы уральской экономики были все же связаны с металлургией и деятельностью НКЧМ. Как было отмечено выше, к середине третьей пятилетки на Урале снизилась выплавка чугуна, составив 2633 тыс. *t* в 1937 г. и 2376 тыс. *t* в 1939 г. Такое же положение имело место в производстве стали и проката. Добыча железной руды уменьшилась в 1939 г. по сравнению с 1937 г. Добыча марганцевой руды снизилась до 38 тыс. *t* в 1939 г. против 79 тыс. *t* в 1937 г.¹³⁵

Из 12-ти доменных печей, намеченных к пуску в третьей пятилетке, за 1938–1939 гг. не было пущено ни одной домны. С сильным опозданием велись строительные работы по Халиловскому металлургическому заводу, совершенно не велось работ по строительству Бакальского завода.

НКЧМ никоим образом не использовал средства, выделенные на развитие марганцевой промышленности в регионе, предпочитая завозить марганцевую руду на Урал с Украины (г. Никополь) и из Грузии (г. Чиатур). Было сорвано строительство 28-километровой железной дороги от г. Ивделя до Полуночного марганцевого рудника (ветка будет достроена только в годы Великой Отечественной войны)¹³⁶.

Кроме того, при общем положительном балансе металла, на Урале имел место большой избыток сортового проката, главным образом, крупносортного, среднесортного листа и кровельного железа, по которому Урал являлся основным поставщиком в стране. В то же время на Урал завозились рельсы, тонкий лист, заготовки для труб. Имели место массовые перевозки валкового чугуна на Юг и обратный завоз на Урал готовых валков¹³⁷.

Еще хуже обстояли дела в цветной металлургии. Потребности районов Урала в изделиях цветметобработки покрывались целиком за счет ввоза из

¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 522. Л. 79–84.

¹³⁵ Там же. Л. 91.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

районов Центра, Юга и Северо-Запада. Между тем, выплавка меди на Урале к 1941 г. составила более 50% от общесоюзного производства¹³⁸.

Изложенный материал на примере Урала наглядно иллюстрирует весь комплекс проблем, обнаружившихся в ходе экономического освоения восточных районов. Определяющую роль здесь играли недостатки отраслевого управления. Те же НКЧМ и НКЦМ, управлявшие предприятиями металлургии на всей территории СССР, не могли сосредоточить все свое внимание только на заводах Урала. Внимание наркоматов от Урала неизбежно должны были отвлекать предприятия Юга и Центра, благо, практика работы последних с аппаратом Наркома и Наркомата, в отличие от Урала, выстраивалась десятилетиями.

Комплексное экономическое развитие новых районов требовало практически заново организовывать здесь кооперацию деятельности различных наркоматов и ведомств. В то же время каких-либо территориальных органов управления, способных и имеющих полномочия в кратчайшие сроки осуществить такую работу, в провинции не было, а стихийная организация такого взаимодействия, если и была возможна, то требовала продолжительного времени. Опыт же кооперации в старых промышленных районах уже успел сложиться, и названная проблема стояла там гораздо менее остро. Кроме того, в своей работе, наркоматы отчитывались перед правительством в первую очередь по объемам произведенной продукции, при этом вопрос о том, где эта продукция была произведена, носил второстепенный характер. Это особенно наглядно демонстрировала годовая отчетность. Несмотря на утвержденное деление страны на экономические районы, годовые планы развития народного хозяйства за 1938 и 1939 гг. разбивку на экономические районы не предусматривали¹³⁹, вследствие чего наркоматам было удобнее отчитаться за первые два года третьей пятилетки общим объемом произведенной

¹³⁸ РГАЭ. Ф.4372. Оп. 41. Д. 199а. Л. 19.

¹³⁹ Алампиев П.М. Указ. соч. Кн. 1. С. 175.

продукции, нежели *самостоятельно* принимать на себя задачи комплексного развития экономических районов, не предусмотренные даже текущими планами. Неудивительно, что в этой ситуации наркоматы предпочитали действовать в соответствии с императивами так называемой «краткосрочной максимизации затрат», нарушая на каждом шагу (весьма условные) плановые пропорции в разрезе размещения производства по регионам. Только в плане 1940 г. экономическое развитие РСФСР было запланировано в соответствии с принятым в 1938 г. делением страны на экономические районы¹⁴⁰.

Важным фактором являлась отмеченная выше проблема отставания темпов добычи руды от нужд металлургии и связанный с этим факт падения выплавки чугуна. После войны эта проблема проявит себя в полной мере – как в плане плохой согласованности деятельности металлургических министерств с организациями геологоразведки, так и в аспекте истощения уральских руд.

Все вышеописанное привело к тому, что уже к 1940 г. усилился риск получить на Урале не столько индустриальный плацдарм для дальнейшего освоения восточных территорий, сколько периферийный регион, профилированный на снабжение районов Центра сырьем и полуфабрикатами. Это была опасная тенденция, начавшая постепенно закреплять за Уралом роль медленно перемещаемой на восток «подвижной границы» между экономически развитой Европейской Россией и сырьевым хинтерландом Азиатской России.

Ситуацию был должен исправить «Генеральный хозяйственный план СССР на 1943–1957 гг.»¹⁴¹. Подготовка плана была начата в 1941 г. При подготовке проекта Госпланом были тщательно проанализированы проблемы экономического развития каждого экономического района в отдельности, в т.ч. Урала, по состоянию на 1941 г.¹⁴² Основное внимание он уделял

¹⁴⁰ Алампиев П.М. Указ. соч. Кн. 1. С. 175.

¹⁴¹ Подробно о Генплане 1943–1957 гг. см.: Артёмов Е.Т. Восточные регионы в проектировках ... С. 151–166.

¹⁴² РГАЭ. Ф.4372. Оп. 41. Д. 199а.

проблемам развития восточных территорий, и его выводы в целом повторяли содержание упомянутой выше записки Н.А. Вознесенского В.М. Молотову.

Весной 1941 г. Госпланом были подготовлены «Тезисы доклада Госплана при СНК СССР Центральному комитету ВКП(б) и Совету народных комиссаров СССР о Генеральном плане развития народного хозяйства СССР на пятнадцать лет»¹⁴³. Тезисы состояли из двух частей. В первой рассматривались общие задачи развития экономики СССР в 1943–1957 гг., вторая уделяла основное внимание проблемам комплексного развития отдельных экономических районов, в особенности восточных. При помощи долгосрочного планирования Госплан надеялся ликвидировать вышеописанные недостатки экономического развития восточных районов. Предполагалось, что к 1957 г. Урал, Западная Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия и Казахстан за счет комплексного экономического развития сумеют самостоятельно, без помощи Центра и Юга удовлетворять собственные хозяйственные нужды. Генплан предусматривал ликвидацию дальних перевозок, прекращение межрайонных поставок готовой продукции, сырья и полуфабрикатов. В последнем случае делалось исключение для территорий Урала и Западной Сибири. Расположенные здесь предприятия должны были снабжать близлежащие районы Поволжья, Средней Азии, Восточной Сибири промышленной продукцией¹⁴⁴. т.е. вновь поднималась проблема возвращения Урало-Кузнецкому региону роли «индустриального плацдарма», нацеленного на экономическое освоение пространств Советской Азии.

В целом, к 1941 г. доля всех восточных регионов в промышленном производстве СССР, по разным оценкам, составила от 14,8 до 16% в сравнении с 6–7 % на начальный момент индустриализации. Генплан предусматривал довести к 1957 г. долю восточных регионов в общесоюзном

¹⁴³ РГАЭ. Ф.4372. Оп. 41. Д. 199 б.

¹⁴⁴ Там же. Л. 231–431.

промышленном производстве до 29–30%, ликвидировав отраслевые перекосы и придав развитию более комплексный характер¹⁴⁵.

Реализации столь амбициозной программы Генерального плана помешало начало Великой Отечественной войны. Война, несомненно, способствовала росту промышленного производства на Урале. После немецкой оккупации Украины Урал стал главным поставщиком металлургической продукции в СССР. Как писала «Правда», «Урал принял на свои могучие плечи главную тяжесть снабжения вооруженных сил нашей страны»¹⁴⁶. 40% всех эвакуированных на восток в июле – ноябре 1941 г. предприятий было отправлено на Урал. В 1940–1945 гг. производительность труда здесь выросла на 111% при общесоюзном показателе в 14%. Экономика региона перестраивалась на нужды фронта. 40% военной продукции и 60% черных металлов в годы Великой Отечественной войны производилось на Урале. Урал стал главным сырьевым центром черной металлургии. В 1942–1944 гг. на его долю приходилось от 83 до 93% всей добываемой в стране руды. Уральская черная металлургия за годы войны увеличила выпуск чугуна на 58%, стали – на 56%, проката – на 57%, стальных труб – на 430%. Доля Урала по названным видам продукции в общесоюзном производстве к 1945 г. составила 58,1%, 53%, 51,6%, 65,1%, соответственно. На Урале располагались от 85 до 100% всех металлургических агрегатов, введенных в строй за время войны на востоке СССР¹⁴⁷. Урал был монополистом в производстве алюминия, никеля, кобальта, поставлял значительную долю электролитического цинка, кадмия, марганца и хрома. Война доказала оправданность и разумность идеи эшелонирования оборонно-промышленных комплексов и строительства предприятий-дублеров как в целом, так и на уровне отдельных предприятий. Ярким примером этому служит выход из строя осенью 1941 г. цилиндров ковочного пресса Уралмашзавода усилием 10 тыс. *t*, на котором

¹⁴⁵ Артёмов Е.Т. Восточное направление ... С. 25.

¹⁴⁶ Цит по: Запарий В.В. Металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 161.

¹⁴⁷ См.: Там же. С. 160–195.

штамповались пропеллеры для самолетов, танковая и корабельная броня. Выйти из положения удалось, заменив поврежденные цилиндры деталями аналогичного прессы с Краматорского завода, эвакуированного на Урал¹⁴⁸. Как отмечал бывший в 1941 г. секретарем Свердловского обкома по черной металлургии А.Б. Аристов: «Эвакуированное оборудование потому и удавалось быстро устанавливать и вводить в дело, что на востоке страны имелись однородные предприятия, действующие коммуникации, освоенные заводские площадки и мощная энергосистема ... Не существой однородные заводы или заводы быстро поддающиеся переоборудованию, приспособлению под важные предприятия оборонного значения, перебазирование не дало бы такого эффекта, которым мы законно теперь гордимся»¹⁴⁹.

Вместе с тем, война остановила сложившуюся к 1940 г. тенденцию «сдвига» производительных сил страны на восток. Весь отмеченный выше масштабный рост индустриального производства Урала осуществлялся исключительно на нужды фронта, военной экономики. Став, по словам Н.А. Вознесенского, местом, где разместилась «мощная производственная основа Великой Отечественной войны»¹⁵⁰, Урал окончательно переставал быть тем плацдармом для освоения районов Советской Азии, о котором писал Н.Н. Колосовский, и приобретал все больше черт «тылового укрепрайона». Война заставила правительство использовать производственные мощности Урала для удовлетворения текущих потребностей военной экономики, не давая сил, средств и времени для работы на долгосрочную перспективу освоения советского Зауралья.

Параллельно, в 1943 г., после коренного перелома в Великой Отечественной войне, перед советскими экономистами встала проблема восстановления западных территорий страны, освобожденных от оккупации. Наиболее остро она была поставлена в отношении Донбасса (первой угольно-

¹⁴⁸ См.: Агеев С.С. Металлургическое производство на УЗТМ в 1930-е и в период Великой Отечественной войны (1931-1945) // Модернизационные процессы в металлургии Урала ... С. 144–146.

¹⁴⁹ Аристов А.Б. Указ. соч. С. 11–12.

¹⁵⁰ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1948. С. 10.

металлургической базы СССР, см. Приложение 2). Архив Российской академии наук содержит любопытнейшую стенограмму заседания Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны (Комиссия Комарова) от 28 октября 1943 г. На заседании обсуждались проблемы восстановления Донбасса. При этом большинство участников заседания были обеспокоены перспективой активного восстановления индустрии Украины как фактором, способным отвлечь обширные материальные ресурсы и капиталовложения от промышленности восточных территорий. Участник заседания А.И. Ноткин прямо заявлял, что в вопросе Украины следует «не идти слепо за стихией восстановления», но дать «рациональную схему этого восстановления». Он утверждал, что «речь идет не о восстановлении предприятий, а продукции. Страна давала такую-то продукцию, и она будет давать такую же продукцию через некоторый период после окончания войны»¹⁵¹, Ноткин предостерегал: «Потребуется огромное количество стройматериалов, рабсилы и новых капвложений для того, чтобы восстановить Донецкую промышленность. Вопрос заключается в том, чтобы найти рациональную схему размещения вложений между Востоком и Югом. ... Восток не может быть брошен»¹⁵². Куда более резко высказался один из основателей Урало-Кузбасса Н.Н. Колосовский: «Мне кажется, что довоенный Донбасс отнюдь не представляет собой образец экономических и технических достижений, что внутренняя структура Донбасса являла картину огромной растраты труда народно-хозяйственного в различных отраслях, благодаря некомпетентности этого хозяйства»¹⁵³. Другие участники совещания предпочли прибегнуть к более осторожным выражениям, но общее мнение сводилось к тому, что целесообразность восстановления индустрии разрушенного Донбасса в довоенном масштабе и виде сомнительна, в то время как различные отрасли индустрии на Востоке уже получили мощное развитие, и «ясное дело, что мы должны развернуть все

¹⁵¹ Архив РАН. Ф. 666. Оп. 1. Д. 50. Л. 15 об.

¹⁵² Там же. Л. 16 об.

¹⁵³ Там же. Л. 19.

эти отрасли и забрасывать их нельзя»¹⁵⁴. Участники совещания едва ли выражали мнение Советского правительства насчет послевоенной судьбы Донбасса. Совершенно очевидно, что их мнение шло явно в разрез с позицией Правительства УССР по этому вопросу. Тем не менее, приведенные материалы совещания Комиссии Комарова явно свидетельствуют о начале нового витка серьезной конкуренции между промышленными районами Донбасса и Востока (в первую очередь Урало-Кузбасса), о соперничестве двух регионов за ресурсы, капиталовложения, внимание правительства.

Опасения работников Комиссии Комарова оказались обоснованы. После Победы правительству пришлось заняться восстановлением народного хозяйства на бывших оккупированных территориях. Это предполагало долгосрочную ориентацию промышленности Урала на запад, что сильно затрудняло возможность использовать его в качестве отправной точки для дальнейшего развития востока. Как заметил в 1946 г. секретарь Свердловского обкома по пропаганде и агитации И.С. Пустовалов: «Как в годы Отечественной войны Урал был кузницей грозного советского оружия, так и в годы мирного строительства Урал, обладающий мощной, разнообразной промышленностью, огромными богатствами и ресурсами является важнейшей базой восстановления народного хозяйства страны [курсив мой – М.М.]»¹⁵⁵.

Подготовленная в 1947 г. в Бюро Генплана МУП записка И.С. Шапиро «Методологические материалы по развитию народного хозяйства СССР и Донбасса в IV–V пятилетках» недвусмысленно заявляла: «Для осуществления поставленной в [IV] пятилетнем плане задачи восстановления и дальнейшего развития районов, подвергавшихся оккупации, намечаются капиталовложения за пятилетие в размере 115 млрд. рублей, что составляет 46% всего объема капитальных затрат в народное хозяйство в IV пятилетии.

¹⁵⁴ Архив РАН. Ф. 666. Оп. 1. Д. 50. Л. 16 об.

¹⁵⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д.2. Л. 19.

Основной базой восстановительных работ в южных и западных районах страны являются восточные районы [курсив мой – М.М.], промышленность которых за время войны резко возростала и превысила довоенный уровень производства»¹⁵⁶.

И.С. Шапиро признавал, что: «Установленные законом о пятилетнем плане на 1946–1950 гг. объемы промышленного строительства в восточных районах страны далеко не исчерпывают богатейших ресурсов этих районов, запасов рудного, химического, лесного сырья, минерального топлива и гидроэнергии». Он подчеркивал, что: «Задача *создания во всех основных экономических районах комплексного хозяйства [курсив мой – М.М.] с собственной топливно-энергетической и строительной базой, соответствующим развитием легкой и пищевой промышленности и сельского хозяйства, а в районах, где это позволяют условия, и с собственной металлургией и базирующимся на ней машиностроением это огромная задача...*». Однако задача эта должна была получить «полное разрешение» только «*в перспективе 15–20 лет [курсив мой – М.М.]»¹⁵⁷.*

Конечно, нельзя говорить, что в позднесталинский период промышленность Урала и Востока оказалась полностью заброшенной. Правительство декларировало определенные шаги в направлении экономического развития восточных областей. Это нашло свое отражение в тексте «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», где только количество упоминаний Урала и Сибири насчитывает 42. Документ предполагал «продолжить всемерное развитие металлургической базы СССР на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке», «завершить в основном строительство Нижне-Тагильского и Челябинского металлургических заводов». Планировалось строительство завода электротехнических сталей и возведение новых металлургических заводов в Казахской ССР. Снова писали об автономности востока,

¹⁵⁶ Архив РАН. Ф. 174. Оп. 27. Д. 37. Л. 52.

¹⁵⁷ Там же. Л. 73

подчеркивалась необходимость «создать собственную железнорудную базу на Дальнем Востоке и в Сибири», «расширить геологоразведочные работы в восточных районах СССР», подготовить промышленные запасы для строительства новых металлургических заводов на Северном Урале, в Сибири, в Казахской ССР».

Без внимания не остались и вопросы транспорта. В годы войны сообщение с Уралом и Сибирью, а также Урала и Сибири, оказалось затруднено из-за загруженности речных и железнодорожных путей. Власть предписывала: «Обеспечить полное бесперебойное удовлетворение потребностей в перевозках промышленности Урала и Сибири, ... реконструкцию существующих и строительство новых подъездных путей, ... на предприятиях Урала и Сибири, и улучшение работы транспортных цехов промышленных предприятий».

Нехватка электроэнергии потребовала «Форсировать строительство гидроэлектростанций на Урале, особенно малых и средних, обеспечив ввод в действие за пятилетие 345 тыс. киловатт. Построить и ввести в действие первую очередь крупной гидроэлектростанции на реке Каме и восемь средних гидроэлектростанций на других реках. Приступить к строительству гидроэлектростанции на реке Уфе, а также организовать строительство небольших гидроэлектростанций на малых реках Урала», а также «в целях сокращения завоза энергетического топлива на Урал» увеличить добычу углей. Предусматривал план и «освоение новых нефтяных площадей»¹⁵⁸.

Пятый пятилетний план (1950–1955 гг.) также декларировал «улучшение географического размещения строительства промышленных предприятий ... имея ввиду дальнейшее приближение промышленности к источникам сырья и топлива»¹⁵⁹.

Но все же, это было совсем не похоже на довоенные проектировки. Знакомство с приведенными выше материалами по IV и V пятилетним

¹⁵⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 3. С. 246–320.

¹⁵⁹ Там же. С. 717.

планам удивляет обилием общих слов и отсутствием конкретной информации по развитию каждого экономического района, как это было сделано в плане III пятилетки. Это не устраивало некоторых экономистов, в частности, Н.Н. Колосовского. В августе 1947 г., выступая на конференции по изучению производительных сил Иркутской области, Н.Н. Колосовский отметил в своем докладе, что «сдвиг индустрии на Восток» подразумевает не только развитие тяжелой индустрии Урала и районов Кузнецкого бассейна, но и Восточной Сибири¹⁶⁰. Индустриализацию Восточной Сибири Колосовский предполагал осуществить путем строительства Прибайкальского энергопромышленного комплекса, который, вслед за Урало-Кузбассом, должен был стать второй базой для промышленного развития Советской Азии. Проект предполагал использование энергоресурсов Ангары в масштабах, равных ресурсам Урало-Кузбасса, при минимум в два раза более высокой эффективности труда с резервом для дальнейшего развития, двукратно превосходящим энергетическую мощность Урало-Кузбасского комбината. Предполагалось, что «новый Восточно-Сибирский комбинат, включив в себя ангаро-енисейские установки, может быть тесно связан с Кузнецким районом по линии энергетики и рудообеспечения кузнецких заводов ... Позволит вовлечь в эксплуатацию громадные резервы лесов, рудного, топливного, минерально-химического сырья Восточно-Сибирской платформы Восточного Саяна, Бурятии, Восточного Забайкалья и Тувы. Приблизить центры индустрии к Дальнему Востоку, Якутии, Енисейскому Северу, тем самым ускорив разработку богатств этих территорий. Тем самым, коренным образом решить задачи экономического развития Востока, закрепив и расширив достижения Урало-Кузнецкого комбината»¹⁶¹.

Однако, эти идеи уже не находили поддержки. 10 ноября 1948 г. на совещании в секторе экономического районирования Института экономики

¹⁶⁰ Колосовский Н.Н. Проблемы территориальной организации ... С. 21.

¹⁶¹ Там же. С. 21–22.

АН СССР взгляды Н.Н. Колосовского были подвергнуты серьезной критике со стороны Л.Я. Зимана. Как сторонник комплексного развития отдельных экономических районов, Колосовский обвинялся в «техницизме, сведении единства экономического района к единству технологическому», что «не может привести к положительным результатам, так как при этом теряется различие между капиталистическими и социалистическими экономическими районами»¹⁶². Как поясняет это положение П.М. Алампиев, критики Колосовского считали, что «при социализме конкуренция, антагонизм районов ликвидируются, отношения между районами строятся на основе товарищеской взаимопомощи районов, совместной их работе на благо всей страны. Передовые районы здесь выступают не в роли угнетателей и эксплуататоров, а в роли опоры слабых и отсталых районов, их верных помощников и друзей»¹⁶³.

Иными словами, после 1945 г. правительству более не требовалось превращать страну в сеть самодостаточных промышленных комбинатов. После войны Советский Союз был вынужден в первую очередь заниматься восстановлением народного хозяйства в западных районах, сильно пострадавших, а то и полностью разрушенных в ходе боевых действий. Изыскивать в таких условиях средства на освоение восточных районов представлялось сложным и едва ли нужным. Ведь расширение сфер советского влияния после Второй мировой войны на западе – в Восточной Европе – и на востоке, после победы коммунистов в Китае в 1949 г., создало своеобразные буферные «пояса безопасности» возле советских границ и тем самым, в некоторой степени, снимало остроту проблемы создания оборонительных индустриальных баз вдали от советских границ. А, как отмечалось выше, именно эта проблема оказала решающее влияние на начало в 1930 г. строительства Урало-Кузбасса и сдвига индустрии на восток. Теперь же становилось возможным строить отношения между советскими

¹⁶² Алампиев П.М. Указ. соч. Кн. 1. С. 15.

¹⁶³ Там же.

регионами уже по взаимодополняющему, а не взаимозаменяющему принципу, тем самым избежав дорогостоящих затрат на комплексное развитие отдаленных регионов и получив возможность тратить высвободившиеся ресурсы на общее восстановление разоренной войной страны.

Тем не менее, как минимум дважды после войны, Госплан выступал с инициативой принятия Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 20 лет. В 1949 г. Госпланом был подготовлен трехтомный проект «О Генеральном плане на 1946–1965 гг.»¹⁶⁴. Позднее, в том же 1949 г., Госплан подготовил двухтомный «Проект постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о предварительном генеральном хозяйственном плане СССР на 1951–1970 гг.»¹⁶⁵. Оба плана были подготовлены подобно довоенному Генплану 1941 г. Здесь, в отличие от упоминавшихся материалов IV и V пятилеток, планирование осуществлялось по 13-ти экономическим районам. Были рассчитаны контрольные цифры по производству на уровне районов и общесоюзных отраслей на 30 лет вперед. Однако оба плана остались существовать только в виде проектов и приняты к исполнению не были.

Таким образом, можно заключить, что уже накануне Великой Отечественной войны, индустрия Урала столкнулась с рядом проблем выраженных в диспропорциональном развитии отдельных отраслей местной промышленности и зависимостью Уральского региона от экономических районов Центра и Юга. Тем не менее, довоенные пятилетки создали здесь современную индустрию (Урало-Кузбасс), ставшую основой военной экономики СССР в 1941–1945 гг. Однако, после войны, советское правительство перестало «на 15–20 лет»¹⁶⁶ обращать должное внимание на развитие Урала, окончательно превратив его из «плацдарма» для освоения востока в базу восстановления западных и южных территорий. При этом

¹⁶⁴ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96 сч. Д. 239–244.

¹⁶⁵ См.: там же. Д. 1387, 1388.

¹⁶⁶ Архив РАН. Ф. 174. Оп. 27. Л. 73.

Урал начал активно конкурировать с индустрией Донбасса. Планы IV и V пятилеток, заметно уступая, по качеству проработки, хотя бы довоенному плану III пятилетки, уделяли экономике Урала только самое общее внимание. И все же, проблемы, возникшие в уральской экономике накануне войны, не могли исчезнуть сами собой. Их предстояло решать отраслевым министерствам и ведомствам, территориальным главкам, руководству местных исполкомов и обкомов ВКП(б), а также центральному правительству. Изучению связанных с этим вопросов будет посвящена дальнейшая часть настоящего исследования.

1.2. Противоречия в позициях общесоюзных и отраслевых органов государственного управления по вопросам развития индустриального потенциала Урала

В ходе индустриализации СССР в 1930-х гг. в Советском Союзе была создана сильная «вертикальная» ведомственно-отраслевая система управления экономикой. В ходе административно-территориальной реформы 1930-х гг. руководство народным хозяйством оказалось отделено от системы административно-территориального управления и стало всецело осуществляться отраслевыми наркоматами, что легло в основу организации сверхцентрализованной командной советской экономики¹⁶⁷.

Сложившаяся модель экономического управления имела ряд существенных преимуществ – прежде всего, с точки зрения ускорения индустриального строительства и немедленного практического осуществления решений центральных властей в области экономики. Вместе с тем, в числе ее слабых сторон оказались проблемы кооперации деятельности предприятий разной ведомственной принадлежности и трудности в области комплексного развития отдельных экономических районов, особенно периферийных территорий. Еще перед войной, в третий год третьего пятилетнего плана были предприняты попытки решить названные проблемы с помощью вмешательства Госплана СССР, однако, их реализация была прервана событиями 1941 г.¹⁶⁸

Следует отметить, что, несмотря на довольно высокую и авторитетную позицию Госплана в советской государственной иерархии, где председатель Госплана автоматически занимал должность заместителя Председателя Совнаркома СССР, *de facto* его влияние на отраслевые наркоматы и отраслевых наркомов было в известной степени ограниченным. Война не могла не усугубить эту ситуацию. В условиях военной экономики не

¹⁶⁷ Подробнее об этом см.: Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003 С. 85–87.

¹⁶⁸ См. *Параграф 1.1* настоящей работы.

действовали пятилетние планы, в управлении промышленностью на первый план выходила потребность как можно скорее удовлетворять потребности фронта, что не могло не ослабить влияния органов центрального планирования, в первую очередь, Госплана. Показательны события 10 ноября 1942 г. Тогда в Комиссии по мобилизации АН СССР обсуждали обращение Госплана в Академию наук с просьбой помочь в получении реальных статистических данных по отдельным наркоматам, которые сами наркоматы предоставить в Госплан не спешили. Сотрудник Академии наук Васютин весьма недвусмысленно высказался на этот счет, подчеркнув необходимость: «... вооружить Госплан для борьбы с Наркоматами»¹⁶⁹.

После войны, во время подготовки и осуществления IV и V пятилеток, обозначившиеся к 1940 г. проблемы кооперации ведомств и комплексного развития регионов вновь оказались актуальны. К 1 августа 1945 г. Госпланом СССР, был подготовлен, одобрен и вынесен на рассмотрение и утверждение Совнаркомом СССР проект постановления о составлении территориальных народнохозяйственных планов по союзному хозяйству¹⁷⁰. Через неделю, 7–8 августа, Госплан, в соответствии с заданием Председателя Совнаркома И.В. Сталина постановил приступить к составлению Пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг., а также пятилетнего плана восстановления и развития железнодорожного транспорта на 1946–1950 гг.¹⁷¹

Для этой работы Госпланом были образованы две комиссии под председательством руководителя Госплана Н.А. Вознесенского. Комиссии в составе А.Ф. Зеленовского, Н.И. Ковалёва и И.Л. Галицкого было поручено подготовить пятилетний план восстановления и развития железнодорожного транспорта СССР на 1946–1950 гг., представив его проект Н.А. Вознесенскому к 25 августа 1945 г.

¹⁶⁹ Архив РАН. Ф. 666. Оп. 1. Д. 113. Л. 91–96.

¹⁷⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп 45. Д. 1. Л. 100.

¹⁷¹ Там же. Л. 106, 108.

Составление плана IV пятилетки было поручено комиссии в составе АН. Лаврищева (начальник территориально-планового управления Госплана), Г.П. Косяченко, В.Н. Старовского, и Б. Я. Сухаревского. Все они на время составления пятилетнего были полностью освобождены от текущей работы. Последним также было поручено, совместно с другими членами Госплана, обеспечить обсуждение проекта пятилетнего плана с соответствующими народными комиссарами и СНК союзных республик. Сотрудники Госплана обязывались к 25 августа 1945 г. обеспечить получение от наркоматов и Совнаркомов Союзных республик проектов планов восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг.

Начальникам отделов и управлений Госплана предписывалось представить председателю Госплана в срок до 25 августа 1945 г. проект пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1945–1950 гг. обсудив эти предложения с обкомами, крайкомами и ЦК компартий союзных республик¹⁷².

К 1 сентября 1945 г. Госплан рассчитывал получить Пятилетний технический план развития народного хозяйства СССР на 1945–1946 гг.¹⁷³

Здесь обращают на себя внимание *три вопроса*.

Во-первых, сроки, отведенные обеим комиссиям для работы, были определены всего в 2–3 недели. Небольшое число членов в комиссиях (3–4 человека) не должно вводить в заблуждение. Все они занимали в Госплане руководящие должности, и при подготовке планов на IV пятилетку, безусловно, должны были использовать весь штат своих подчиненных. Однако, сама возможность за две недели, без долговременной предварительной подготовки, разработать пятилетний план развития народного хозяйства и пятилетний план развития железнодорожного транспорта для всей территории Советского Союза представлялась сомнительной.

¹⁷² РГАЭ. Ф. 4372. Оп 45. Д. 1. Л. 108.

¹⁷³ Там же.

Во-вторых, необходимо было получить проекты планов восстановления и развития народного хозяйства от отраслевых наркоматов и правительств союзных республик. В условиях сжатых сроков это означало, что именно названные проекты лягут в основу IV пятилетнего плана. Исходя из довоенной практики отношения наркоматов к рациональному размещению производительных сил по всей территории СССР, можно предполагать, что этот вопрос имел шанс на должное рассмотрение только в отношении союзных республик, с правительствами которых его предполагалось согласовать. В отношении же экономических районов восточной части РСФСР (в т.ч. Урала) такая перспектива, несмотря на намерения Госплана обсудить проект пятилетки с крайкомами и обкомами, представлялась не очень обнадеживающей. В подтверждение этому отметим, что уже 19 сентября 1945 г. Госплан, внося поправки в проект IV пятилетнего плана, обязал членов Госплана, начальников управлений и отделов в 5-тидневный срок, начиная с 21 сентября, обсудить проект пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР только с наркоматами и союзными республиками¹⁷⁴.

В-третьих, интересен сам факт одновременного планирования пятилетнего плана развития всего народного хозяйства и пятилетнего плана для отдельной отрасли – железнодорожного транспорта. Имеются свидетельства, что в послевоенные годы отдельные ведомства делали попытки следовать такому примеру железнодорожников и заниматься долгосрочным планированием развития своей отрасли самостоятельно, что вызывало активное сопротивление Госплана. Указанием на это может служить признание бывшего министра электростанций Д.Г. Жимерина, данное им в интервью Г.А. Куманёву 7 марта 1991 г.:

«Я написал записку Сталину относительно того, что сооружение гидроэлектростанций нужно планировать не по пятилеткам, а на 15-летний срок. Доказывал всем, что гидроэлектростанции – сложные сооружения и их

¹⁷⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп 45. Д. 1. Л. 126.

строительство никак не укладывается в 5-летний срок [...] ведь и ленинский план ГОЭЛРО был рассчитан на 10–15 лет.

Обсуждается данный вопрос у Сталина. И вдруг на этом заседании выступает Вознесенский с разгромной речью, [...] что вот *Жимерин ставит своей целью разломить, разрушить стройную систему сталинских пятилеток* [курсив мой – М.М.]. Предлагая сооружать электростанции в течение 15-летнего срока, он, мол, подрывает сталинские пятилетки. Такова была программная речь председателя Госплана СССР.

Я выступил с очень резкой речью [...] и с самого начала стал рубить с плеча. Я сказал, что товарищ Вознесенский не понимает особенности строительства гидроэлектростанций. Он, видимо, некомпетентный в этом деле человек. И вместо того чтобы разобраться, как ему положено в качестве председателя Госплана, Николай Алексеевич встал на путь чисто формального обвинения.

[...] Когда окончилась эта перепалка, Сталин спокойно сказал буквально несколько слов. [...] Вот, говорит, товарищ Жимерин внес предложение – 15 лет отвести на сооружение гидроэлектростанций. Я, думаю, он увлекается: 15 лет – это очень длительный срок строительства. Но, с другой стороны, товарищ Жимерин прав: за пять лет крупную гидроэлектростанцию соорудить невозможно. Вот 10 лет, это, наверное, наиболее подходящий срок»¹⁷⁵.

На первый взгляд позиция Н.А. Вознесенского в отношении предложений Д.Г. Жимерина выглядит странной. Вполне логичной кажется возможность привязать 15-летний план строительства ГЭС к трем пятилетним планам, оставив «стройную систему сталинских пятилеток» в неприкосновенности. Собственно, именно так и было сделано при подготовке десятилетнего плана строительства электростанций, рассчитанного на 1951–1960 гг.¹⁷⁶ Однако, в долгосрочной перспективе,

¹⁷⁵ Куманёв Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 412–413.

¹⁷⁶ См.: РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 98 сч. Д. 764; ГАРФ. Ф. 5446. Д. 51а. Д. 3760, 3762, 3763, 3764.

самостоятельный 15-тилетний план отдельного ведомства мог поставить Госплан перед рядом проблем. Так, при подготовке минимум двух пятилеток Госплан вынужден был бы считаться с уже утвержденным 15-летним планом строительства электростанций и либо «подгонять» под него планы работ по другим, смежным, отраслям (электропромышленности, машиностроения и др.), а также планы по размещению энергоемких предприятий, либо вести переговоры с Министерством электростанций о внесении изменений в 15-тилетний план. Последнее, с учетом того, что план уже был бы утвержден в Правительстве, безусловно, вызвало бы массу затруднений. Кроме того, возможным было возникновение проблем в процедуре отчетности по 15-тилетнему плану в аспектах предоставления МЭС своевременных отчетов в Госплан и допуске МЭСом территориальных уполномоченных Госплана к контролю и наблюдению за осуществлением на местах 15-летнего плана. Так или иначе, приведенный отрывок из интервью Д.Г. Жимерена, явно свидетельствуют о наличии в середине 1940-х гг. как минимум одного конфликта между Госпланом СССР и отдельным ведомством (Минэлектростанций) по вопросам осуществления послевоенного планирования.

Следует отметить, что в рассматриваемый период, противоречия Госплана СССР и профильных министерств зашли достаточно далеко. Протоколы заседаний Госплана позволяют предполагать, что даже профильные отделы Плановой комиссии не гнушались если не «лоббированием» в Госплане интересов своих министерств, то, во всяком случае, весьма не критичным отношением к их предложениям и проектам. Так, приказ Госплана № 110 от 12 января 1945 прямо свидетельствует о фактах включения отделам и управлениям Госплана в проекты решения Правительства новых заданий по капстроительству, не предусмотренных годовыми планами и не согласованных с отделом капитального строительства¹⁷⁷.

¹⁷⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп 45. Д. 8а. Л. 1.

Отраслевые отделы при подготовке планов капитальных работ зачастую пренебрегали принципами рационального размещения производительных сил и массово намечали строительство новых промышленных предприятий в таких старых индустриальных центрах, как Юг, Центр и Северо-Запад (здесь явно чувствуется влияние профильных министерств, прибегавших подобной практике еще в довоенные годы). Это нашло свое отражение в материалах Госплана, который на заседании 19 сентября 1945 г. обязал собственные отделы пересмотреть план капитальных работ по цветной металлургии, резко сократив намеченный объем работ по районам Центра, Москве и Ленинградской области, сократить по Наркомхимпрому объем капитальных работ по районам центра, особенно по Москве и Уралу, ограничив капитальные работы в Москве в основном жилищным строительством. Было решено перенести в другие районы СССР, преимущественно восточные, строительство заводов, предусмотренных отделом электропромышленности – а именно, заводов проволочных связей из Саратова и радиолокационной аппаратуры из Горького и Одессы, нового завода силовых трансформаторов и электропечей из Харькова, новых заводов телевизионной аппаратуры и радиостроения из Киева, завода кранового оборудования из Новосибирска. Госплан также требовал пересмотреть в сторону снижения объем капитальных работ по предприятиям центральных районов СССР и перенести строительство завода химводоочистки из Воронежа, завода редукторов и зубчатых колес из Саратова в другие, а именно, восточные, районы¹⁷⁸.

Было решено пересмотреть в сторону снижения объем капитальных работ по Наркомату станкостроения в Москве, ограничив его только жилищным строительством и перенести строительство новых заводов агрегатных станков из Костромы и Воронежа также в восточные районы¹⁷⁹.

¹⁷⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп 45. Д. 1. Л. 127.

¹⁷⁹ Там же. Л. 129.

В целях предотвращения нерациональных перевозок и ограничения нового промышленного строительства в районах Урала Госплан обязывал перенести строительство нового завода металлической мебели из района Каменска (Свердловская область) и завода палубных вспомогательных механизмов из Молотова в другие восточные районы¹⁸⁰.

Пересматривались проектировки размещения предприятий промышленности искусственного волокна с учетом, в частности, строительства двух предприятий в районах Сибири¹⁸¹. Увеличивалось количество вводимых в действие веретен по районам Средней Азии и Сибири за счет предприятий, намеченных к строительству на Украине.

Начальникам отделов Госплана СССР вменялось тщательно проверить правильность запроектированного объема капиталовложений на восстановление предприятий в районах, подвергшихся немецкой оккупации, а также в городах Москва, Ленинград, Харьков, Киев и Ростов. Имелась в виду необходимость сокращения этого объема за счет исключения строительства новых корпусов под видом под видом восстановления предприятий, кроме случаев, предусмотренных решениями Правительства.

Запрещалось, кроме случаев, предусмотренных решениями Правительства, строительство новых предприятий и цехов в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве и Ростове¹⁸².

Таким образом, мы наблюдаем упорные попытки руководства Госплана составить пятилетний план таким образом, чтобы он мог, с одной стороны, по выражению, Н.А. Вознесенского, «полностью восстановить довоенный уровень развития народного хозяйства в районах СССР подвергшихся немецкой оккупации», с другой же – «обеспечить дальнейшее индустриальное и сельскохозяйственное развитие всех районов СССР,

¹⁸⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп 45. Д. 1. Л. 129.

¹⁸¹ Там же. Л. 130.

¹⁸² Там же. Л. 132.

особенно Сибири и Дальнего Востока» и «существенно превзойти довоенный уровень развития народного хозяйства СССР»¹⁸³.

При этом Госплану приходилось сталкиваться как с сопротивлением профильных министерств, так и собственных отделов, стремившихся разместить новые производства в старых промышленных районах. Следует отметить, что индустриальный Урал отныне, в отличие от других восточных районов (Сибири и Средней Азии), также вошел в число регионов, нежелательных для размещения новых производств. В частности, постановление Совета Министров СССР № 1869-729 от 2 ноября 1948 г. прямо устанавливало запрет на строительство новых энергоемких предприятий в районах Урала¹⁸⁴. По всей видимости, последнее было вызвано как перегруженностью экономики региона вследствие эвакуации сюда большого количества предприятий в военное время, так и осуществлением здесь работ в рамках Атомного проекта¹⁸⁵.

Тогда же, 19 сентября 1945 г., начальнику территориально-планового управления Н.А. Лаврищеву было поручено дополнить таблицы пятилетнего плана распределением валовой продукции всей промышленности по республикам и экономическим районам¹⁸⁶. Судя по материалам, хранящимся в ГАРФ, готовая таблица по Уралу (представлена в Совмин в марте 1946 г.) выглядела следующим образом (См. *Таблицу 7*)

Таблица 7

Показатели производства основных видов промышленной продукции по Уралу в IV пятилетнем плане.

	Единица измерения	1940 г.	1945 г.	1950	
				план	факт.*
1	2	3	4	5	6
Валовая продукция	млн. руб.**	9205	28562	33800	26879
Электроэнергия	млн. кВт-ч.	6174,4	12354	17260	18400
Добыча угля	тыс. тонн	11956,3	25668,6	35733	32500

¹⁸³ ГАРФ. Ф. р5446. Оп. 48а. Д.2698. Л. 220–221.

¹⁸⁴ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л. 21.

¹⁸⁵ См. об этом *Параграф 2.3.* настоящей работы.

¹⁸⁶ РГАЭ. Ф. 4372. оп 45. д. 1. Л. 135.

1	2	3	4	5	6
Добыча нефти	– / –	1628,6	1793	5275	6300
Кокс	– / –	2200,1	6828	11300	8400
Чугун	– / –	2714,3	5131,1	7640	7200
Сталь	– / –	3924,4	6498,1	10304	10700
Прокат	– / –	2827,9	4373,3	7062,1	7800
Медь черновая	– / –	85,4	52,3	97	82
Алюминий первичный	– / –	13,3	73,7	103	93,1
Автомобили	тыс. штук	–	8,7	45	н.д.
Тракторы	– / –	8,58	–	15	н.д.
Цемент	тыс. тонн	345	315	710	921
Стекло оконное	тыс. м ²	2076	1353	2350	н.д.
Вывозка деловой древесины	тыс. пл. м ³	16067	11245	25358	26000
Вывоз дров	– / –	22477	18134	20601	н.д.
Пиломатериалы	тыс. м ³	3929	2753	4584	53000
Бумага	тонн	157112	89300	233980	249000
Обувь	тыс. пар	9349	7730	19030	н.д.
Мясо	тыс. тонн	70,4	53,1	95	102

Составлено по: ГАРФ. Ф. р5446. Оп. 48а. Д.2698. Л. 169; РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л. 18–25; Народное хозяйство РСФСР ... С. 28–29.

** в ценах 1926/27 гг.

* графа фактического производства в 1950 г. добавлена автором.

В таблице обращает на себя внимание тот факт, что в части производства промышленной продукции она ограничивается в основном номенклатурой сырья и полуфабрикатов. Здесь, за исключением авто- и тракторостроения, совершенно не представлены планы по производству металлургического оборудования, станкостроения, машиностроения, химической промышленности и других высокотехнологичных производств. Отметим, что, несмотря на перевыполнение плана по подавляющему большинству пунктов, представленных в таблице, план производства по общему объему валовой продукции был не выполнен на 21%. Мы предполагаем, что невыполнение на 21% произошло именно за счет высокотехнологичных производств Урала.

Следует отметить, что в дальнейшем, к осени 1947 г., Госплан разработал проект IV пятилетки только по годам пятилетки и

министерствам¹⁸⁷. Архивные документы свидетельствуют, что аналогичная работа в области планирования пятилетки по экономическим районам велась довольно-таки слабо, и Госплан уделял ей второстепенное внимание.

При этом согласование пятилетнего плана с отдельными министерствами продолжалось вплоть до конца 1947 г. (См Приложение 5). Следует отметить, что это согласование велось только касательно общего объема выпускаемой продукции, вопросы территориального размещения производства обсуждались лишь применительно к некоторым союзным республикам (у которых были для этого собственные Совмины); экономическое же развитие отдельных экономических районов оставалось без достаточного внимания¹⁸⁸.

Большая часть министерств довела согласованный пятилетний план до собственных предприятий только к марту 1948 г., при этом 8 министерств (вооружений, строительства предприятий тяжелой индустрии, рыбной промышленности западных и восточных районов, мясомолочной, пищевой промышленности и сельского хозяйства) не довели до своих предприятий план даже в этот срок¹⁸⁹.

В регионах пятилетних планов не имели многие предприятия и других министерств. Так, только в машиностроительной отрасли Челябинской области, по состоянию на 1 декабря 1949 г., собственных пятилетних планов не получили: 4 завода Минтрансмаша (в т.ч. Кировский), 2 завода Минавтопрома, 4 завода Минсельхозмаша, один завод Минвооружений, один завод Министерства станкостроения и 2 завода Минприборостроения¹⁹⁰.

До 1948 г., в отсутствие плана IV пятилетки, *de jure* начавшейся 18 марта 1946 г. с принятием соответствующего «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.»¹⁹¹, советская экономика функционировала согласно краткосрочным годовым

¹⁸⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп 47. Д. 1. Л. 53.

¹⁸⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп 46. Д. 190. Л. 1–338.

¹⁸⁹ Там же. Оп. 49. Д. 161. Л. 6–8.

¹⁹⁰ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 13. Д. 284. Л. 77–79.

¹⁹¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам ...Т. 3. С. 246–219.

планам развития народного хозяйства¹⁹², что также не способствовало комплексному развитию отдельных экономических районов. Последняя проблема зачастую игнорировалась территориальными органами Госплана (уполномоченными) на местах.

Так, приказ Госплана № 1138 от 31 июля 1948 г. за подписью Н.А. Вознесенского, «О мероприятиях по улучшению работы уполномоченных Госплана СССР», отмечал, что многие уполномоченные неудовлетворительно, и чаще всего поверхностно, проводят проверку выполнения народнохозяйственного плана. Указывалось, что: «Госплан имеет немало примеров того, как Уполномоченные, не разобравшись в деле и *находясь под местническими и ведомственными влияниями* [курсив мой – М.М.] занижают производительные возможности промышленных предприятий и сельского хозяйства»¹⁹³.

Отдельной проблемой были названы факты того, что «уполномоченные *не вскрывают диспропорций и не разрабатывают мероприятия по предупреждению и ликвидации частных диспропорций в пределах соответствующих экономических районов* [курсив мой – М.М.]»¹⁹⁴. Госплан с беспокойством констатировал, что «уполномоченные, в ряде случаев не противостояли местническим тенденциям, и нередко сами находились в их власти, *не обеспечили в своей работе независимости от местнических и ведомственных влияний* [курсив мой – М.М.]».

С целью устранить названные проблемы, Н.А. Вознесенский дал ряд указаний уполномоченным Госплана относительно их дальнейшей работы в III–IV кварталах 1948 г. в различных регионах СССР. В частности, на Урале председатель требовал от уполномоченных:

Во-первых, проверить выполнение плана по расширению железорудной базы и вводу в действие новых мощностей по добыче руды на

¹⁹² См., напр.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 130.

¹⁹³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 24. Д. 126. Л. 24.

¹⁹⁴ Там же. Л. 25.

Урале и в Западной Сибири, одновременно разработав мероприятия по ликвидации отставания здесь рудной базы от черной металлургии¹⁹⁵.

Во-вторых, проверить выполнение плана строительства и ввода в действие новых электростанций и электрических мощностей для ликвидации дефицита электроэнергии в Уральской энергосистеме с целью преодоления на Урале отставания топливно-энергетической базы народного хозяйства и переводу предприятий на местные виды топлива, одновременно способствуя расширению строительства на Урале гидроэлектростанций.

В-третьих, осуществить кооперирование семи машиностроительных заводов (Уральского турбинного, Кировского, Завода № 172, Завода № 10, Южуралмаша, Завод № 26, Завода № 71).

Кроме того, Вознесенский обращал внимание на необходимость ликвидации в регионе нерациональных и сверхдальних железнодорожных перевозок¹⁹⁶. В части Северного Урала подчеркивалась необходимость разработки мероприятия по развитию Печорского угольного бассейна¹⁹⁷.

Летом 1949 г. М.З. Сабуров, возглавивший Госплан СССР, после смещения с должности Н.А. Вознесенского, в письме на имя Секретаря ЦК ВКП(б) П.К. Пономаренко сообщал последнему о недостатках территориального планирования и планирования размещения предприятий в восточных районах СССР. Письмо сообщало об отставании в развитии промышленности и промкооперации в районах Урала, Сибири, Дальнего Востока, в глубинных пунктах других экономических районов, а также в глубинных пунктах союзных республик.

Сабуров констатировал невыполнение со стороны Госплана «должного контроля за выполнением директив XVIII съезда ВКП(б) о том, чтобы в основных экономических районах союза обеспечить комплексное развитие хозяйства и организовать добычу топлива и производств», а также неудовлетворительное планирование размещения предприятий, выбор места

¹⁹⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 24. Д. 126. Л. 27, 35.

¹⁹⁶ Там же. Л. 35.

¹⁹⁷ Там же. Л. 34.

для строительства которых «часто решался без необходимого учета основной задачи размещения “приближения промышленности к источникам сырья и ликвидации чрезмерно дальних перевозок” (резолуция XVIII съезда)»¹⁹⁸.

Из документа следует, что министерства и ведомства не представляли в Госплан необходимых материалов по обоснованию размещения нового строительства; Госплан же, в свою очередь, не подвергал всесторонней проверке и обоснованию планы проектно-изыскательских работ, определявших размещение будущего строительства.

Неудовлетворительно выполнялись принятые еще до войны указания партии и правительства о создании предприятий-дублеров и дублирующих производств по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии.

Госплан не контролировал выполнение решения XVIII съезда ВКП(б) о запрещении строительства новых предприятий в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Горьком и Свердловске.

Особо отмечалось, что «министерства и ведомства, как правило, не предоставляют в Госплан территориальный разрез плана», а «проекты планов в территориальном разрезе всерьез не обсуждаются с представителями Союзных Республик и в частности не практикуется совместного обсуждения территориального плана с представителями союзных республик и с представителями министерств»¹⁹⁹.

Госплан не располагал паспортами экономических районов, союзных республик, краев, областей и крупных городов. Более того, по мнению Сабурова, «отраслевые отделы Госплана не разрабатывают планы развития отраслей в территориальном разрезе, планы размещения предприятий и районные балансы по основным видам промышленной продукции (уголь, металл, лесные и строительные материалы). Некритично относятся к районным проектировкам министерств и ведомств, *проявляя в отдельных*

¹⁹⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 49. Д. 161. Л.30.

¹⁹⁹ Там же. Л. 31.

случаях негосударственный ведомственный подход в решении вопросов размещения производства [курсив мой – М.М.]»²⁰⁰.

Более того, отвечавшее за эти проблемы сводное управление территориального планирования и размещения предприятий Госплана не занималось организацией работ по размещению производства. В частности, управлением не разрабатывались районные балансы производства и потребления. По мнению Сабурова, «Сводное управление территориального планирования и размещения предприятий Госплана СССР не занималось по существу вопросами размещения предприятий. Управление не укомплектовано работниками соответствующей квалификации»²⁰¹.

Безусловно, к письму М.З. Сабурова следует подходить с некоторой долей критичности. Столь резкие оценки подчиненного ему ведомства во многом являлись обвинениями не столько в адрес Госплана, сколько в адрес предыдущего председателя Госплана – опального А.Н. Вознесенского. Как было отмечено выше, крайне малых сроков, отводимых Госплану для народнохозяйственного планирования, едва хватало лишь на получение отраслевых планов от министерств и согласования их с этими ведомствами. Логичнее предположить, что профильные отделы Госплана и сводное управление территориального планирования не столько проявляли «негосударственный ведомственный подход», при работе с министерствами, сколько были вынуждены «некритично относиться» к предлагаемым министерствами проектировкам из-за нехватки времени. Министерства же успешно пользовались сложившейся ситуацией для удовлетворения собственных «ведомственных» интересов.

Так или иначе, следует признать, что к концу 1940-х гг. проблема кооперации министерств и ведомств стояла довольно остро. Госплану длительное время не удавалось ее разрешить, более того, отраслевые отделы

²⁰⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 49. Д. 161. Л.31.

²⁰¹ Там же. Л.32.

Госплана вынужденно оказались под влиянием министерств собственной отрасли и использовались последними для отстаивания своих интересов.

Отметим, что этот негативный опыт был учтен при планировании плана V пятилетки. Тогда Госплану 3 августа 1949 г. Сводным отделом перспективного планирования, наряду с «Показателями и формами пятилетнего плана на 1951–1955 г», были представлены подготовленные специально «Предложения об организации работы по составлению второго послевоенного пятилетнего плана *размещения* народного хозяйства СССР на 1951–1955 гг.»²⁰².

Мы не располагаем данными о дальнейшей судьбе плана размещения народного хозяйства. Однако имеющиеся документы явно свидетельствуют о том, что рассмотренные проблемы оставались актуальными и в первые годы пятой пятилетки.

Так, в специальном постановлении Совмина СССР № 271 от 18 января 1952 г. «О порядке выбора и утверждения площадок для строительства промышленных предприятий» в жесткой форме констатировалось халатное отношение министерств к принципам рационального размещения производительных сил на территории Советского Союза, их неспособность к совместной кооперации²⁰³.

Совет министров СССР отмечал, что существующая практика размещения промышленных предприятий и выбора площадок для их строительства была не свободна от недостатков. Министерствами и ведомствами при размещении предприятий допускались нарушения указаний Правительства о приближении промышленности к источникам сырья, топлива и районам потребления, а также о сокращении нерациональных и чрезмерно дальних перевозок²⁰⁴.

В ряде случаев при размещении новых промышленных предприятий выбор районов и площадок для их строительства производился без

²⁰² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 49. Д. 161. Л.45–46.

²⁰³ Там же. Оп. 52. Д.14. Л.37.

²⁰⁴ Там же.

необходимых технико-экономических обоснований и предварительных изысканий. При выборе площадок для строительства предприятий министерства и ведомства часто не учитывали возможности сокращения объема и стоимости строительства за счет совместного с другими предприятиями строительства общих электростанций, водопроводов, канализации, дорог, мостов и других коммунальных сооружений, жилых поселков, культурно-бытовых учреждений, а также взаимного производственного кооперирования и комбинирования. Совмин также отметил недостаточный контроль за правильным размещением предприятий со стороны Госплана СССР²⁰⁵.

Спустя 10 месяцев, 30 октября 1952 г., Совмином было издано постановление № 4644 «О мероприятиях по сокращению дальних встречных и других нерациональных перевозок грузов на железнодорожном транспорте». Постановление отмечало, что в 1952 г. министерства не выполняли задания правительства по сокращению средней дальности перевозок грузов. Так, за 8 месяцев 1952 г. средняя дальность составила 751 км против 720 км по годовому плану и 752 км выполненных за 8 месяцев 1951 г. При этом по ряду массовых грузов – углю, коксу, черным металлам, лому, лесу, соли, сахару и минеральным удобрениям – средняя дальность перевозок за 8 месяцев 1952 г. увеличилась против соответствующего периода 1951 г.²⁰⁶.

В числе причин было названо «невыполнение отдельными министерствами планов производства по районам и нарушение установленных сроков ввода в действие новых предприятий, что приводит к необходимости завозов соответствующих грузов на дальние расстояния».

Так, вследствие невыполнения плана вывозки леса из Карело-Финской ССР и районов Европейского Севера, Урала, и Западной Сибири, лес

²⁰⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 52. Д. 14. Л. 37.

²⁰⁶ Там же. Д. 17. Л. 115.

завозился в районы Юга с Урала и в районы Урала, Поволжья и Кавказа – из Восточной Сибири²⁰⁷.

Задержка перехода на новую специализацию прокатных станков на предприятиях Министерства черной металлургии привела к излишне дальним и встречным перевозкам проката черных металлов. Из-за необеспечения Министерством путей сообщения ввода в эксплуатацию новой железнодорожной линии Моинты – Чу в установленный правительством срок уголь в районы Средней Азии завозился из Кузбасса на более дальние расстояния вместо завоза угля в эти районы по указанной железнодорожной линии из более близкого Карагандинского бассейна²⁰⁸.

Некоторое влияние на дальность перевозок грузов оказывало также то обстоятельство, что часть перевозимых грузов Министерство путей сообщения предпочитало направлять круглым путем вместо установленных (кратчайших) направлений. При этом росли расстояния перевозок. Так, в первом полугодии 1952 г. круглые перевозки составили 943 тыс. вагоно-км в среднем в сутки против 758,5 тыс. вагоно-км за первое полугодие 1951 г.²⁰⁹

Наряду с этим, отдельные железные дороги в ряде случаев самовольно допускали перевозки грузов в круглых направлениях. Так, в первом полугодии 1952 г. Оренбургская железная дорога самовольно направляла грузы в обход железнодорожной линии Орск – Кандагач через Оренбург – Илецк с излишним пробегом в 455 км. Имели место круглые перевозки также на Московско-Рязанской и Московско-Киевской железных дорогах, на ряде других железных дорог²¹⁰.

Исходя из этого, Совмин требовал «признать необходимым, составление Госпланом СССР и Госснабом СССР расчетов производства и потребления основных видов фондируемой продукции по экономическим районам страны при разработке проектов годовых планов развития народного хозяйства СССР и планов материально-технического снабжения, а

²⁰⁷ Там же. Л.116

²⁰⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 52. Д.17. Л.116.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же. Л. 117.

после утверждения указанных планов, составление балансов производства и потребления основных видов фондируемой продукции по экономическим районам страны»²¹¹.

Постановление обязывало Министерства черной металлургии, угольной промышленности, нефтяной промышленности, лесной промышленности, химической промышленности, автомобильной и тракторной промышленности представить к 1 февраля 1953 г. в Госплан СССР и Госнаб СССР данные о производстве указанной продукции по экономическим районам страны. Министерства же и ведомства потребителей указанной продукции обязывали представить к 15 января 1953 г. Госнабу, Госплану и министерствам-поставщикам по соответствующим видам продукции данные о потребности в этой продукции на 1953 г. по экономическим районам страны²¹².

Сложившаяся ситуация вынудила Госплан СССР 18 мая 1953 г. приступить к разработке положений об основных заданиях по комплексному развитию хозяйства важнейших экономических районов на 5–8 лет²¹³.

Трудности центрального правительства, связанные с проблемой организации кооперирования ведомств, неспособность принудить их к соблюдению принципов рационального размещения производительных сил оказали, на наш взгляд, существенное влияние на особенности развития восточных территорий СССР, в т.ч. Урала, в годы IV–V пятилеток. Свое влияние на это также оказал тот факт, что после 1945 г. 69% совокупных капиталовложений в народное хозяйство направлялось в западные районы, в то время как в восточные – только 31%²¹⁴. Урал, впрочем, получил 10,4% всех капиталовложений по стране в IV пятилетке²¹⁵.

В послевоенное время хозяйство Урала и примыкавших к нему других восточных районов развивалось довольно неравномерно. Это, в частности,

²¹¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 52. Д.17. Л.119.

²¹² Там же. Л. 120.

²¹³ Там же. Оп. 53. Д.364. Л.71

²¹⁴ Планирование размещения производительных сил СССР ... Ч. 1. С. 262.

²¹⁵ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л. 18.

выражалось в опережающих темпах развития сырьевой (нефте- и угледобывающей) промышленности (См. Таблицу 8).

Таблица 8

Добыча нефти на территориях СССР в 1940-1955 гг. (%)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	100	100	100	100
Азербайджанская ССР	71	59	39	22
Урало-Поволжский район	6	15	29	58
в т.ч. Молотовская область	0,5	0,6	1,5	0,8

Расчеты автора по: Тиунов В.Ф. Энергетика Западного Урала. Историко-экономический очерк. Пермь, 1968. С. 162, 179; Народное хозяйство СССР ... С. 155; Кравченко Г.С. Военная экономика СССР 1941–1945. М., 1963. С. 250.

Из таблицы видно, что доля районов Второго Баку в общесоюзной нефтедобыче стремительно повышалась – с 6% в 1940 г. до 58% в 1955 г. Схожими были показатели и в абсолютном исчислении (См. Таблицу 9).

Таблица 9

**Добыча нефти на территориях СССР в 1940-1955 гг.
(тыс. тонн)**

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	31321	19436	37878	70793
Азербайджанская ССР	22231	11541	14822	15305
Урало-Поволжский район	1880	2915	10985	41060
в т.ч. Молотовская область	148	185	300	567

Расчеты автора по: Тиунов В.Ф. Энергетика Западного Урала ... С. 162, 179; Народное хозяйство СССР... С. 155; Кравченко Г.С. Указ. соч. С. 250.

Обращает на себя внимание резкое сокращение за годы войны нефтедобычи на Кавказе, несмотря на то, что в 1941–1945 гг. боевые действия на территории Азербайджанской ССР не велись. Это было следствием эвакуации на восток всех нефтеразведочных и бурильных организаций АзССР, проведенной ввиду угрозы захвата Кавказа противником, в соответствии с постановлением ГКО от 30 июля 1941 г. и приказом Наркомнефти № 177-сс «О мероприятиях по развитию и переработке нефти в Восточных районах СССР и Туркмении». В

соответствии с приказом, на восток эвакуировались все нефтеразведывательные и бурильные организации АзССР²¹⁶. Эвакуация производилась и в расчете на усиление нефтяной промышленности в тылу, на Урале. Параллельно с этим, предприятия «Азнефтемаша» прекратили выпуск нефтяного оборудования, сосредоточив свое внимание на выпуске оборонной продукции. Перемещение промышленных предприятий на восток привело к временному падению нефтедобычи в СССР и долговременному падению ее на Кавказе. Отметим, что некоторые современные азербайджанские историки называют свертывание нефтяной базы республики в годы войны актом ограбления Азербайджана²¹⁷.

Отметим, что если в не подвергшемся оккупации Азербайджане довоенный уровень добычи нефти не был достигнут даже в 1955 г., приведенные ниже данные по развитию народного хозяйства Украинской ССР (*Таблицы 10–19*), через которую линия фронта прошла дважды, показывают, что основные отрасли народного хозяйства Украины приблизились к довоенным показателям уже в конце IV пятилетки. Уместно предположить, что такое положение вещей стало следствием далеко не одинакового политического влияния в общесоюзном правительстве руководителей Азербайджанской и Украинской ССР. Вследствие этого, Украине удалось обеспечить себе соответствующий уровень капиталовложений из центра, необходимый для экономического восстановления. Такое положение вещей, судя по всему, также было одной из черт сталинской командной экономики.

Угледобывающая промышленность в районах Урала и всего Востока также развивалась достаточно быстрыми темпами (*См. Таблицу 10*).

²¹⁶ АПД УДПАР. Ф. 1. Оп. 26. Д. 1051. Л. 1–6.

²¹⁷ Султанов Ч.А. Нефть. Баку, 2000. С. 203–217.

Добыча угля на территориях СССР в 1940 – 1955 гг. (млн. тонн)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	165,9	149,9	261,1	389,8
Европейская часть СССР	106,3	63,2	138,3	209,0
в т.ч. Украина	83,8	38,4	78,0	125,9
Урало-Кузбасс	34,5	55,6	71,0	105,0
в т.ч. Урал	12,0	25,6	38,5	58,5
Восточные районы СССР	59,5	86,1	122,8	182,0

Расчеты автора по: Угольная промышленность СССР ... С. 16, 24, 25, 28–29.

Несмотря на то, что в процентном соотношении (См. Таблицу 11) доля Урала и Урало-Кузбасса в общесоюзной добыче за IV пятилетку снизилась на 3% и 10%, соответственно, в V пятилетке падение их удельного веса прекратилось, и к 1955 г. в районах Востока добывалось около половины всего советского угля.

Добыча угля на территориях СССР в 1940 – 1955 гг. (%)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	100	100	100	100
Европейская часть СССР	64	42	53	53
в т.ч. Украина	50	25	30	32
Урало-Кузбасс	21	37	27	27
в т.ч. Урал	7	17	14	15
Восточные районы СССР	36	57	47	47

Расчеты автора по: Угольная промышленность СССР С. 16, 24, 25, 28–29.

Данные по увеличению угледобычи на Востоке выглядят не так внушительно, как показатели нефтяной промышленности, однако следует учесть, что к 1955 г. на Востоке заметно ниже, чем на Западе, была себестоимость добыча угля (до 50%) и почти в 2,5 раза более высокая производительность труда²¹⁸. Уместно предположить, что рост добычи угля на Востоке во многом сдерживался необходимостью обеспечить занятость многочисленному населению западных районов и усилиями по

²¹⁸ Угольная промышленность СССР С. 650–652: 744 –746.

восстановлению угледобывающей промышленности на Юге и в Центре. Опережающие показатели топливодобывающей промышленности на Востоке также уместно связать с разделением в 1946 г. по территориальному принципу Народных комиссариатов угольной и нефтяной промышленности на соответствующие отдельные ведомства для западных и восточных районов СССР²¹⁹.

Основные отрасли черной металлургии также развивались быстрыми темпами. В 1950 г., по сравнению с 1945 г., выплавка чугуна на Урале выросла в 2,3 раза (См. Таблицу 12).

Таблица 12

Выплавка чугуна на территориях СССР в 1940–1955 гг.

(тыс. тонн)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	14902	8803	19175	33310
Старые промышленные районы	10652	2123	10084	18515
в т.ч. Украина	9642	1647	9168	16607
Урало-Кузбасс	4350	6680	9092	14272
в т.ч. Урал	2714	5113	7179	11872

Расчеты автора по: Народное хозяйство СССР... С. 112.

Падение же удельного веса Урала в выплавке чугуна (См. Таблицу 13) объяснялось восстановлением металлургии Донбасса. Хотя это относительное падение и не прекратилось к 1955 г., в годы V пятилетки оно заметно снизилось.

Таблица 13

Выплавка чугуна на территориях СССР в 1940–1955 гг. (%)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	100	100	100	100
Старые промышленные районы	71,4	24,1	52,5	55,6
в т.ч. Украина	64,7	18,7	47,8	49,9
Урало-Кузбасс	29,2	75,8	47,4	42,8
в т.ч. Урал	18,2	58,0	37,4	35,6

Расчеты автора по: Народное хозяйство СССР... С. 112.

²¹⁹ См.: Правда. 1946. 18, 20 февраля, 21 января, 6 марта.

Схожим образом обстояли дела и в случае двух других ключевых производств этой отрасли промышленности – в выплавке стали и производстве проката (См. Таблицу 14).

Таблица 14

Выплавка стали на территориях СССР в 1940–1955 гг.

(тыс. тонн)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	18317	12252	27329	45271
Старые промышленные районы	10978	2665	10925	20418
в т.ч. Украина	8938	1374	8351	16935
Остальные, в Европейской части СССР	1471	489	2011	3550
Урало-Кузбасс	5794	8902	13738	20238
в т.ч. Урал	3924	6494	10723	16381
Восток СССР	5867	9118	13931	21304

Расчеты автора по: Народное хозяйство СССР ... С. 113.

Из таблицы видно, что в 1945–1955 гг. темпы производства стали на Урале даже несколько опережали выплавку чугуна – 2,5 раза. Падение же удельного веса Урала в общесоюзном объеме выплавки стали также происходило в меньших масштабах, и почти прекратилось в годы V пятилетки (См. Таблицу 15).

Таблица 15

Выплавка стали на территориях СССР в 1940–1955 гг.

(%)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	100	100	100	100
Старые промышленные районы	59,9	21,8	40,0	45,1
в т.ч. Украина	49,7	11,2	33,2	38,5
Остальные, в Европейской части СССР	8,0	4,0	7,4	7,8
Урало-Кузбасс	31,6	72,6	50,2	44,7
в т.ч. Урал	21,4	53,0	39,2	36,2
Восток СССР	32,0	74,4	51,0	47,0

Расчеты автора по: Народное хозяйство СССР ... С. 113.

Производство проката на Урале в 1945–1955 гг. уже опережало темпы роста выплавки стали: за две послевоенные пятилетки оно увеличилось в 2,8 раз (См. Таблицу 16).

Таблица 16

Производство проката на территориях СССР в 1940–1955 гг.
(тыс. тонн)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	13113	8485	20888	35339
Старые промышленные районы	7952	1782	8707	16024
в т.ч. Украина	6520	1005	6929	13610
Остальные, в Европейской части СССР	953	340	1279	2333
Урало-Кузбасс	4185	6240	10404	16126
в т.ч. Урал	2816	4382	7811	12577
Восток СССР	4208	6363	10902	16982

Расчеты автора по: Народное хозяйство СССР ... С. 113.

Падение удельного веса Урала в общесоюзном количестве произведенного проката и здесь происходило в меньших масштабах, особенно в 1950–1955 гг., когда доля Урала сократилась менее чем на 2% (См. Таблицу 17).

Таблица 17

Производство проката на территориях СССР
в 1940–1955 гг.
(%)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Старые промышленные районы	60,6	21,0	41,7	45,3
в т.ч. Украина	49,7	11,8	33,2	38,5
Остальные, в Европейской части СССР	7,3	4,0	6,1	6,6
Урало-Кузбасс	31,9	73,5	49,8	45,6
в т.ч. Урал	21,5	61,6	37,4	35,6
Восток СССР	32,0	74,0	52,2	48,0

Расчеты автора по: Народное хозяйство СССР ... С. 113.

Однако, в высокотехнологичных отраслях промышленности ситуация выглядела несколько по-другому. Так, в области станкостроения, в части производства металлорежущих станков, темпы роста производства на Урале не только не повышались, но, наоборот, существенно упали в V пятилетке по сравнению с IV-й (См. Таблицу 18).

Таблица 18

Производство металлорежущих станков на территориях СССР

в 1940–1955 гг.

(штук)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	58437	38419	70597	117087
Старые промышленные районы	41424	23235	33837	53998
в т.ч. Центр	27167	20345	20963	34462
Остальные, в Европейской части СССР	12884	5780	20713	43717
Урало-Кузбасс	3990	8538	14984	16647
в т.ч. Урал	2608	7174	11630	12085
Восток СССР	4100	8712	16047	19372

Расчеты автора по: Народное хозяйство СССР ... С. 210.

Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в случае неуклонно возрастающего – от пятилетки к пятилетке – падения удельного веса Урала в производстве станков в 1940–1955 г.

Таблица 19

Производство металлорежущих станков на территориях СССР в 1940 –

1955 гг.

(%)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
СССР всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Старые промышленные районы	70,9	60,5	47,9	46,1
в т.ч. Центр	46,5	52,9	29,6	29,4
Остальные, в Европейской части СССР	22,0	15,0	29,3	37,3
Урало-Кузбасс	6,8	22,2	21,2	14,2
в т.ч. Урал	4,5	18,6	16,4	10,3
Восток СССР	7,0	22,6	22,7	16,5

Расчеты автора по: Народное хозяйство СССР... С. 210.

Сравнив темпы роста по рассмотренным отраслям промышленности в IV и V пятилетках (Таблица 20), можно наблюдать тревожную тенденцию.

Таблица 20

**Темпы роста ключевых отраслей промышленности
на территориях СССР в IV–V пятилетках
(%)**

1955 г. к 1950 г.						
	Нефть	Уголь	Чугун	Сталь	Прокат	Металло- режущие станки
Урало-Кузбасс	–	132,4	–	–	–	–
Урало-Поволжье	173,3	–	–	–	–	–
Урал	–	134,1	139,5	134,5	137,9	103,7
СССР всего:	146,5	133,0	142,4	139,6	140,9	139,7
1950 г. к 1945 г.						
Урало-Кузбасс	–	121,7	–	–	–	–
Урало-Поволжье	173,5	–	–	–	–	–
Урал	–	133,5	128,7	139,4	143,9	138,3
СССР всего:	148,9	142,5	154,1	155,2	159,4	145,6

Источник: сводка по таблицам 8–19 настоящего параграфа.

Из таблицы видны лидирующие темпы роста топливной промышленности. Показатели увеличения добычи нефти в Урало-Поволжском районе значительно опережали общесоюзные в обе послевоенные пятилетки. Развитие угледобычи на Урале и в Кузбассе также возрастало от пятилетки к пятилетке, и в 1955 г. вплотную приблизилось к общесоюзным. Рост производства полуфабрикатов металлургии (чугун, сталь, прокат) на Урале отставало от общесоюзных показателей, однако, к 1955 г. этот разрыв неуклонно сокращался по всем трем видам производства.

С производством металлорежущих станков все обстояло иначе. Если в IV пятилетку рост их производства отставал от общесоюзных показателей на 7,3%, то V пятилетку разница увеличилась в 5 раз и составила 36%. Вместе с тем, металлообработка и машиностроение были логическим продолжением в «цепочке» производств, обеспечивающем комплексное развитие Урала и

превращение его в «индустриальный плацдарм» для экономического развития Советской Азии. Вместо этого, мы наблюдаем, что к 1955 г. восточные регионы, а вместе с ними Урал, развиваются в качестве регионов-поставщиков топлива и полуфабрикатов промышленности. Развитие же сложных отраслей производства (машиностроение, металлообработка) здесь тормозится, что резко отличается от довоенных планов советского правительства по развитию Урала и всего Востока.

Такое состояние дел в топливной, металлургической и металлообрабатывающей отраслях промышленности имело весьма понятные причины. Развитие нефте- и угледобычи возможно только на тех территориях, где имеются значительные запасы угля и нефти. Таким образом, естественные причины вынуждали Министерства угольной и нефтяной промышленности развивать добычу на востоке. Металлургия также должна базироваться на значительной рудной базе, этим объясняется рост темпов выплавки чугуна, стали и производства проката на послевоенном Урале. Машино- и станкостроение же привязано к источникам сырья в значительно меньшей степени. Экономически, Министерству станкостроения было невыгодно развивать его на Урале и Востоке, ведь оно имело возможность обеспечивать сырьем с Урала уже созданные предприятия, расположенные в Центрально-промышленном районе, и, развивая эти предприятия вместо уральских, успешно отчитываться о выполнении краткосрочных годовых планов. Долгосрочные пятилетние планы, как было показано выше, все равно согласовывались с министерством очень поздно, и территориальный аспект развития прописывался там поверхностно.

Таким образом, проблема ведомственно-отраслевого управления в СССР 1945–1953 гг., выразившаяся в неспособности центрального правительства и Госплана добиться от своих министерств кооперирования деятельности и работы по комплексному освоению экономических районов определенно нашла свое отражение на Урале. Это выразилось в неравномерном развитии народного хозяйства этого региона и в срыве довоенных проектов

превращения его в отправную точку освоения Советского Востока. Принципиальная схема размещения производств на территории СССР 1940 г. хоть и сохранилась, но ее развития к 1953 г. не произошло (*См. Приложение б*).

1.3. Общесоюзные приоритеты и региональные группы интересов в системе планирования развития экономики Урала

Реформы управления народным хозяйством времен индустриализации 1930-х гг. способствовали, наряду с усилением центральной власти и профильных наркоматов, ослаблению территориальных органов управления на уровне экономики отдельно взятого региона. Как, несколько тенденциозно, но все же верно охарактеризовал такое положение вещей советский публицист О.Р. Лацис: «Сталин тараном форсированной индустриализации разбил и созданные на основе синдикатов объединения, и ВСНХ, и совнархозы – всю эту никогда и нигде не больше не повторенную систему демократического управления экономикой огромной страны»²²⁰.

Тем не менее, с учетом огромных территорий Советского Союза, а также, принимая во внимание развертывание масштабного строительства предприятий советской индустрии в регионах СССР, отдаленных от Центра, накануне Великой Отечественной войны, потребность в существовании территориальных органов управления экономикой по-прежнему имела место. Единственными организациями, способными осуществлять такие функции в регионах, оставались местные партийные комитеты, которым отныне пришлось активно заниматься деятельностью такого рода.

Вот как вспоминал об этом Н.И. Гусаров, бывший в 1939–1946 гг. первым секретарем Молотовского обкома ВКП(б): «Еще до войны, после XVIII Всесоюзной партийной конференции, в обкомах, горкомах и некоторых райкомах партии были созданы отраслевые отделы (в [Молотовском] обкоме партии их было 17), которые провели большую работу по контролю за выполнением мобилизационных планов, упорядочиванию материально-технического снабжения крупных предприятий и обеспечению их ритмичной работы. К началу войны важнейшие заводы, получавшие

²²⁰ Цит. по: Личман Б.В. Уральская индустрия в экономической политике Советского государства второй половины 50-х – середины 1980-х гг. Екатеринбург, 2007. С.44.

литье, прокат, поковки и различные материалы от предприятий Украины, Ленинграда, Москвы и районов Кавказа, были переведены на снабжение и производственную кооперацию внутри [Молотовской] области и Урала»²²¹.

В годы Великой Отечественной войны роль обкомов в организации хозяйственной жизни региона усилилась. В постановлении ГКО от 7 февраля 1943 г. «О мерах неотложной помощи черной металлургии», в частности, отмечалось: «Считать важнейшей задачей обкомов ВКП(б) обеспечение бесперебойной работы всех предприятий черной металлургии. Обязать первых секретарей обкомов ВКП(б), *и в первую очередь Свердловского, Челябинского, Молотовского,* [курсив мой – М.М.] Кемеровского, Новосибирского, Карагандинского, оказывать ежедневную помощь предприятиям черной металлургии»²²². Приведенная цитата показывает, что советское правительство признавало областные комитеты партии в качестве территориальных органов управления промышленностью, считая их своим главным инструментом в деле обеспечения регионами потребностей военной экономики и фронта. При этом три «наиболее промышленных» уральских обкома выделялись правительством особо.

Отраслевые отделы обкома, о которых упоминает Н.И. Гусаров, формировались во многом сообразно с функционировавшими в то время отраслевыми наркоматами (министерствами). В середине 1940-х гг. при Свердловском обкоме, среди прочих, существовали следующие отделы: отдел науки и ВУЗов, отдел тяжелой промышленности, отдел машиностроительной промышленности, отдел строительства и стройматериалов, отдел легкой промышленности, транспортный отдел и т.д.²²³ Фактически, они образовывали миниатюрный «кабинет министров» при первом секретаре, с помощью которого последнему в 1945–1953 гг. весьма часто приходилось решать межведомственные противоречия и

²²¹ Гусаров Н.И. О тех, кто ковал победу в тылу... С. 156–157.

²²² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам ... Т. 3. С. 94–95.

²²³ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40–52.

устранять диспропорции в региональной экономике, возникшие вследствие политики центральных властей.

Представители центральных властей реагировали на поползновения первых секретарей вмешиваться в хозяйственные дела подведомственных им предприятий не однозначно. Заместитель Министра черной металлургии Ф.А. Меркулов, например, выступая на Совещании работников предприятий, строек, НИИ черной металлургии 10–11 апреля 1946 г. вполне корректно просил обком о содействии в оснащении горнодобывающим оборудованием предприятий Минчермета в районе горы Благодать: «Министерство черной металлургии за эту пятилетку [...] много сделает да еще больше мы получим безусловно при соответствующей помощи Областного Комитета партии [...] я прошу Областной комитет партии включиться в [...] дело»²²⁴.

Нарком танковой промышленности В.А. Малышев говаривал по-другому: «Нужно судить тов. Тетеркина и тов. Зальцмана²²⁵ за нарушение плана отгрузки запчастей. Здесь играют важную роль взаимоотношения с Челябинским обкомом. Но кто дал вам право распоряжаться здесь как вы хотите? Там на вас Патоличев и Баранов²²⁶ навалились, им удобно в государственный мешок запускать руку. Тракторных запчастей [на] 430 тысяч [рублей] дали сверх плана Челябинской области, когда всем другим, освобожденным от немцев дали на 1400 тысяч рублей.

В Челябинске сидят Баранов и Патоличев, жмут на тов. Зальцмана, который хочет быть с ними в хороших отношениях и решил, что Кировский завод – это местное предприятие Челябинского облисполкома и обкома. ... *Мы подчиняемся единой центральной власти, советской власти, и никаких челябинских властей не признаем. Они должны проводить в жизнь директивы центральных властей [курсив мой – М.М.]»*²²⁷.

²²⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 134. Л. 248.

²²⁵ Директор Челябинского кировского завода.

²²⁶ Н.С. Патоличев – первый секретарь Челябинского обкома, Л.С. Баранов – второй секретарь, отвечавший за работу военной промышленности. (Прим. А.Ю. Ермолова).

²²⁷ Цит. по: Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью... С. 404.

Конечно, приведенные выше цитаты различаются контекстом, поскольку в случае с Минчерметом речь шла о том, чтобы заполучить в свое министерство горнодобывающее оборудование из других министерств, тогда как в случае с В.А. Малышевым региональные власти «запустили руку» во внутренние дела Наркомтанкпрома. Тем не менее, министерства по-разному выстраивали отношения с обкомами и предприятиями периферийных регионов, о чем довольно подробно рассказывал в своем выступлении на Свердловском областном хозяйственном партактиве 18–19 июля 1947 г. А.П. Пчеляков, секретарь Нижне-Тагильского райкома ВКП(б).

По мнению Пчелякова, промышленность как Нижнего Тагила, так и области в целом «могла бы работать значительно лучше, если бы мы получили большую помощь от ряда Министерств, если бы не имели очень существенных недостатков в руководстве с их стороны промышленными предприятиями»²²⁸. Особенно плохо, как считал секретарь, руководило своими предприятиями в Свердловской области Министерство сельскохозяйственного машиностроения, допускавшее грубые ошибки уже на стадии планирования. Так, в 1946 г. им были сняты с производства на одном из заводов области несколько видов специальной и гражданской продукции, в частности, буровые замки. В первом квартале 1947 г. Министерство вновь снизило план и сняло еще целый ряд видов продукции. Во втором квартале годовой план увеличили на 20 млн. рублей, причем заводу восстановили производство тех же видов продукции, той же специальной продукции, тех же буровых замков. «Совершенно ни чем не обоснованное планирование, которое дезориентирует работу завода. Производство было уже налажено, а потом разрушено и, по существу, пришлось его снова начинать и осваивать. Завод на этом терпит огромные потери», – резюмировал Пчеляков²²⁹.

²²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 136. Л. 179.

²²⁹ Там же. Л. 179–181.

Министерство сельхозмашиностроения не решало и вопрос финансового положения этого завода. После Отечественной войны на заводе было списано в убытки значительное количество оборонной продукции. Необходимо было перекрыть убыток, что не было своевременно сделано Министерством, и завод длительное время не имел возможности оплачивать хозяйственные счета и выдавать зарплату рабочим. Таким образом, заключал Пчеляков, «Министерство не возглавляет самоотверженной борьбы трудящихся за досрочное выполнение государственного плана, а, наоборот подчас тормозит»²³⁰.

Другим министерством подвергнутым критике стало Министерство цветной металлургии. В 1941–1947 гг. работа медных рудников ухудшалась как в Нижнем Тагиле, так и области в целом. По области добыча медной руды сократилась с 3595,2 тыс. *t* в 1940 г. до 2170,3 тыс. *t* в 1947 г. (См. Приложение 7)²³¹ «Чем это можно объяснить, как не плохим руководством Министерства этой Промышленности? – вопрошал Пчеляков и продолжал. – Я считаю, что только этим. Потому что партийные органы уделяют не меньше этому участку времени, чем другим, хозяйственные руководители сидят на этом участке не плохие. [...] Я лично разговаривал с Министром, его заместителями, ничего дело не двигается. Я считаю, что если мы этого вопроса не будем ставить так как нужно перед Центральным Комитетом партии, не *заставим* [курсив мой – М.М.] Министерство цветной металлургии по настоящему заниматься этими предприятиями, мы не ликвидируем отставание этой отрасли очень важной для народного хозяйства»²³².

Проблема функционирования цветной металлургии области, особенно медной промышленности, дает нам и другие любопытные примеры взаимоотношений региона и центра. Известно, что за годы Великой Отечественной войны промышленность Свердловской области повысила

²³⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 136. Л. 181.

²³¹ Там же. Д. 243. Л. 19.

²³² Там же. Д. 136. Л. 182–183.

показатели производства по различным отраслям металлургии в среднем в 2,5 раза²³³. В рамках этого увеличения производство марганцевой руды и алюминия выросло в 16²³⁴ и 5,5 раз²³⁵, соответственно. Однако такой внушительный скачок производства сопровождали некоторые перекосы. Наиболее остро это проявилось в медной промышленности. В течение войны производство меди не только не выросло, но и заметно снизилось – до 66% от довоенного уровня. В 1945 г. недопроизводство меди, в сопоставлении с проектными мощностями рудников, составило 60%²³⁶. Сложившееся положение пытались объяснить тем, что в период войны Урал был вынужден обеспечивать алюминием авиационную и танковую промышленность, что привело к перемещению кадров и оборудования из меднорудной и медеплавильной отраслей в алюминиевое производство. Однако, заместитель первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) по цветной металлургии Носенков имел на этот счет другое мнение: «Надо прямо признать, что падение медной промышленности явилось результатом недооценки со стороны Наркомата цветной металлургии и результатом *неспособности некоторых хозяйственных руководителей постоять за интересы медной промышленности Урала* (курсив мой – М.М.)»²³⁷. Эта весьма характерная апелляция к настойчивости в отстаивании ведомственных интересов – красноречивое указание на те реальные рычаги, посредством которых управлялась региональная экономика.

Не избежало нападков и Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии, почти все строительные организации которого, за исключением одной, не выполняли своих планов, работали неудовлетворительно. Главными причинами являлись низкая производительность труда, слабая механизация, отсутствие надлежащей заботы о бытовом обслуживании рабочих. Не является случайностью, «[Ч]то

²³³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 105. Л. 11.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же. Оп. 41. Д. 2. Л. 85.

²³⁶ Там же. Оп. 40. Д. 106. Л. 140.

²³⁷ Там же. Оп. 41. Д. 2. Л. 85.

в целом, в области эти строительные организации области отстают и если проанализировать работу этих организаций, то можно убедиться, что главная причина – *невнимательность к этим организациям со стороны [министерства]. Нужно прямо сказать, что политика министерства в отношении Урала является порочной, неправильной. Они считают, что пора кончать строительство на Урале и практически проводят эту линию – свертывают строительства, вместо того, чтобы разворачивать. Мы имеем целый ряд строительных организаций которые буквально разгромлены [курсив мой – М.М.]. Поэтому не вводятся в эксплуатацию промышленные и жилищные объекты... Я считаю, что областной комитет партии и мы все должны заставить Министерство повернуться к Уралу [курсив мой – М.М.] и заставить выполнять строительство таких важных объектов»²³⁸.*

В приведенном материале интересны два момента. Во-первых, это отмеченная Пчеляковым тенденция, распространившаяся в отраслевых министерствах после Великой Отечественной войны, и сводившаяся к активизации деятельности ведомства на западных территориях в ущерб развитию собственных предприятий в районах Востока; во-вторых – твердое намерение областного партийного руководства сопротивляться таким методам, его неуклонное желание «заставить» (этот глагол очень часто употреблялся в таких случаях) министерства вновь обращать на Урал достойное внимание.

Между некоторыми министерствами и Свердловским обкомом существовало что-то вроде комплиментарного согласия, дополняемого только отдельными критическими «уколами»: «Значительно лучше руководят своими предприятиями такие солидные министерства как черной металлургии»²³⁹, «но и тут не без греха [...] коренные вопросы руды,

²³⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 136. Л. 182–184.

²³⁹ Там же. Л. 185.

оснащение рудников оборудованием, транспортом Министерством черной металлургии не решаются и упорно не решаются»²⁴⁰.

Министерство транспортного машиностроения также удостоилось похвалы, однако было отмечено игнорирование им некоторых проблем Уралвагонзавода. В частности, УВЗ предстояло в течение двух месяцев наладить выпуск железнодорожных гондол, при этом выпуск спецпродукции был для него сохранен. И все это при меньшем количестве специалистов и прежнем уровне оснастки оборудованием. Пчеляков отмечал: «Надо колоссальную оснастку делать, а министерство не решает этого вопроса, помощи не оказывает и затягивает перестройку завода»²⁴¹.

При всем этом тагильский секретарь также не постеснялся подстрекать директоров предприятий на прямую борьбу с их ведомственным начальством: «Я считаю, что эти вопросы мы должны со всей остротой ставить перед министерствами и заставить их решать свои вопросы. И в этом деле, мне кажется, большая наша вина и особенно многих хозяйственных руководителей. В процессе работы приходится наблюдать, как наши некоторые директора решают вопросы с министерствами, я бы сказал, что просто трусливо ведут себя, не борются, а царапаются, возьмут какой-нибудь вопрос, поставят, когда прижмешь его, несет кипу телеграмм для оповещения и больше ничего. Вопросы не решают, дело проваливают, или закрываются этими бумагами, или говорят, что они все с тем-то говорили. С этим нужно кончать. Нашим хозяйственным руководителям нужно понять, что не к лицу им прятаться за спину партийных организаций, нужно самостоятельно решать эти вопросы, в дальнейшем, по-большевистски. Если министры не решают вопроса, жаловаться и на министров в ЦК партии, привлекать внимание партийных органов и тогда успешно мы будем решать эти вопросы»²⁴².

²⁴⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 136. Л. 185.

²⁴¹ Там же. Л. 186.

²⁴² Там же. Л. 187.

Некоторые из директоров уральских заводов откликнулись на такой призыв. Г.Т. Бардагов, директор Первоуральского динасового завода на Совещании руководителей промышленных предприятий, секретарей парторганизаций, секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) по работе с кадрами 17 января 1947 г. заявлял:

«Министерство [черной металлургии] не практикует того, чтобы собрать нас хотя бы также как Областной комитет партии. Почему бы заместителю Министра не выехать раз в год и не послушать голоса снизу. У нас получается так: вот аппарат, расстановка, но чтобы выслушать чем живут на низах, а это очень полезно, как учит нас партия, к сожалению этого не делается.

Мне кажется надо ставить вопрос перед ЦК Партии, чтобы в систему вошло через определенный период времени по отраслям промышленности могли директора заводов выступать и рассказывать о всех недостатках, покритиковать, особенно наши главные управления. Ведь наши главные управления порой получается такая инстанция, что просто никак не доберешься до Министра. К нему обращаешься, а он тянет и тянет и живое дело может угробить»²⁴³.

То есть, судя по всему, резкие высказывания Пчелякова в отношении политики министерств имели определенные – и весьма веские – основания.

Проблемы взаимоотношений министерств, обкома, предприятий области и прочих организаций получили подробное освещение во время VI областной партийной конференции, прошедшей в 1948 г. в Свердловске. Интересно отметить, что вопреки ожидаемым славословиям в адрес партии и правительства, участники конференции весьма свободно пустились в обсуждение проблем функционирования хозяйственных и партийных органов, позволяя себе подчас довольно резкую критику в адрес руководства обкома и некоторых министерств.

²⁴³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 143. Л. 52.

В частности, неким Ретневым (в стенограмме значится как «старый большевик») был поднят вопрос о степени исполнения решений обкома в области: «Отсутствует контроль, проверка исполнения. Постановления очень хорошие, большие, но как они выполнялись Обком партии не проверял. Я сегодня просматривал эти постановления, они были изданы отдельной брошюрой, я убежден, что 35% процентов этих постановлений совершенно не выполнены и не выполняются и за них никто не спрашивал»²⁴⁴.

Замечание Ретнева интересно. Действительно, вмешательство обкома в дела заводов юридически было трудноосуществимо – во многом, вследствие ограниченного круга взысканий, которые мог наложить обком на хозяйственного руководителя, манкировавшего его указаниями. Все они ограничивались мерами партийной дисциплины, в то время как профильное министерство располагало полным «ассортиментом» наказаний для собственных сотрудников. Можно с большой долей уверенности предполагать, что корни упоминавшейся выше А.П. Пчеляковым «трусости» директоров перед собственными министрами скрывалась именно здесь.

Секретари первичных партийных организаций и парткомитетов районов и городов области сетовали на недостаточное отстаивание обкомом интересов области перед профильными министерствами. Так, по мнению секретаря Красноуральского горкома ВКП(б) Баранова, Свердловский обком игнорировал проблемы Красноуральского рудоуправления, не оказывал ему достаточной помощи, и самое главное: «не *требовал* [курсив мой – М.М.] от Министерства цветной металлургии по серьезному заняться работой шахт»²⁴⁵.

Парторг ЦК ВКП(б) на Уральском заводе тяжелого машиностроения Шестаков констатировал факты невнимательного отношения центральных министерств к промышленному развитию областей Урала: «Что касается хозяйственной работы, необходимо сделать один непреложный вывод – надо

²⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 3. Л. 78–79.

²⁴⁵ Там же. Л. 54.

всемерно ускорить развитие промышленности нашей области, надо еще больше повернуть внимание центральных организаций и министерств к задачам промышленности нашей области. Опыт работы и материалы печати убеждают Вас, что *многие Министерства далеко еще, очень далеко чувствуют себя от Урала* [курсив мой – М.М.]»²⁴⁶.

Интересно отметить, что, осуществляя общее руководство народным хозяйством Свердловской области, обком в собственной области копировал управленческие недостатки Центра. Это, в частности, выразилось в неравноценной «заботе» обкома о различных районах Свердловской области. Секретарь Нижне-Салдинского райкома Винокуров сообщал на этот счет: «Практика, которую я наблюдаю, работая в Салдинском районе, показывает, прежде всего, крупные недостатки. В руководстве Обкома партии *имеется неправильный подход к отдельным районам области. Районы расфасовываются по значимости* [курсив мой – М.М.]. Это конечно правильно, так как нельзя сравнить Тагильский и Серовский районы с Нижне-Салдинским, однако, Нижне-Салдинский район имеет право на то, чтобы Обком партии уделял ему должное внимание»²⁴⁷.

Винокуров указывал и на еще одну важную деталь, характерную для советских регионов 1940-х гг.: «За время войны сложился такой неправильный стиль взаимоотношений, который явно противоречит духу коммунизма [...] Часто ведомства [выступают] в виде какой-то корпорации, которая защищает свои кастовые интересы и имеет своих представителей в Обкоме [...] Например тов. Марков в Обкоме партии чем занимается? Вы думаете он занимается Басьяновским торфопредприятием, которое расположено в Нижней Салде? Ничего подобного. Он ограждает Родичева, трест и всех работников, работающих в области торфоразработок, от якобы нападок Салдинского райкома партии»²⁴⁸. Это довольно-таки интересное замечание, показывающее, что за годы войны обкомы в значительной

²⁴⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 3. Л. 20.

²⁴⁷ Там же. Л. 3.

²⁴⁸ Там же. Л. 8–9.

степени отошли от собственно партийной работы, оказавшись вынужденными взять на себя обеспечение деятельности предприятий области. При этом интересы предприятий ими подчас ставились выше, чем интересы районных партийных организаций.

Такие же претензии обкому высказал секретарь Серовского городского комитета ВКП(б) Исаев: «По вопросам внутрипартийной работы Обком партии не работает серьезно с секретарями и не старается глубоко вникнуть в состояние партийно-организационной и партийно-политической работы в области. Систематическое, кропотливое изучение деталей в вопросах внутрипартийной жизни парторганизаций, систематическое наблюдение за их работой, оказание своевременной помощи, – это не стоит в центре внимания Обкома партии. [...] Я хочу остановиться на вопросе [...] о поддержке со стороны руководства Обкома партии Райкомов и Горкомов. В лице руководства Обкома партии в ряде принципиальных вопросов не получаешь поддержки. [...] На одном из бюро ГК ВКП(б) в 1948 г. было назначено обсуждение неправильного руководства металлургического завода и за полчаса до бюро ГК ВКП(б) звонок от т. Недосекина, что вы хотите избивать директора. И получилось впечатление, что директор завода вроде спрашивает у секретаря Обкома итти²⁴⁹ ему на бюро горкома или нет. И такое похлопывание по плечу наших хозяйственных руководителей и неподдержка горкомов партии приводит к тому, что наши хозяйственные руководители на пленумах и даже на конференции ведут себя очень зазнайски»²⁵⁰.

Плотное смешение народнохозяйственных и политических функций обкома, а также вытеснение последних первыми констатировал секретарь Свердловского обкома по кадрам Кокосов: «Областной комитет партии очень часто брался решать вопросы, которые по существу могли решить или Исполком или Облсовет или горкомы и райкомы партии [...] произошло

²⁴⁹ Так в документе.

²⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 3. Л. 89–92.

смешение функций – не поймешь, где советские органы, а где партийные. Но посудите сами, вызывают на бюро, например по вопросу заготовки молока секретаря райкома, уполминзага, председателя исполкома, уполминзаг и председатель сидят, а секретарю райкома дают жару. Как тут не быть смешению функций. Ясно, секретарь райкома едет в район и вместо того, чтобы заниматься партийной работой, он заготавливает молоко, потому что он знает, что Обком партии спросит только его, а коммунисты, которые непосредственно отвечают за это дело остаются в стороне»²⁵¹.

Схему взаимодействия предприятий области с партийными и советскими властями весьма ярко охарактеризовал на той же конференции упоминавшийся выше Ретнев: «Вот у меня на комбинате не было угля, комбинат встает, я начинаю по “бюрократическим” учреждениям ходить. Прихожу в горсовет – это ближайшая ваша организация, [...] обращаюсь [...], говорю, что стоит комбинат, а наш комбинат призван к тому, чтобы удовлетворять запросы и улучшать положение трудящихся, улучшать их питание, чтобы они набирали больше сил на выполнение производственной программе, на выполнение тех обязательств, которые мы дали товарищу СТАЛИНУ. Не смотря на мои горячие доказательства, все таки Земляниченко мне отказал, иди, говорят к председателю Облисполкома. Я направляюсь туда, прихожу к председателю Облисполкома, говорю так то и так то, угля город не дает. Председатель Облисполкома говорит, что мне сейчас некогда вообще, но думаю, что ничего не выйдет, тонну угля от нас не получишь [...] Я вынужден был пойти к Виктору Ивановичу [Недосекину, первому секретарю], он действительно написал: дать 100 тонн. Тогда я обратно покатился в Облисполком (*смех*). Прихожу в Облисполком, Горплан, Облплан, Горисполком и т.д. и наконец я получаю из Облплана отказ, а Горплан выделяет 100 тонн угля»²⁵². Мы в полном объеме наблюдаем здесь как смешение партийных и государственных функций (с возникающей при

²⁵¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 3. Л. 100.

²⁵² Там же. Л. 84–85.

этом неразберихой), так и лоббирование интересов отдельных предприятий в области через обком.

Значение ведомственных противоречий и роль обкомов в их урегулировании хорошо прослеживается при изучении проблем, связанных с геологическими изысканиями на Урале. Показательна борьба секретаря Свердловского обкома В.И. Недосекина за сохранение в Свердловске филиала Киевской лаборатории контроля и внедрения Института черных металлов Академии наук Украины, оставшейся здесь со времен эвакуации института на Урал. В своем письме на имя заместителя председателя Совета министров СССР К.Е. Ворошилова от 27 марта 1948 г. В.И. Недосекин аргументировал свою позицию тем, что «В течение пятилетнего существования в Свердловске лаборатория свою работу тесно связала с работой горнорудной промышленности Свердловской области и Урала, превратившись в *арбитражную лабораторию* [курсив мой – М.М.] [...] Ликвидация лаборатории особенно отразится на разрешении *арбитражных споров*. Имеющиеся в Свердловске лаборатории, за исключением этой, являются ведомственными и объективность их анализов при разрешении *ведомственных споров* весьма сомнительна»²⁵³. Весьма характерная апелляция В.И. Недосекина к проблеме разрешения ведомственных интересов – красноречивое указание на реальные проблемы, имевшие место не только в отдельных областях геологоразведки, но и в послевоенной системе регионального управления вообще²⁵⁴.

Не менее интересные свидетельства участия обкомов в решении народнохозяйственных проблем в своих областях дают материалы конференций по изучению производительных сил отдельных восточных регионов СССР, прошедших в Советском Союзе вскоре после окончания

²⁵³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 154. Л. 121–125.

²⁵⁴ Подробнее об этом см.: Михеев М.В. Геологические изыскания на Урале в годы позднего сталинизма (1945–1953) // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 нояб. 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 298–302.

Великой Отечественной войны²⁵⁵. Их целью являлось изучение производительных сил отдельных экономических районов с разверсткой этих перспектив на местах. Такие конференции прошли в трех восточных регионах РСФСР: в Кузбассе (1948 г.), Молотовской (1945 г.) и Иркутской (1947 г.) областях. Их проведение обеспечивалось солидным финансированием. В частности, на проведение Конференции по изучению производительных сил Иркутской области было выделено 506,9 тыс. рублей, из них на гонорары докладчикам 220 тыс. рублей²⁵⁶. Конференции были организованы по инициативе местных обкомов ВКП(б) совместно с Академией наук СССР и Госпланом.

Поначалу такие конференции встретили поддержку в правительстве, но к концу 1940-х гг. отношение к ним изменилось. В 1948 г, опираясь на опыт соседей в Молотове, руководство Свердловского обкома обратилось в Госплан с просьбой провести аналогичную конференцию в Свердловске. Госплан отказал, но вместо этого предложил провести в Свердловске конференцию по изучению производительных сил всего Урала²⁵⁷.

Конференция была намечена на ноябрь 1950 г. Ее задачей было заявлено «разработать конкретные предложения по развитию народного хозяйства Урала, исходя из перспективы на 10–15 лет»²⁵⁸. На основе балансовых расчетов конференцией должны были быть установлены основные показатели объемов производства и указаны пути для предотвращения диспропорций как внутри отдельных отраслей, так и между ними. Решения конференции должны были исходить из задач «Генерального плана развития народного хозяйства СССР на ближайшие 10–15 лет». Организаторами конференции предстояло стать Академии наук, Госплану, обкомам и исполкомам Свердловской, Молотовской, Челябинской, Чкаловской областей, а также Совминам Башкирской и Удмуртской АССР.

²⁵⁵ См.: Конференция АН СССР по изучению производительных сил Молотовской области. Постановления и резолюции. М., 1947; Конференция по изучению производительных сил Иркутской области. Тезисы докладов. М.–Л., 1947; Труды конференции по изучению производительных сил Кузбасса. В 3 т. М., 1950.

²⁵⁶ Архив РАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 178. Л. 24.

²⁵⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 2. Л. 147.

²⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 134. Д. 25. Л.21.

Однако, эта конференция, безусловно, имевшая бы выдающееся значение для Уральского региона, так и не состоялась. К 12 августа 1950 г. Председатель Госплана СССР Сабуров сообщил в Совет Министров, что опыт проведения таких конференций в Кузбассе, Иркутской и Молотовской областях показал, что обсуждение вопросов на конференциях носит предварительный, и в значительной мере дискуссионный характер. По мнению Сабурова, в процессе проведения конференций, Госплан еще не может дать заключений по обсуждаемым вопросам и осуществлять тем самым руководство конференциями. В то же время выступления представителей Госплана на конференциях рассматривались как официальные указания по развитию экономики данного района, т.к. Госплан являлся органом правительства и действовал по его поручениям. Исходя из этого, Сабуров счел нужным ограничить участие Госплана в работе подобных конференций лишь ознакомлением с их отчетами и программами, отстранив сотрудников Госплана от выступлений на конференциях и участия в дискуссиях²⁵⁹. Без прямого участия Госплана практический смысл в таких конференциях исчезал, и их проведение прекратилось.

Отказ Сабурова от прямого участия Госплана в конференциях показателен. Опасения, что мнения сотрудников Госплана будут рассмотрены как прямые указания, могло также означать и то, что Сабуров предвидел возможность обвинений под этим предлогом в свой адрес со стороны министерств и региональных властей, в случае возникновения в регионе и на расположенных там предприятиях каких-либо народнохозяйственных проблем. С учетом печальной судьбы расстрелянного незадолго до этого предшественника Сабурова – Н.А. Вознесенского, такую реакцию даже можно считать политически предусмотрительной.

Тем не менее, сам факт проведения трех таких конференций свидетельствует о серьезной роли инициировавших их обкомов в хозяйственной жизни страны. Они говорят о некоторой степени автономии

²⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 134. Д. 25. Л.21.

регионов в области принятия экономических решений, и, в известной степени, свидетельствуют о неспособности центрального правительства всецело контролировать экономическую жизнь отдаленных территорий непосредственно из Москвы.

Проблемы координации работ предприятий области и региона с общесоюзным хозяйством приводили к тому, что отдельные работники промышленности уже в 1940-х гг. начали отстаивать идею расширения на Урале «горизонтальных» экономических связей, став, фактически, предвестниками совнархозной реформы Н.С. Хрущёва. Так, на Свердловском областном совещании руководящих работников предприятий цветной металлургии 1946 г. профессор Индустриального института Бенуни прямо настаивал на создании регионального органа межведомственной кооперации для облегчения проблем развития цветной металлургии Урала:

«Бенуни: Вся промышленность распылена и потому, когда директор того или другого предприятия обращается в партийные, советские органы, он представляется маломощным лицом, с ним не так считаются. Если бы организационная форма была более мощной, то цветная металлургия на Урале и по товарной продукции и по своей мощности заняла бы ведущее место по цветным металлам. Министерству [цветной металлургии] нужно было бы подумать об организационной стороне, нельзя было бы, как исключение для данного района, иметь какую-то центральную структуру, в которой бы объединялись не затрагивая интересов Главка ...

Архипов: Значит Министерство Урала.

Бенуни: Может быть филиал, оперативной группой будет называться...»²⁶⁰.

Еще дальше пошел управляющий Елизаветинского Р.У. Главникелькобальт Наркомата цветной металлургии Измоденов. 15 января 1946 г. он представил заместителю секретаря Свердловского обкома Носенкову записку, где выдвигались предложения по комплексному

²⁶⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 139. Л. 222.

переустройству всей системы управления этой отрасли промышленности. Измоденов настаивал на «...создании в областных центрах комбинатов объединив в них все предприятия НКЦМ области, ликвидировав при этом тресты и снабженческие конторы. ... В самом наркомате требуется ликвидировать отраслевые главки, это даст возможность приблизить руководство непосредственно к предприятиям. Комбинатам будет легче маневрировать внутри области кадрами, оборудованием и всеми материальными ресурсами предприятий ... Наркомату будет легче через Комбинаты руководить предприятиями»²⁶¹.

Упомянувшийся выше директор динасового завода в Первоуральске Г.Т. Бардагов также, хотя и более осторожно, высказывался в этом направлении: «Мне кажется надо оставить вопрос перед ЦК Партии, чтобы в систему вошло через определенный период времени по отраслям промышленности могли директора заводов выступать и рассказывать о всех недостатках, покритиковать, особенно наши главные управления»²⁶².

Эти настроения в некоторой степени нашли свой отклик и у центральных властей. Запрос на «горизонтальную» экономическую автономию мест отчасти разрешало Постановление Совета Министров СССР от 11 апреля 1953 г. «О расширении прав министров СССР». Несмотря на заглавие, постановление расширило права не только министров, но и начальников главных управлений советских министерств. Последним было предоставлено право довольно свободного обращения с оборотными денежными суммами, проектными заданиями, техническими проектами и т.д. Таким образом, в 1953 г. названные права распространились на территориальные главки, наподобие Главуралмета, Главуралэнерго и т.д.²⁶³

Приведенный материал позволяет заключить, что, существовавшая в послевоенном СССР ведомственно-отраслевая система управления народным хозяйством не была свободна от некоторых, часто весьма серьезных,

²⁶¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 139. Л. 43.

²⁶² Там же. Оп. 43. Д. 143. Л. 52.

²⁶³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам ... Т. 4. С. 5–14.

перекосов, связанных с советской моделью политико-экономического управления государством. Решение таких проблем по согласованию деятельности отдельных ведомств и предприятий *de facto* ложилось на аппарат областного комитета ВКП(б). В значительной степени такое положение вещей сложилось еще в годы войны. При этом обкомы перешли от своей первоначально основной функции – политической работы в регионе – к управлению экономикой региона. Новые народнохозяйственные функции подчас вытесняли из обкома собственно партийную работу.

Фактически, уже тогда начала складываться ситуация, которую, спустя 30 лет очередной первый секретарь Свердловского обкома Б.Н. Ельцин охарактеризует следующим образом: «сила, которая не дает “расташить” общее дело по своим ведомственным квартирам – это партийные органы»²⁶⁴.

Такие проблемы были понятны современникам. Региональным руководством на местах выдвигались проекты уничтожения таких противоречий путем реорганизации системы управления промышленностью на периферии. Эти настроения во многом перекликались с народнохозяйственными реформами Н.С. Хрущёва 1950-х гг. и отчасти нашли отклик в правительстве на излете сталинской эпохи.

Следует отметить, что действия обкомов в деле управления своей областью во многом копировали недостатки центрального правительства. В частности, это выражалось в неодинаковой заботе обкома о хозяйстве различных областных районов и городов, что приводило к территориальным диспропорциям в экономическом развитии уже на уровне отдельного советского региона.

²⁶⁴ Цит. по: Личман Б.В. Указ. соч. С. 73.

Глава 2

Факторы структурных изменений промышленности послевоенного Урала

2.1. Резэвакуация и реконверсия в уральской промышленности

В ходе Великой Отечественной войны на Урале была размещена основная масса предприятий, вывезенных из западных районов СССР в результате эвакуации лета – осени 1941 г. (См. Таблицу 21).

Таблица 21

Размещение эвакуированных промышленных предприятий по экономическим районам СССР (лето–осень 1941 г.)

Экономические районы	Количество пунктов эвакуации	Количество крупных предприятий	% к итогу
Поволжье	17	226	14,8
Урал	21	667	43,8
Западная Сибирь	13	244	16,0
Казахстан	15	150	9,9
Средняя Азия	13	158	10,4
Восточная Сибирь	4	78	5,1
Итого:	83	1523	100

Источник: Планирование размещения производительных сил СССР ... Ч. 1. С. 194.

Это во многом повлияло на то, что за годы войны Урал по темпам экономического роста значительно обогнал как другие восточные районы, так и общесоюзную экономику (См. Таблицу 22).

Кроме того, в годы войны на Урал было эвакуировано значительное количество научно-исследовательских и научно-проектных организаций, а также высших учебных заведений. 10 мая 1942 г. Президиум Академии наук СССР вынес постановление о переводе Президиума Академии из Казани в

Свердловск, что сделало Урал местом сосредоточения научно-технических кадров на время ведения войны²⁶⁵.

Таблица 22

Рост валовой продукции всей промышленности в тыловых районах за годы Великой Отечественной войны (раз)

Экономические районы	1943 г. к 1940 г.	I полугодие 1945 г. к I полугодию 1941 г.
Поволжье	3,5	3,4
Урал	3,4	3,6
Западная Сибирь	3,0	2,8
Казахстан и Средняя Азия	1,4	–
Перечисленные районы без Поволжья	–	2,0
То же с Поволжьем	2,9	–
СССР	0,9	0,92

Источник: Планирование размещения производительных сил СССР ... Ч. 1. С. 197.

Судя по имеющимся материалам, реэвакуация не привела к сколько-нибудь серьезному ослаблению промышленных мощностей Урала. Профессионально исследовавший этот вопрос магнитогорский историк А.В. Чуриков даже ставит под сомнение саму уместность употребления термина «реэвакуация промышленности». Согласно полученным им данным, реэвакуационные процессы 1942–1946 гг. не носили массового характера, проводились локально и точечно. По своим масштабам они совершенно не походили на эвакуацию на восток летом – осенью 1941 г. Так, в случае с Челябинской областью, реэвакуация промышленности на запад сводилась лишь к возвращению в западные регионы ранее эвакуированного оборудования, причем преимущественно оборудования, *не нашедшего применения* на предприятиях региона²⁶⁶. К схожим выводам в отношении

²⁶⁵ См., напр.: Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. Документы и материалы. 1932–2002 гг. Екатеринбург, 2002. С. 93–160.

²⁶⁶ См.: Чуриков А.В. Организационно-производственные и социальные проблемы эвакуации и реэвакуации тяжелой промышленности в Челябинской области (1941–1946 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Магнитогорск, 2011. С. 93–114.

всего Урала приходит А.В. Жук²⁶⁷. Результаты работы с архивными материалами вынуждают нас согласиться с мнением этих исследователей. За все время работы в архивах нам ни разу не встретились документы, свидетельствующие о сколько-нибудь значительном оттоке на запад промышленных мощностей из Молотовской, Челябинской или Свердловской областей, что косвенно подтверждает приведенные выше точки зрения. В его пользу говорит и тот факт, что в 1945 г. региональными партийными руководителями неоднократно декларировалось намерение сохранить в регионе промышленные мощности, эвакуированные сюда в военное время, и активно использовать их в ходе реализации IV пятилетки²⁶⁸.

Ощутимый и негативный для региона эффект реэвакуации промышленности имелся, пожалуй, лишь в отношении реэвакуации рабочих и инженерно-технических кадров (См. об этом Параграф 3.3. наст. работы). В то же время уральские предприятия остро почувствовали на себе результаты отъезда исследовательских и проектных организаций из региона. Главный инженер ТЭЦ Богословского алюминиевого завода Опильский осенью 1946 г. сетовал по этому поводу: «В период Отечественной войны у нас был целый ряд научно-исследовательских организаций, как Оргстрой, ЦКТИ, часть ВТИ, Оргэнерго и другие, которые способствовали освоению новых энергетических мощностей. Абсолютное большинство этих организаций сейчас выехали с Урала, и на Урале, в настоящее время, мало кто занимается освоением новых мощностей»²⁶⁹.

Реэвакуация научных учреждений также, в некоторой степени, привела к дефициту молодых специалистов на Урале. Как вспоминает И.Е. Старцева, бывшая в 1945 г. студенткой физического факультета Уральского университета, преподававшие в университете в годы войны эвакуированные

²⁶⁷ Жук А.В. Эвакуация военной промышленности на Урал в годы Первой и Второй мировых войн // Урал в стратегии Второй мировой войны. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург. 2000. С. 101.

²⁶⁸ См., напр.: Гусаров Н.И. Природные, экономические ресурсы и перспективы развития Молотовской области // Народнохозяйственные проблемы Молотовской области ... Т.1. С. 16–17; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 2. Л. 20.

²⁶⁹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 137. Л. 115.

научные работники активно способствовали переводу в свои, столичные, ВУЗы уральских студентов. В результате такого оттока, в 1945 г. на курсе И.Е. Старцевой оставалось только 4 человека²⁷⁰.

Касательно вопросов реконверсии промышленности, интересна запись в протоколе заседания Госплана от 19 января 1945 г.: «Подтвердить решение Госплана СССР от 9 февраля 1943 г. о запрещении начальникам отделов и управлений Госплана СССР, а также членам Госплана СССР поддерживать ходатайства наркоматов и возбуждать самим ходатайства перед Правительством о снятии или сокращении производства боеприпасов»²⁷¹.

Несмотря на свою лаконичность, содержание приведенной записи весьма показательна. Из нее можно заключить, что отдельные наркоматы уже к 1943 г., когда коренной перелом в Великой Отечественной войне стал намечаться, периодически делали попытки добиться через Госплан сокращения на своих предприятиях производства самой массовой военной продукции – боеприпасов. Видимо, такие попытки осуществлялись с регулярным постоянством вплоть до 1945 г., раз у Госплана возникло потребность спустя два года дублировать свой решительный отказ. Кроме того, данный отрывок еще раз подтверждает факты использования наркоматами отраслевых отделов Госплана для «лоббирования» собственных интересов. Ранее (*См. Параграф 1.2. наст. работы*) мы уже обращали внимание на эти факты как на характерную особенность послевоенного времени, теперь можно уверенно утверждать, что подобная практика имела место уже в ходе войны и во второй половине 1940-х гг. продолжала находиться в числе инструментов функционирования послевоенной командной экономики. Также сами факты необходимости для наркоматов проводить нужные для них решения через Госплан характеризуют последний в качестве важного органа управления экономикой даже в военное время.

²⁷⁰ Интервью с И.Е. Старцевой от 15.V.2015 г.

²⁷¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп 45. Д. 1. Л. 6.

Отметим, что, несмотря на решения Госплана, на машиностроительных заводах Свердловской области массовое снижение выпуска боеприпасов имело место уже в 1943 г. (См. Таблицу 23).

Таблица 23

Выпуск продукции машиностроения на заводах машиностроительной промышленности Свердловского обкома ВКП(б) в 1941–1945 гг.

		1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.*
Весь товарный выпуск	млн. руб.	205,4	599,0	798,3	673,1	279,1
	%	100,0	292,0	344,8	328,3	136,0
Машиностроение	млн. руб.	60,3	86,9	250,2	261,9	121,2
	%	100,0	144,0	416,0	436,0	200,9
Электротехника	млн. руб.	80,1	99,1	172,1	249,1	122,9
	%	100,0	123,7	214,8	311,0	163,4
Боеприпасы и вооружение	млн. руб.	65,0	412,8	285,9	162,0	35,0
	%	100,0	635,0	439,8	250,0	53,8

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 194. Л. 63.

* Первые 5 месяцев

Первые шаги правительства по сокращению выпуска военной продукции были предприняты в мае 1945 г. По данным А.Ю. Ермолова, именно тогда, двумя постановлениями ГКО, было прекращено производство боеприпасов на предприятиях – тем самым для производства гражданской продукции высвободилось значительное количество металлообрабатывающих предприятий, дававших около 10% валового промышленного производства СССР²⁷². Среди этих предприятий были: Челябинский Кировский завод, Заводы № 37, 42, 43, 50, 75, 112, 174, 176, 177, 180, 183, 264²⁷³.

Одними из первых заводов, полностью перешедших на производство мирной продукции на Урале, были Карпинский и Егоршинский металлические заводы, которые уже в 1945 г. были переведены на выпуск горно-механического оборудования²⁷⁴.

²⁷² Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью ... С. 329.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 189. Л. 17.

Руководство отдельных уральских заводов самостоятельно разрабатывало планы перевода своих предприятий на выпуск гражданской продукции. А.Ю. Ермоловым приводятся материалы о работе в этом направлении директора УЗТМ Б.Г. Музрукова и директора завода № 183 Ю.Е. Максарева. Первый еще в начале 1944 г. начал приготовительные работы для производства на УЗТМ установок глубокого бурения, необходимых для добычи нефти, и скального экскаватора СЭ-3 с объемом ковша 3 куб. м. Максаревым в конце 1944 г. была образована группа технологов для восстановления на заводе производства вагонов. В обоих случаях предполагалось использовать опыт поточного производства военного времени²⁷⁵.

Не все заводские руководители проявили такую предусмотрительность. Вас.В. Запарием приводятся сведения о Челябинском Кировском заводе. Его директор И.М. Зальцман приступил к аналогичной работе только в конце 1945 г., потеряв семь мирных месяцев и сорвав план по выпуску ЧКЗ основной продукции²⁷⁶.

Опыт военного времени имел большое значение для осуществления на уральских заводах реконверсии. В основном это касалось организационных принципов работы. Так, заместитель главного технолога Завода № 183 Оглозёров, выступая на Совещании технологов машиностроительных заводов, отметил: «При перестройке нашего Завода с танкового производства на вагонное производство технологами был учтен опыт работы военного времени, мы внедрили ряд технологических мероприятий, благодаря этому мы сумели добиться в короткий срок, что трудоемкость на сборке вагонов была снижена»²⁷⁷. Главный технолог Завода № 658 отмечал: «Мы перешли на производство мирной продукции электромашин – Урал (мотор) мы

²⁷⁵ Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью ... С. 316–318.

²⁷⁶ Запарий Вас.В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы. Екатеринбург, 2015. С. 120–121.

²⁷⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 141. Л. 18.

накопили опыт поточного производства, и этот опыт решили сохранить для производства электрических машин»²⁷⁸.

Уралмаш изложил собственный опыт послевоенной перестройки завода в отдельной монографии, которая, несмотря на несколько громоздкое название – «Применение новых методов организации производства и технологии, позволивших при послевоенной перестройке завода в короткие сроки удвоить производительные мощности», была в 1948 г. номинирована на Сталинскую премию I степени²⁷⁹.

На принципах такой перестройки следует остановиться подробнее. Начиная в 1944 г. работы по подготовке организации на заводе выпуска гражданской продукции, руководство завода изучило особенности работы предприятия в довоенное время, заключив, что до 1940 г. УЗТМ развивался как завод индивидуального машиностроения, а увеличение масштабов его производства происходило в пропорциональной зависимости от увеличения квалифицированной рабочей силы, т.е. экстенсивным путем²⁸⁰. Вместе с тем, к концу войны на заводе оставалось только 25% кадровых рабочих, знакомых с особенностями производства тяжелых машин. Большая же часть рабочих поступила на завод во время войны и не имела навыков универсальной работы, старые же кадровые рабочие за время операционной работы военных лет «деквалифицировались»²⁸¹.

Несмотря на это, руководство Уралмаша было намеренно достигнуть довоенного уровня производства в 1946 г., а к 1947 г. его удвоить. При этом до войны, в более благоприятных условиях, удвоение валовой продукции на заводе заняло 6 лет.

Первым шагом для достижения такой амбициозной цели стало сокращение номенклатуры заводских изделий, которая до войны была чрезвычайно обширной. Только за 5 предвоенных лет завод изготовил 457 типоразмеров тяжелых машин, при этом в проектировании находилось более

²⁷⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 141. Л. 69.

²⁷⁹ Там же. Оп. 44. Д. 152. Л. 17–73.

²⁸⁰ Там же. Л. 23.

²⁸¹ Там же. Л. 32–33.

1000 типоразмеров²⁸². Такая широкая номенклатура изделий значительно снижала эффективность работы завода на всех стадиях производства и являлась серьезным тормозом для широкого внедрения новой техники в тяжелое машиностроение.

Директору Уралмаша Б.Г. Музрукову удалось добиться решения Правительства о существенном (почти в 10 раз) снижении количества производимых на Уралмаше изделий после 1945 г. Решением Правительства от 21 декабря 1946 г. Уралмашу была установлена номенклатура в 36–40 типоразмеров машин в год, в том числе 6 типов машин начинали производиться на заводе впервые²⁸³. Затем администрация УЗТМ организовала на заводе шесть специализированных цехов: механический цех буровых машин, сборочный цех буровых машин, механический цех экскаваторостроения, цех металлических конструкций, механический цех средних узлов²⁸⁴.

Перестройка завода осуществлялась на базе максимального использования опыта военного времени, сохранения и использования накопленных мощностей, сохранения элементов серийности, группового запуска, широкого внедрения в технологию высокопроизводительных методов работы (машинная формовка, штамповка, скоростное резание металла)²⁸⁵. Организацией названных работ занималось специально подобранное конструкторское бюро²⁸⁶.

Принятые меры позволили УЗТМ к концу 1946 г. достигнуть довоенного уровня производства. Следующим шагом должно было стать удвоение объемов производства в течение следующего 1947 г.

Первоочередной мерой для достижения такой цели стала соответствующая организация работы конструкторского бюро УЗТМ. Последнее уже в процессе проектировки машин предусматривало

²⁸² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 152. Л. 33.

²⁸³ Там же. Л. 34.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Там же. Л. 34–35.

²⁸⁶ Подробнее об этом см.: Правда. 1946. 28 октября.

возможность применения при их производстве высокотехнологичных методов, в т.ч. машинной формовки, штамповки, сварки, протяжки, поверхностной закалки токами высокой частоты. Широко использовалась нормализация, унификация и агрегатирование узлов.

Конструкторское бюро кооперировало свои действия с технологами и производственниками, что способствовало снижению трудоемкости при производстве машин, наращиванию производительных мощностей и внедрению новых технологий в цехах завода²⁸⁷.

Кроме того, на заводе начали применяться новые, не встречавшиеся ранее в тяжелом машиностроении, методы работы. Так, до войны в тяжелом машиностроении при индивидуальном характере производства чугунное и стальное литье осуществлялось методом ручной формовки, на УЗТМ же после войны была внедрена машинная формовка, причем ее удавалось осуществлять независимо от размеров формуемой партии деталей²⁸⁸. Если в 1940 г. машинная формовка применялась в стальном литье, и удельный вес ее в общем выпуске литья составлял только 1,2%, то в 1947 г. он достиг 63%. При изготовлении чугунного литья машинная формовка применялась на заводе впервые, и в 1947 г. ее удельный вес составил 13% от общего выпуска²⁸⁹.

В области холодной обработки металла работа велась в направлении внедрения и усовершенствования высокопроизводительных технологических процессов: разгрузки крупных станков от мелкой работы, использования станков меньшей мощности взамен мощных, оснащения и внедрения станков узкоспециального назначения взамен универсальных. Это способствовало общему увеличению мощности станочного парка²⁹⁰.

Были модернизированы принципы управления и контроля на производстве. Так, централизованная диспетчерская служба стала выполнять функции контроля и координирования производства, что освободило

²⁸⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 152. Л. 38–41.

²⁸⁸ Там же. Л. 46.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же.

руководству завода время для внедрения новой техники и решения общих вопросов руководства²⁹¹. Было реорганизовано и планирование, которое стало базироваться отныне на расчетных данных органов подготовки производства. Конструкции индивидуальных машин были унифицированы, что позволило обеспечить внедрение группового запуска машин²⁹².

Вышеназванные меры принесли заводу весьма солидный эффект и позволили к концу 1947 г. удвоить количество выпускаемой продукции. Также, при ухудшении качества рабочей силы, в 1947 г. на УЗТМ была увеличена производительность труда – 185% в сравнении с 1940 г. и 125% в сравнении с 1946 г.²⁹³

Впечатление от описанной выше картины несколько портят материалы Свердловского обкома ВКП(б), сообщавшие о том, что к маю 1949 г. областные органы МГБ и Центрального статистического управления располагали материалами, свидетельствовавшими о фактах массовых приписок на Уралмашзаводе, производившихся путем включения в отчет о выполнении плана незаконченных заказов или же заказов законченных, но забракованных и подлежащих переделке²⁹⁴.

Несмотря на это, учитывая, что массовые приписки были выявлены на заводе уже после ухода Б.Г. Музрукова, под чьим руководством велась перестройка работы завода после войны, когда новым директором Уралмаша стал Чумичев, который, судя по документам, и являлся инициатором таких приписок, работу, проведенную по реорганизации производства на Уралмаше в 1944–1947 гг., следует признать значительной и эффективной.

Отметим еще одну важную деталь послевоенной конверсии, выразившуюся после войны в том, что значительная часть предприятий Свердловской области столкнулась с резким падением производства в ценовом выражении и снижением производительности труда рабочих.

²⁹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 152. Л. 57.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же. Л. 62.

²⁹⁴ Там же. Оп. 45. Д. 196. Л. 47–56; 78–82.

Рассмотрим данные по производству на Первоуральском новотрубном заводе
(См. Таблицу 24)

Таблица 24

**Производство труб Первоуральским новотрубным заводом
в 1940–1947 гг.**

год	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947*
тыс. т	64,9	111,5	222,0	276,6	270,5	217,1	220,8	232,5
млн. шт.	8,0	10,5	13,9	13,7	14,5	17,0	21,9	22,2

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 159. Л. 43.

* Предварительные данные 1947 г.

Из таблицы видно, что в период 1945–1947 гг. количество произведенной заводом продукции неизменно возрастало, в то время как ценовое выражение производительности труда одного рабочего за тот же период снизилось более чем в два раза (См. Таблицу 25).

Таблица 25

**Производительность труда на Первоуральском новотрубном заводе
в 1940–1946 гг. (выработка на одного рабочего в руб.)**

1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946
843	15636	30696	36000	36888	25835	17528

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 159. Л. 43.

Ситуацию проясняет записка Заместитель секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.П. Филатова. Из нее следует, что завод, бывший убыточным в 1934–1940 гг. (объем дотаций превысил 100 млн.), начал давать прибыль только во время войны. Это объяснялось тем, что завод производил специальные трубы из легированных марок сталей. Новые трубы, ввиду сложности их производства и освоения, получили соответствующие изменения в отпускных ценах. Таким образом, в 1941–1945 гг. завод получил прибыль в размере 563,5 млн. руб. Переход завода на производство сортамента труб мирного времени вновь потребовал дотаций. Только за первые 10 месяцев 1947 г. завод имел 38,4 млн. руб. убытка. Это было вызвано переходом на производство гражданской продукции меньшей

стоимости, восстановлением восьмичасового рабочего дня и увеличением заработной платы для рабочих и ИТР²⁹⁵.

Аналогичная ситуация наблюдалась на Синарском трубном заводе (См. *Таблицу 26*)

Таблица 26

**Производство труб Синарским трубным заводом
в 1940–1947 гг.
(валовая продукция в руб. и тоннах)**

год	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947
тыс. руб.	9817	16762	65906	81293	73131	72612	62818	54341
тонн	2506	2928	5774	7595	6992	7100	7127	7130

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 159. Л. 54.

При повышении объема производства в послевоенные годы общая цена продукции падала, что отражалось на показателях средней производительности труда (См. *Таблицу 27*)

Таблица 27

**Средняя производительность труда на Синарском трубном заводе
в 1940–1947 гг.
(выработка на одного рабочего в руб.)**

1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947
464	623	1282	1383	1469	1357	1175	1260

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 159. Л. 54.

Схожие, связанные с реконверсией, тенденции, демонстрировали многие отрасли промышленности, в частности, машиностроение²⁹⁶.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет заключить, что для послевоенного Урала основные последствия реэвакуации проявились в отъезде научно-исследовательских и научно-проектных организаций, что привело к известным трудностям в дальнейшем научно-проектном

²⁹⁵ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 159. Л. 44–45.

²⁹⁶ См., напр.: Там же. Оп. 40. Д. 194. Л. 80–92.

обеспечении деятельности предприятий уральской промышленности, к которому предприятия региона успели «привыкнуть» за годы войны.

В части реконверсии уральской промышленности следует отметить, ее убыточность для ряда предприятий Урала, связанную с высокой разницей отпускных цен между военной и гражданской продукцией (причем не в пользу последней). Важной чертой реконверсии стало то, что она осуществлялась, во многом децентрализованно, будучи зависимой от стратегии действий директоров конкретных предприятий, многие из которых начали подготовительную работу в этом направлении еще задолго до окончания войны. Последняя деталь – исключительная роль личности директора – на наш взгляд, представляет особенный интерес как одна из ярких иллюстраций тех принципов системы управления командной экономикой, которые сложились в годы Великой Отечественной войны и нашли свое продолжение во второй половине 1940-х гг.

2.2. Индустриальный Урал в структуре распределения германских репараций

Германские репарации были одним из значимых факторов послевоенного развития советской экономики во второй половине 1940-х гг. Немецкие технологии обеспечили толчок в развитии самым различным отраслям народного хозяйства – от атомной бомбы до цветного кино²⁹⁷.

Индустриальный Урал не был исключением. Здесь нашли широкое применение репарациям. Историкам известно о масштабном использовании немецкого оборудования на Кировградском заводе твердых сплавов, мотоциклетном заводе в Ирбите и Уральском заводе тяжелого машиностроения²⁹⁸. Косвенным свидетельством значительного вклада репараций именно в уральскую экономику является назначение в 1945 г. начальника Главуралмета Ф.А. Меркулова начальником особого монтажного управления представительства Наркомата черной металлургии в Германии. Также известно о работе на Урале немецких специалистов и использования немецких технологий в рамках Атомного проекта²⁹⁹. Уральские ученые активно использовали наработки германских коллег. В частности, в конце 1940-х гг. в Институте физики металлов Уральского филиала АН СССР велись активные работы по изучению и совершенствованию немецких исследований в области гидроакустики³⁰⁰.

В ряде отраслей советской промышленности трофейная и полученная по репарациям немецкая техника не только оказывала значительное воздействие на индустриальное строительство в 1940-х – 1950-х гг., но даже формировала технологическую основу такого строительства, значительно потеснив отечественного производителя в IV пятилетке. В частности, именно

²⁹⁷ См.: Советская военная администрация в Германии 1945–1949. Деятельность Управления СВАГ по изучению достижений немецкой науки и техники в Советской зоне оккупации Германии, 1945-1949. М., 2006.

²⁹⁸ См., напр.: Агеев С.С. Указ. соч.

²⁹⁹ См.: Кузнецов В.Н. Указ. соч.

³⁰⁰ Интервью с И.Е. Старцевой от 15.V.2015.

такая ситуация наблюдалась в Министерстве связи СССР в части оборудования телефонных станций (См. Таблицу 28)

Таблица 28

Ресурсы по оборудованию телефонных станций, вводимых в действие в СССР в IV пятилетке

Трофейное оборудование	234 тыс. номеров
Поступление по репарациям	96 тыс. номеров
Поступление от отечественной промышленности	170 тыс. номеров
Всего:	500 тыс. номеров

Источник: ГАРФ. Ф. р5446. Оп. 48а. Д. 2698. Л. 183.

Из представленной таблицы видно, что 66% мощностей для оборудования телефонных станций Советского Союза в 1946–1950 гг. покрывались именно за счет трофейного и репарационного оборудования, в то время как на долю отечественной промышленности приходилось только 34%.

Вместе с этим, несмотря на то, что вопрос о германских репарациях к настоящему времени изучен историками довольно детально, один из аспектов этой темы по-прежнему остается неисследованным. Речь идет о специфике распределения репараций по отдельным экономическим районам СССР, в том числе по Уральскому региону. На наш взгляд, выяснение удельного веса репараций, доставшихся тому или иному региону Советского Союза, важно для понимания того, как правительство страны расставляло приоритеты регионального развития в послевоенный период.

Следует отметить, что выяснение этих подробностей сопряжено для исследователей с рядом трудностей. Документы фонда Советской военной администрации в Германии, хранящиеся в Государственном архиве РФ, свидетельствуют о том, что после победы в Германию для получения репараций были отправлены представители 68 министерств и ведомств

Советского Союза³⁰¹. В их числе были все общесоюзные министерства СССР, министерства РСФСР, комитеты по делам культуры, измерительных приборов, кинематографии, Академия наук и многие другие. Кроме того, своих представителей отправили почти все союзные республики, за исключением Туркмении и Казахстана, а также 11 облисполкомов, в основном из числа областей, пострадавших при оккупации. Следует отметить, что ни один из регионов, входивших в то время в Уральский экономический район, своих представителей в Германию не послал, хотя, Правительство Башкирской АССР и намеревалось это сделать³⁰².

Судя по документам, все сколько-нибудь ценные репарации доставались представителям министерств; представительства республик и областей довольствовались второстепенными остатками, наподобие бывшей в употреблении сантехники³⁰³, Кроме того, оснащение представительств регионов оставляло желать лучшего; в частности, в представительстве Курского облисполкома не было даже телефона. Единственное исключение составляло представительство Совета министров Украинской ССР, пользовавшееся поддержкой самого Н.С. Хрущёва.

Материалы СВАГ не содержат прямого упоминания о распределении репараций по регионам. Единственное, в большей мере косвенное, свидетельство – это подробная документация о финансировании отдельных представительств, о чем они регулярно отчитывались перед финансово-бухгалтерским отделом уполномоченного Совета Министров СССР по Германии. На основании этих документов можно попытаться проследить примерное распределение репараций между западными и восточными районами СССР в угольной промышленности. Это возможно потому, что после войны Министерство угольной промышленности СССР было разделено на два территориальных министерства западных и восточных районов, причем оба министерства имели свои представительства в

³⁰¹ ГАРФ. Ф. р9437. Оп. 2. Д. 1. Л. 10–12.

³⁰² Там же. Л. 74–76.

³⁰³ Там же. Д. 5. Л. 7–8.

Германии. Что касается другого министерства, Министерства нефтяной промышленности, после войны также разделенного по территориальному принципу, то здесь аналогичную работу нельзя проделать, т.к. Министерство нефтяной промышленности восточных районов своих представителей в Германию не посылало.

Из данных по финансированию двух угольных министерств (*См. Приложение 8*) мы видим, что Министерство угольной промышленности западных районов финансировалось примерно в 3 раза лучше своего восточного собрата, в том числе и по пункту «демонтаж и вывоз оборудования». Из этого, можно заключить, что распределение репараций по регионам в этой отрасли было прямо пропорционально указанным цифрам.

Материалы по распределению репараций по регионам СССР содержат фонды отраслевых министерств в РГАЭ. В связи с большим количеством этих ведомств, полное выявление необходимых материалов довольно затруднительно. Тем не менее, нами обнаружены сведения о статистике такого распределения по двум министерствам.

Так, материалы распределения Министерством электростанций СССР мощностей турбин по регионам (*См. Таблицу 29*) говорят о явно имевшемся здесь приоритете Юга (Украина), которому было отправлено 28% всех агрегатов; 16% было получено предприятиями, географически связанными с предприятиями Юга и располагавшимися в Ростове и Крыму. Второе место занимает Центр, а третье – Урал. Такое положение вещей может показаться не совсем логичным. Если приоритетная позиция Украины вполне объяснима необходимостью компенсировать республике ущерб от оккупации, то вызывает удивление малая доля оборудования, отправленная Белоруссии (Запад), что, очевидно, объясняется отсутствием у Белоруссии столь могущественного покровителя, которым был для Украины Н.С. Хрущёв. Высокая доля Центра объясняется традиционным вниманием отраслевых министерств к ближайшим к Москве предприятиям. Относительно высокая доля Урала понятна, если вспомнить о необходимости наращивания здесь

энергетической инфраструктуры для Атомного проекта (См Параграф 2.3. наст. работы).

Таблица 29

**Распределение турбин, демонтированных Особэнергомонтажом в
Германии, по экономическим районам СССР**

Экономические районы	мВт	%
Северо-Запад	135,0	3,3
Центр	758,4	18,6
Северный Кавказ*	655,3	16,0
Поволжье	133,5	3,3
Урал	532,0	13,0
Западная Сибирь	258,3	6,3
Восточная Сибирь	10,0	0,3
Юг	1178,5	28,8
Запад	187,5	4,6
Закавказье	172,8	4,2
Ср. Азия и Казахстан	66,0	1,6
Всего:	4087,3	100,0

Расчеты автора по: РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 4. Д. 1076. Л. 54–58.

*В основном Ростовская область и Крымская АССР.

В случае с Министерством тяжелого машиностроения СССР ситуация выглядит несколько по-другому (См. Таблицу 30).

Таблица 30

**Размещение трофейного оборудования Министерством тяжелого
машиностроения СССР по экономическим районам (январь 1948 г.)**

Экономические районы	поступило		введено в эксплуатацию	
	единиц	%	единиц	%
Северо-Запад	4277	38,3	2509	41,4
Центр	793	7,1	539	8,9
Северный Кавказ	732	6,6	390	6,4
Поволжье	195	1,8	82	1,4
Урал	128	1,2	54	0,9
Западная Сибирь	923	8,2	501	8,2
Юг	4115	36,9	1986	32,8
Всего:	11163	100,0	6061	100,0

Расчеты автора по: РГАЭ. Ф. 8243. Оп. 7. Д. 1056.

Здесь совершенно явно вырисовывается приоритет традиционных центров русского машиностроения – Донбасса и Ленинграда. Доля Урала в получении трофейного оборудования выглядит незначительной.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют заключить, что в ходе распределения трофейных и репарационных материалов восточные регионы (в т.ч. Урал) занимали второстепенное положение перед западными. Однозначных далеко идущих выводов из этого делать нельзя, поскольку западные регионы наиболее сильно пострадали от оккупации, и отправки туда трофейного и репарационного оборудования вполне логичны и обоснованны. Тем не менее, представленные материалы являют собой еще одно свидетельство о неравномерном внимании правительства к развитию отдельных экономических районов Советского Союза.

2.3. Атомный проект и его влияние на промышленное развитие Урала

После Великой Отечественной войны советское правительство уделяло основное внимание восстановлению и развитию западных территорий СССР, в то время как Урал и другие восточные регионы закономерно отходили в этом отношении на второй план. Тем не менее, из этой практики имело место масштабное исключение. После войны именно Урал стал местом проведения комплекса мероприятий, осуществленных правительством СССР в 1940-х – начале 1950-х гг. по разработке собственного ядерного оружия, условно обозначаемого как советский Атомный проект.

На территории Свердловской и Челябинской областей оказались расположены четыре предприятия и один научно-исследовательский институт атомной промышленности. В 1948 г. начал работать промышленный реактор (комбинат № 817) в закрытом городе Челябинск-40 (Озёрск), производивший оружейный плутоний. Затем возле поселка Верх-Нейвинск, в закрытом городе Свердловск-44 (Новоуральск), запустили производство по обогащению урана газодиффузионным способом (комбинат № 813), а на севере Свердловской области, в закрытом городе Свердловск-45 (Лесной), построили комбинат, известный ныне как «Электрохимприбор» (завод № 814). Сначала он предназначался для разделения изотопов урана электромагнитным методом. Позже на нем наладили выпуск ядерных боеприпасов. В закрытом городе Златоуст-36 (Трехгорный), около города Сим, расположенного к юго-западу от Челябинска, ввели в строй Приборостроительный завод (завод № 933), специализирующийся на их серийном производстве. Уже в 1955 г. он выполнил первую государственную программу по изготовлению изделий РДС-4 (авиационной атомной бомбы). В это же время между Свердловском и Челябинском развернулось строительство второго советского научно-исследовательского и опытно-

конструкторского ядерно-оружейного центра (НИИ-1011, Челябинск-70)³⁰⁴.

Выбор Урала в качестве места проведения атомных разработок был обусловлен, с одной стороны, наличием в регионе крупного электроэнергетического потенциала и запасов воды, технологически необходимых для обогащения урана. Кроме того, немаловажную роль играл геополитический фактор, а именно, местоположение региона в глубине континента – на максимальном удалении от границ и вне радиуса действия стратегической авиации потенциального противника.

На протяжении всей второй половины 1940-х гг. проблема организации производства ядерных вооружений находилась в числе первоочередных целей советского правительства. Атомный проект сопровождало беспрецедентно высокое обеспечение и финансирование. Достаточно отметить, что на его осуществление было выделено 9% средств от общего объема капиталовложений IV пятилетки. Для сравнения вся легкая и пищевая промышленность СССР (т.н. промышленность группы Б) получала 12%, т.е. всего на 3% больше³⁰⁵.

В задачи настоящего исследования не входит изучение собственно истории Атомного проекта. Однако, учитывая огромный масштаб тех мероприятий, которые были предприняты на Урале в его рамках, интересным представляется выявить и изучить последствия осуществления здесь проекта для экономики региона, которые, безусловно, должны были возникнуть, учитывая размах производимых работ. Кроме того, научный интерес представляет система управления и организации проекта в отдаленных от Москвы Свердловской и Челябинской областях. Отмечавшиеся выше ведомственные проблемы индустриального освоения уральских территорий должны были проявить себя и в ходе реализации Атомного проекта, что должно было вынудить правительство выстраивать механизмы разрешения таких «затруднений».

³⁰⁴ См.: Шубарина Л.В. Этапы формирования оборонно-промышленного комплекса Урала на базе ракетно-ядерного производства (1945–1965 гг.) // Вестник военного университета. 2010. № 1. С. 88.

³⁰⁵ Супрун Н.М. Особенности развития сталинской модели в послевоенный период // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953. М., 2015. С. 430.

Что касается последствий Атомного проекта для индустрии Урала, то, в первую очередь, их должны были почувствовать предприятия тяжелого машиностроения Челябинской области. Атомный проект, безусловно, требовал большого количества высококвалифицированных специалистов в области науки и техники. Однако, если участие в проекте советских физиков, в том числе сотрудников УФАН СССР (И.К. Кикоин, М.В. Якутович и др.), едва ли наносило очевидный ущерб промышленности Урала, а тем более СССР, то квалифицированные технические кадры изымались непосредственно из производства, что приводило к негативным последствиям в самой краткосрочной перспективе. Техническими кадрами предприятия Атомного проекта комплектовались в основном за счет уральских машиностроительных заводов. В частности, по данным В.Л. Шубариной, исходя из Постановления Совета Министров СССР от 9 апреля 1946 г. «О строительстве завода № 817» Челябинский обком ВКП(б), был вынужден обязать Челябинский горком «откомандировать в распоряжение обкома с ведущих предприятий города 70 инженерно-технических работников, в том числе с Кировского завода»³⁰⁶. В период ноября – февраля 1948–1949 гг., артиллерийский завод № 9 был вынужден передать, курировавшему Атомный проект, Первому главному управлению при СМ СССР 20 человек различных профессий с пятого разряда и выше. По мнению администрации предприятия, это, наряду с прочими потерями рабочей силы, ставило под угрозу дальнейшую работу завода, терявшего лучшие артиллерийские кадры³⁰⁷.

Массовый перевод кадров из машиностроительной в атомную промышленность будет иметь место вплоть до середины 1960-х гг.³⁰⁸ Отток руководящих кадров из тяжелого машиностроения в атомную

³⁰⁶ Шубарина Л.В. Роль танковой и атомной отраслей промышленности в реализации Атомного проекта СССР (1945–1954 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №41. История Вып. 38. С.78.

³⁰⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 196. Л. 94–94 об.

³⁰⁸ Шубарина Л.В. Управленческая элита оборонно-промышленного комплекса Урала (1945–1965 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. №1. в 2 ч. Ч. II. С.206.

промышленность также был значителен: В.А. Малышев, Б.Г. Музруков, А.М. Петросьянц, А.Л. Кизима. Кроме того, ряд машиностроительных заводов был вынужден содержать, параллельные профильным, производства для нужд атомной промышленности. Это отвлекало силы предприятия от основной деятельности. В частности, к середине 1950-х гг. на Челябинском Кировском и Нижне-Тагильском заводах сложилась ситуация, когда непрофильное производство напрямую поставило под угрозу продолжение существования здесь тракторо- и вагоностроения³⁰⁹.

Так или иначе, изъятие из уральского машиностроения специалистов и мощностей в пользу Атомного проекта, особенно на фоне реэвакуации³¹⁰ и реконверсии привело, согласно Л.В. Шубариной, к тому, что на послевоенном Урале, особенно в Челябинской области «существовала ярко выраженная диспропорция между уровнем развития металлургии, переживавшей подъем, и машиностроения, которое до начала 1950-х гг. находилось в кризисе»³¹¹.

Учитывая, что Атомный проект объединял в себе широкий спектр производств на предприятиях различных отраслей, и принимая во внимание, что многие ключевые объекты атомной промышленности располагались в отдаленных районах Советского Союза, система управления таким комплексом предприятий представляет особенный интерес. Изначально, еще в 1942 г., осуществление работ по Атомному проекту находилось в ведении Академии наук СССР; руководство работами в этом направлении было поручено осуществлять ее вице-президенту, «отцу советской физики» А.Ф. Иоффе. Однако, уже в феврале 1943 г., в связи с «неудовлетворительным состоянием», А.Ф. Иоффе был освобожден от этих обязанностей, и руководство Проекта было разделено на «повседневное» (М.Г. Первухин) и «научное» (И.В. Курчатов)³¹². 20 августа 1945 г. для общего руководства работами по использованию внутриатомной энергии урана был создан

³⁰⁹ Шубарина Л.В. *Управленческая элита ...* С. 206.

³¹⁰ См. *Параграф 3.3.* настоящей работы

³¹¹ Шубарина Л.В. *Этапы формирования ...* С. 89.

³¹² Артёмов Е.Т. *Советский атомный проект в системе командной экономики ...* р. 271.

Специальный комитет при ГКО (позднее при СНК, СМ СССР) под председательством Л.П. Берии. Спецкомитет был наделен чрезвычайными полномочиями по привлечению любых ресурсов, имевшихся в распоряжении правительства СССР, к работам по Атомному проекту.

При Спецкомитете существовал исполнительный орган – Первое главное управление (ПГУ) при Совмине СССР. ПГУ подчинялись вновь создающиеся предприятия по добыче и переработке урановой руды, разработке и производству атомной бомбы³¹³. В декабре 1949 г. из ПГУ было выделено Второе главное управление, которому было поручено руководство комплексом горнодобывающих предприятий проекта³¹⁴. Деятельность двух управлений носила приоритетный, «надведомственный» характер. Количество выполнявших их заказы НИИ, КБ и промышленных предприятий другой ведомственной принадлежности превышало сто единиц³¹⁵.

Улучшению межведомственной и межтерриториальной кооперации предприятий Атомного проекта, безусловно, способствовало создание в 1946–1947 гг. института «уполномоченных Совета Министров СССР». Уполномоченные, подчиненные непосредственно заместителю председателя Совмина СССР Л.П. Берии, были назначены как во все основные организации ПГУ, так и на предприятия других ведомств, выполнявшие работы, связанные с реализацией Атомного проекта. Институт уполномоченных СМ СССР позволял правительству непосредственно контролировать ход работ по проекту³¹⁶. Это исключало возможность срыва или замедления темпов работ из-за межведомственных усобиц и территориальных разногласий, неизбежных в позднесталинском СССР при проведении каких-либо работ на «обычном» ведомственном уровне профильного народнохозяйственного министерства. Однако, описанный выше комплекс мер носил явно исключительный характер и был обусловлен острой необходимостью советского правительства получить доступ к

³¹³ Артёмов Е.Т. Советский атомный проект в системе командной экономики ... р. 276, 277.

³¹⁴ Ibid. p. 278.

³¹⁵ Ibid. p. 278.

³¹⁶ Ibid. p. 278.

ядерному оружию на фоне начавшейся «холодной войны». Он не мог быть применен для управления другими отраслями промышленности и совершенно явно, решая атомную проблему за счет других промышленных отраслей, свидетельствовал о серьезном ведомственном кризисе в управлении индустрией позднесталинского СССР.

Собственно, по итогам успешного осуществления Атомного проекта необходимость продолжать функционирование таких надведомственных органов управления стала вызывать сомнение. Тем более, что они осложняли деятельность народнохозяйственных министерств другого профиля. Летом 1953 г. Спецкомитет, Главные управления и институт уполномоченных СМ СССР были ликвидированы, и атомная промышленность стала управляться на «обычном» министерском уровне, специально созданным Министерством среднего машиностроения во главе с В.А. Малышевым³¹⁷.

Другая проблема размещения атомного производства на Урале лежала в области электроэнергетики. Ядерная промышленность требовала огромного количества электроэнергии. Так, например, Постановление Совета Министров № 804-362 сс «О подготовке, сроках строительства и пуска завода № 813» от 9 апреля 1946 г. предусматривало бесперебойное обеспечение завода электроэнергией от сетей Уралэнерго в количествах с 1 мая 1947 г. 25 тыс. кВт и с 1 августа 1947 г. 50 тыс. кВт круглосуточно³¹⁸. Это означало, что в период с 1 мая по 31 декабря 1947 г. завод № 813 должен был потребить 234 млн. кВт-ч, что составляло 2% от всего объема электроэнергии, произведенной на Урале в 1945 г.³¹⁹, или 4,7% от количества электроэнергии, произведенного всеми электростанциями Свердловской области в 1944 г. (См. Таблицу 31).

Исходя из потребностей Атомного проекта в электроэнергии, выбор Уральского региона в качестве места размещения ядерных объектов представлялся хорошо обоснованным. По оценке министра электростанций

³¹⁷ Артёмов Е.Т. Советский атомный проект в системе командной экономики р. 281.

³¹⁸ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Атомная бомба. Кн. 2. М.; Саров, 2000. С. 204.

³¹⁹ Рассчитано по: Жимерин Д.Г. История электрификации СССР. М.,1962. С. 82; Народное хозяйство СССР... С. 71.

СССР Д.Г. Жимерина, в 1945 г. Уральская энергетическая система являла собой «самую мощную энергосистему Советского Союза»³²⁰. Объединение электростанций Урала в единую энергосистему произошло еще до войны, 7 ноября 1934 г.³²¹ Уже тогда она представляла собой одну из 5-ти наиболее крупных энергосистем СССР, уступая только Московской, Донбасской и Днепропетровской энергосистемам, но превосходя Ленинградскую³²². Ее линии электропередач охватывали территории протяженностью более 1000 км – от Соликамска на севере до Магнитогорска на юге Урала, что делало Уральскую энергосистему самой протяженной в СССР³²³ (См. Приложение 9). За годы войны мощность электростанций Уралэнерго почти удвоилась, выработка электроэнергии всеми электростанциями увеличилась почти в 2 раза³²⁴, а в Свердловской области выросла более чем вдвое (См. Таблицу 31).

Таблица 31

Рост энергетических мощностей и выработка электроэнергии на электростанциях Свердловской области³²⁵ в 1940–1945 гг.

Год	Рост устан. энерг. мощности мВт	Рост к 1940 г. %	Рост выаб. эл. энергии млн. кВт-ч	Рост к 1940 г. %
1940	441,0	100	2241,6	100
1941	441,5	100	2876,5	128
1942	640,1	145	3746,4	167
1943	838,9	190	4407,8	182
1944	921,6	209	4968,5	222
1945*	948,6	215	нет данных	нет данных
1950**	1548,6	351	нет данных	нет данных

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп. 40. Д. 188. Л. 15.

*Первые 5 месяцев.

** По плану IV пятилетки (ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д. 137. Л. 115.).

Удельный вес уральской энергосистемы в общем энергобалансе страны

³²⁰ Жимерин Д.Г. Указ соч. С. 76.

³²¹ Энергетика Урала за 40 лет ... С. 11.

³²² Энергетика Урала за 40 лет... С.12.

³²³ Жимерин Д.Г. Указ соч. С. 75.

³²⁴ Там же С. 74–75.

³²⁵ Всех, не только МЭС.

к 1945 г. также вырос более чем в 2 раза по сравнению с 1940 г., что, впрочем, относилось ко всем энергосистемам тыловых районов (См. Таблицу 32).

Таблица 32

Удельный вес в энергобалансе страны Урала, Сибири, ДВК и Средней Азии по выработке электроэнергии (%)

РАЙОНЫ	Удельный вес выработки электроэнергии	
	1940 г.	1945 г.
Урал	12,8	28,3
Сибирь и ДВК	6,6	14,2
Средняя Азия	2,8	6,0

Источник: Жимерин Д.Г. Указ. соч. С. 82.

Однако, за годы войны промышленное производство на Урале также выросло в среднем в 2,5 раза³²⁶. Уже в ходе Великой Отечественной войны дефицит электроэнергии на Урале обозначился весьма отчетливо. Как вспоминал А.Б. Аристов, «Редкое заседание бюро [Свердловского] обкома проходило без обсуждения вопросов топлива и энергетики. Не жалея сил, старались мы ... вводить новые электрические мощности. Нам [с А.М. Мариновым, управляющим Свердловэнерго] приходилось решать ... как никого не обидев, напитать всех энергией при огромном дефиците ее. Конечно, у нас это не получалось ... Экономии электроэнергии посвящались специальные собрания партийного актива в городах и районах. ... Да, энергетика стоила всем нам больших переживаний»³²⁷. Как вспоминал Д.Г. Жимерин, зимой 1941–1942 г. проблему удовлетворительного функционирования Уралэнерго пришлось решать при личном участии И.В. Сталина³²⁸.

О факте определяющего значения энергетических мощностей для успешного функционирования предприятий атомной промышленности на

³²⁶ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 105. Л. 11.

³²⁷ Аристов А.Б. Указ. соч. С. 20–22.

³²⁸ Богатко С. Энергия: Страницы истории // Правда. 1985. 1 июля.

Урале убедительно свидетельствует такой любопытный исторический источник, как записки сотрудника Центрального разведывательного управления США Генри Лёвенгаупта³²⁹. В них подробно описано, как уже в 1957 г. агентом ЦРУ Чарльзом В. Ривзом были изучены особенности функционирования атомных производств на Урале именно благодаря росту здесь энергопроизводства. Исходя из известного ЦРУ факта о том, что ядерная промышленность требует внушительных затрат электроэнергии, обнаружив значительную разницу между производимой и потребляемой местной индустрией энергии, американские специалисты без труда поняли, что «лишняя» энергия питает Атомный проект. Используя опубликованную в журнале «Огонёк» фотографию Центрального диспетчерского пункта Уральской электроэнергетической системы³³⁰ (См. Приложение 10) сотрудники ЦРУ составили схему линий электропередач на Урале (См. Приложение 11), установили месторасположение здесь основных объектов атомной промышленности и питающих их электростанций, а также определили примерную энергетическую мощность атомных производств в Челябинске-40, Свердловске-44 и Свердловске-45. С примерной погрешностью в 15% было установлено, что в 1959 г. мощность электроснабжения производства урана-235 в Верх-Нейвинске (Свердловск-44) составила 1000 *MВт* (около половины мощности Окриджской установки в США). Энергетическая мощность плутониевого реактора в Озёрске (Челябинск-40) была определена в 150 *MВт* с погрешностью 30%. До 100 *MВт*, по расчетам Ч. Ривза, потреблял комплекс в ЗАТО Лесной (Свердловск-45)³³¹. Позднее эти расчеты получили подтверждение после дешифровки аэрофотоснимков, сделанных в 1959 г. американским разведывательным самолетом U-2.

Таким образом, в 1958 г. общая мощность атомных объектов Челябинска-40, Свердловска-44 и Свердловска-45 составила около 1250

³²⁹ Лёвенгаупт Г.С. Указ. соч.

³³⁰ Огонек. 1958. 13 июля. № 29. С. 5.

³³¹ Лёвенгаупт Г.С. Указ. соч. С. 524.

МВт. Это была чрезвычайно большая величина. Для сравнения, в 1958 г. мощность всех электростанций Советского Союза равнялась 53 367 *МВт*³³², то есть только известная мощность атомных объектов Урала требовала потребления целых 2,3% всей вырабатываемой в СССР электроэнергии. Названная мощность позволяла трем перечисленным выше предприятиям в течение года потребить электроэнергии в количестве 10 млрд. *кВт-ч*, или 26,6% всей электроэнергии, произведенной на Урале за 1956 г. (37,5 млрд. *кВт-ч*)³³³.

В середине 1940-х гг. описанное выше положение вещей означало, что осуществление на Урале Атомного проекта требовало, в условиях уже существующего здесь энергодефицита, строительства на Урале новых электростанций. До ввода в эксплуатацию новых энергетических мощностей питание уральских атомных производств электроэнергией приходилось осуществлять из уже существующих источников в ущерб полноценному энергообеспечению местных предприятий. Это неизбежно должно было усугубить дефицит электроэнергии на Урале. Постановление Совмина СССР № 806–328 сс «О порядке материально-технического обеспечения “специальных работ”» от 9 апреля 1946 г. прямо предписывало на этот счет: «Обязать Министерство электростанций (т. Жимерина) обеспечивать электроэнергией предприятия, институты и лаборатории, привлеченные к выполнению “специальных работ”, полностью, по лимитам, устанавливаемым для этой цели и не допускать отключений и ограничений потребителей электроэнергии, выполняющих “специальные работы”. Обязать министерства, ведомства и организации использовать выделенный им лимит электроэнергии для “специальных работ” только по прямому назначению, независимо от степени обеспечения электроэнергией других своих потребностей»³³⁴.

Такой подход к делу, вполне ожидаемо, привел к тому, что с

³³² Народное хозяйство СССР в 1958 г. Статистический сборник. М., 1959. С. 215.

³³³ Народное хозяйство РСФСР... С. 29.

³³⁴ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Кн. 2. М; Саров, 2000. С. 208.

окончанием войны дефицит электроэнергии на Урале не только не был устранен, но и, напротив, вырос. В этом плане показательно любопытное, исполненное недоумения заявление, сделанное в 1946 г. секретарем Североуральского горкома ВКП(б) Козловым: «При наращивании энергетических мощностей рост Северо-Уральских бокситовых рудников столкнулся с диспропорцией роста наших энергетических мощностей. На первый взгляд в наших северных условиях получается странно. С одной стороны мы имеем крупные электростанции, мощностью 75 Мвт, с другой стороны мы имеем также станцию 18 Мвт и в городе Серове электростанцию 18 Мвт, казалось бы электроэнергии достаточно, на самом деле ее не хватает. Не хватает потому, что не существует правильного распределения, а затем правильной эксплуатации станций». Секретарю явно было неизвестно (или известно далеко не всё) об осуществлении Атомного проекта, требовавшего огромного расхода электроэнергии для обогащения урана.

По сообщениям Свердловского обкома ВКП(б), в 1946 г. Свердловэнерго вообще резко ограничил электроэнергией предприятия цветной металлургии. В аналогичном положении оказались и другие предприятия, снабжающиеся от сети Свердловэнерго³³⁵. В ряде случаев это привело к невыполнению уральскими предприятиями производственных планов. Так, на совещании областного партийно-хозяйственного актива в г. Свердловске, прошедшем 18–19 июля 1947 г. секретарь Свердловского обкома Панин заявлял: «Уральский алюминиевый завод по валовой продукции выполнил план на 101,4%, дал прирост к первому полугодью 1946 года на 113,4%, а по глинозему на 26,8%. Завод недовыполнил план производства алюминия, что является, главным образом, результатом недополучения электроэнергии со стороны Свердловэнерго. *Можно прямо сказать, что это одно из передовых предприятий области отстает по производству алюминия только по вине энергетиков* [курсив мой – М.М.]»³³⁶.

³³⁵ ЦДООСО Ф.4. Оп. 41. Д. 213. Л. 13.

³³⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 43. Д. 136. Л. 13.

Всего из-за недостатка установленной мощности Уральский алюминиевый завод только в первом полугодии 1947 г. недополучил 34 млн. кВт-ч электроэнергии, в результате чего завод не выполнил план по металлу, не произведя в срок 2500 т алюминия³³⁷.

Ему вторил директор Исовского прииска: « ... [Н]е могу не остановиться на снабжении предприятия в текущем году электроэнергией ... во II квартале [1947 г.], особенно июне-июле положение со снабжением предприятий электроэнергией заметно ухудшилось. Как результат, только из-за отсутствия энергии мы допустили простой драг 1130 часов и гидроустановок 1431 час. Это по меньшей мере равняется 5% нашей годовой программы. Особенно ухудшилось за последнее время положение с напряжением»³³⁸.

Нужно отметить, что уральские энергетики реагировали на подобную критику весьма спокойно. Так, присутствовавший на совещании управляющий Свердловэнерго А.М. Маринов сразу же согласился с критикой в адрес своих коллег: «Я считаю, что трудящиеся Уральского алюминиевого завода справедливо резко критикуют нашу работу, потому что мы действительно являемся одним из основных виновников, что УАЗ пришел к концу полугодия не выполнив свой годовой план». Свои объяснения на этот счет А.М. Маринов ограничил констатацией факта того, что потребление энергии на Урале «с каждым днем всё растет и по вводу новых объектов в потребление и по вводу новых промышленных предприятий»³³⁹. Неспособность же обеспечивать электроэнергией эти предприятия он объяснил тем, что: «мы имеем значительные ограничения в отпуске электроэнергии нашей промышленности [курсив мой – М.М.]»³⁴⁰.

Проблема недостатка электроэнергии на Урале неоднократно отмечалась работниками промышленности региона. Прошедшая в конце 1947 г. Конференция энергетиков и технологов промышленных предприятий

³³⁷ ЦДОСО Ф.4. Оп. 43. Д. 163. Л. 1.

³³⁸ Там же. Оп. 41. Д. 213. Л. Л. 61

³³⁹ Там же. Л. 133.

³⁴⁰ Там же. Л. 136.

Свердловской области отметила, что «считает своевременным поставить вопрос об изменении порядка распределения энергии Госпланом, Министерствами и Главками, так как при существующем положении допускается установление лимитов на электро и теплоэнергию, не стимулирующих работу предприятий»³⁴¹.

Сталевар Верх-Исетского металлургического завода Ушаков отмечал в 1948 г.: «За последнее время у нас участились простои электропечей из-за отсутствия электроэнергии. За 9 месяцев печи простояли ... при вполне исправном состоянии недодав 1700 тонн трансформаторного металла. На заводе мы сэкономили много электроэнергии, почему же нам ее не дают. Вероятно здесь присутствует управляющий Свердловэнерго. Я обращаюсь к нему от имени сталеваров ВИЗа: когда же это энергетики догонят передовые предприятия и пойдут в одном ряду со стахановцами, а то стахановцы идут дружно вперед, а энергетики подставляют им ногу?»³⁴².

30 июля 1947 г. секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.И. Недосекин в особой записке на имя Председателя Совмина СССР И.В. Сталина подробно описал катастрофическое положение дел, сложившееся с обеспечением индустрии области электроэнергией. По словам В.И. Недосекина, в послевоенный период потребности области в электроэнергии резко выросли. В то же время Свердловская энергосистема, не имея с февраля 1944 г. прироста новых мощностей, к осени 1947 г. не была в состоянии удовлетворять возросший спрос на электроэнергию. Так, в мае 1947 г. фактическая потребная мощность по системе Свердловэнерго составила 677 *MВт*, в то время, как располагаемая мощность энергосистемы равнялась 661 *MВт* – для удовлетворения нужд только промышленности Свердловской области не хватало 16 *MВт*³⁴³. По прогнозу В.И. Недосекина, к концу 1947 г. дефицит электрической мощности по системе Свердловэнерго должен был составить 104 *MВт*, в декабре 1948 г. – 268 *MВт*, в декабре 1950

³⁴¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 234. Л. 59.

³⁴² Там же. Оп. 44. Д. 141. Л. 115.

³⁴³ Там же. Оп. 43. Д. 163. Л. 1

г. – 377 *MВт*³⁴⁴.

В связи с дефицитом электрической мощности по системе Свердловэнерго в 1947 г. систематически вводились ограничения отпуска электроэнергии промышленным предприятиям, а электростанции оказывались лишены возможности выводить свои агрегаты на ремонт по заранее утвержденным графикам³⁴⁵.

Таким образом, энергодефицит имел место на Урале в течение всей второй половины 1940-х гг. Решить эту проблему было возможно только за счет строительства в регионе новых электрических станций большой мощности. В 1947 г. управляющий Свердловэнерго А.М. Маринов в своем докладе на ежегодном заседании партхозактива сформулировал это так: «На Урале сложилась такая обстановка с балансом мощностей и состоянием электрооборудования, что только “штопанием” дело наладить невозможно. Нужна новая программа строительства электростанций»³⁴⁶. Новую программу А.М. Маринов изложил в своей записке, представленной секретарю Свердловского обкома 15 ноября 1947 г. и озаглавленной «О состоянии энергосистем Свердловэнерго и перспективе ее развития»³⁴⁷. В ней он констатировал дефицит мощности в системе Свердловэнерго размером в 102 *MВт*, причем указывал на его быстрый рост: «Статистика роста нагрузок показывает, что обычный прирост мощности составляет 10% в год, но в Свердловской области прирост нагрузок более высокий за счет вступления в строй новых энергоемких предприятий [подчеркнуто А.М. Мариновым], потребность которых к 1950 г. достигнет не менее 130 тыс. кВт»³⁴⁸. Загадочные «новые энергоемкие предприятия» явно имеют отношение к объектам Атомного проекта. При сохранении существующего положения вещей А.М. Маринов предсказывал системе Свердловэнерго дефицит в

³⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 163. Л. 2.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Цит по: Эпохи уходят, энергетика остается: Пермьэнерго, Свердловэнерго, Челябинэнерго – 70 лет. Екатеринбург, 2012. С. 11.

³⁴⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 163. Л. 51–59.

³⁴⁸ Там же. Л. 54.

размере 464 *MВт*³⁴⁹, что было больше чем мощность всех электростанций Свердловской области в 1941 г. (См. Таблицу 31).

Решение сложившейся проблемы А.М. Маринов видел в форсированном строительстве Нижнетуринской ГРЭС и Каменск-Уральской ТЭЦ. При этом, по его расчетам, при ежегодном бюджете двух строек в 70–80 и 18–20 млн. рублей, соответственно, пуск обеих электростанций становился возможен уже в 1950–51 г. для Нижнетуринской ГРЭС и в 1949 г. для Каменск-Уральской ТЭЦ³⁵⁰. Удовлетворение же потребностей в энергомощностях в течение 1948–1949 гг. Маринов находил в быстрой установке турбогенератора 10 *MВт* на Егоршинской ГРЭС, для чего требовал закрепить имеющийся там лагерь военнопленных до окончания строительства в середине 1949 г., и в расширении Среднеуральской ГРЭС путем установки на ней в 1948 г. турбогенератора мощностью в 35 *MВт*, для чего требовал для СУГРЭСстроить «лагерь заключенных в количестве 2000 человек»³⁵¹. Кроме того, Маринов находил необходимым строительство в Свердловской области 185 км новых линий электропередач, для чего требовал еще 1000 рабочих³⁵². При условии выполнения предложенного плана, управляющий Свердловэнерго обещал увеличение мощностей в энергосистеме: в 1948 г. на 95 *MВт*, в 1949 г. – на 40 *MВт*, в 1950–951 гг. – на 258 *MВт*, т.е. всего на 393 *MВт*³⁵³.

В целом, предложения А.М. Маринова встретили поддержку. В 1947 г. Правительством СССР была принята развернутая программа развития энергетики на Урале³⁵⁴. 1–3 декабря 1948 г. в Москве под руководством министра электростанций Д.Г. Жимерина состоялось созванное Министерством Всесоюзное совещание руководителей строительных и монтажных организаций. Совещание уделило особое внимание спешному вводу новых мощностей в Уральской энергосистеме с целью «изжить» там

³⁴⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д. 163. Л. 51–59.

³⁵⁰ Там же. Л. 57.

³⁵¹ Там же. Л. 58.

³⁵² Там же.

³⁵³ Там же. Л. 59.

³⁵⁴ Эпохи уходят ... С. 11.

дефицит электроэнергии. Совещание указало на необходимость развернуть на Урале строительство Камской ГЭС, Южно-Уральской ГРЭС, Новобогословской ГРЭС, а также ускорить уже ведущиеся работы по строительству Нижнетуринской ГРЭС. При этом министром было подчеркнуто, что в 1948 г. строительные организации Уралэнергостроя увеличили парк автомашин в 2,8 раза³⁵⁵.

Работы по вводу в строй на Урале большого количества электростанций представляли собой единственный пример масштабного промышленного строительства в регионе в послевоенное время. С большой долей уверенности можно утверждать, что электростанции строились для нужд Атомного проекта. Инженер Нижнетуринской ГРЭС, впоследствии директор Рефтинской ГРЭС, Ю.В. Иванов впоследствии вспоминал: «Мы уже тогда предполагали, а теперь знаем, что строительство Нижнетуринской ГРЭС было необходимо для обеспечения электроэнергией атомных предприятий в г. Нижняя Тура (Свердловск-45) и в г. Верхнейвинск (Свердловск-44), которым нужно было много, очень много электроэнергии. [...] Холодная война и неудержимая гонка вооружений заставляла очень быстро накапливать атомное оружие. Поэтому от строительства электростанции и успехов ее работы зависел результат беспрецедентного “соревнования” Советского Союза со всем остальным миром, тем более что расщепляющие материалы и атомное оружие тогда создавались только на Урале»³⁵⁶. Электроэнергии требовалось столь много, что уже в 1958 г. комбинат № 813 (Свердловск-44) потреблял примерно 800 *Мвт* или около 7 млрд. *кВт-ч* в год – 3% всей производившейся в СССР электроэнергии³⁵⁷.

Тем не менее, несмотря на огромное государственное значение вышеназванных энергетических строек, их осуществление оказалось не свободно от проблем организационного характера.

Приказ Министра электростанций СССР № 47 от 22 марта 1947 г.

³⁵⁵ Всесоюзное совещание руководителей строительных и монтажных организаций Министерства электростанций СССР // Электрические станции. 1948. декабрь. № 12. С. 4–7.

³⁵⁶ Иванов Ю.В. Указ. соч. С. 78.

³⁵⁷ Артёмов Е.Т., Бедель А.Э. Указ. соч. С. 75.

отмечал крайне неудовлетворительные итоги работ по строительству Нижнетуринской ГРЭС в 1946 г. Годовой план строительно-монтажных работ был выполнен всего на 61%, себестоимость работ оказалась выше сметной на 12%. Руководство стройки не использовало имевшиеся в ее распоряжении механизмы, а производительность труда была здесь крайне низка – норм не выполняли 40% рабочих³⁵⁸.

К весне 1947 г. на площадке все еще не были закончены работы по подготовке к строительству и монтажу основных промышленных сооружений. Не были построены цеха вспомогательных производств, не было достаточного жилого фонда и не обеспечивалась заготовка необходимых местных материалов.

Вплоть до марта 1947 г. не был утвержден технический проект Нижнетуринской ГРЭС, не существовало генплана площадки и проекта организации производства работ.

По мнению министра Жимерина, основной причиной плохого состояния работ явилось: «недостаточное внимание руководства Главуралэнергостроя (тт. Ковко и Арансон) и Теплоэлектропроекта (тт. Четвериченко и Мякоткин) к строительству этой важнейшей электростанции нового пятилетнего плана для обеспечения электроэнергией растущей промышленности Урала»³⁵⁹. Для исправления положения министр поручил контрольно-инспекторской группе МЭС вести постоянный контроль над осуществлением строительства³⁶⁰.

22 октября 1947 г. управляющий Свердловэнерго А.М. Маринов сообщал первому секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В.И. Недосекину о том, что в Свердловской области и в других областях Урала вступают в строй «энергоемкие предприятия I-го Главного управления при СМ СССР [подчеркнуто А.М. Мариновым]»³⁶¹. Для покрытия их электроснабжения в IV пятилетке должны были быть построены новые электростанции:

³⁵⁸ АМЕУ. Приказы МЭС за 1947 г. Л. 7.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Там же. Л. 9.

³⁶¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д. 163. Л. 48–51.

Нижнетуринская ГРЭС мощностью 258 *MВт* и Каменск-Уральская ТЭЦ мощностью 40 *MВт*. При этом постановление Совмина СССР № 1953–822 сс от 29 августа 1946 г. предписывало осуществить запуск Каменск-Уральской ТЭЦ полной мощностью в 1949 г., однако строительство обеих электростанций практически не велось. Так, по строительству Нижнетуринской ГРЭС за 9 месяцев 1947 г. было освоено 5,97 млн. рублей при сметной стоимости станции в 3332 млн. рублей, а по Каменск-Уральской ТЭЦ было освоено 503 тыс. рублей при сметной стоимости ТЭЦ более 50 млн. рублей.

Обе важнейшие стройки не были обеспечены рабочими, так как «Министерство внутренних дел не выполняет неоднократные постановления руководящих органов по этому вопросу». Даже специальное постановление Правительства о выделении 4000 рабочих из колоний заключенных для строительства Каменск-Уральской ТЭЦ осталось невыполненным. Строительство Нижнетуринской ГРЭС испытывало крайнюю нужду в материальных ресурсах (бензин, цемент и т.п.).

В строительном сезоне 1947 г. также не были выполнены планы по расширению уже действующих на Урале электростанций. За 9 месяцев 1947 г. стройкой СУГРЭС годовой план был выполнен только на 50%, стройкой ЕГРЭС на 56%.

На СУГРЭС не были введены новые пылесистемы, не строились угольный склад, дамба, плотины, выходы на подстанции 110 *кВт* и другие объекты включенные в план 1947 г. и необходимые для надежной работы станции.

Несмотря на то, что в 1948 г. на СУГРЭС было возможно дальнейшее увеличение турбинной мощности виде дальнейшего ввода около 35 *MВт* при сравнительно малых затратах, стройка совершенно замерла вследствие недостатка рабочей силы.

Еще хуже обстояло дело с расширением электрических сетей. Уралэлектросетьстрой в 1947 г. совершенно ничего не строил в

Свердловском узле электросетей, не освоил ни одной копейки по плану и сорвал ввод 26 км линий электропередач, предписанных приказом Минэлектростанций № 66.

Тем временем электрическая нагрузка подстанций и линий электропередач в Свердловском узле достигла предельных величин и стала лимитировать передачу электроэнергии для промышленности г. Свердловска. Мощности, планируемые к введению на блокстанциях Урала, едва могли покрыть уже существовавший дефицит и несколько ослабить действовавшие к тому времени ограничения отпуска электроэнергии.

В октябре 1947 г. выработка энергии системой Свердловэнерго достигла максимального уровня военного времени (1944/1945 гг.) а по отдаленным станциям (СУГРЭС) значительно превысила этот уровень. Несмотря на полную загрузку электростанций, Свердловэнерго была вынуждена вводить большие ограничения из-за острого недостатка мощности в Свердловской и объединенной Уральской энергосистемах.

Очевидным становилось, что дальнейшая задержка в строительстве электростанций и сетей на Урале угрожала «серьезными последствиями для народного хозяйства и особенно для важнейшей оборонной промышленности»³⁶².

А.М. Маринов предлагал: «Для изменения положения на строительствах Н.-Туринской ГРЭС и Каменск-Уральской ТЭЦ, чтобы эти электростанции были пущены к моменту входа в строй объектов I Главного управления [здесь и далее подчеркнуто А.М. Мариновым], по нашему мнению необходимо поручить выполнение строительных работ тем же организациям, которые строят соответствующие объекты I Главного управления (в качестве субподрядчиков Уралэнергостроя).

Необходимо путем мобилизации рабочих через военкоматы или путем действительного выделения рабочих ИТК усилить все энергетические стройки Свердловской области, а также обеспечить их горючим,

³⁶² ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д. 163. Л. 50.

стройматериалами и т.п.»³⁶³.

Записка Маринова представляет интерес как минимум в двух аспектах.

Во-первых, она показывает что даже такие «надведомственные» органы исполнительной власти, как Первое главное управление при Совете министров СССР, не всегда могли контролировать осуществление работ по Атомному проекту отдельными министерствами. В частности, из записки видно, что необходимость выполнения таких работ была откровенно проигнорирована не только Министерством электростанций, но даже уральскими органами Министерства внутренних дел, хотя, среди последних, председатель Спецкомитета Л.П. Берия, безусловно, должен был пользоваться определенным влиянием.

Во-вторых, мы наблюдаем здесь попытку А.М. Маринова, сконцентрировав внимание адресата на проблемах строительства электростанций, предназначенных для питания энергией объектов Атомного проекта, а именно Нижнетуринской ГРЭС и Каменск-Уральской ТЭЦ, получить людские и материальные ресурсы на осуществление не только этих строек, но «усилить все энергетические стройки Свердловской области» вообще, в том числе к Атомному проекту отношения не имевшие. Последнее являет собой наглядную иллюстрацию одного из способов «лоббирования» интересов местного народного хозяйства перед центральным правительством в условиях командной экономики.

В условиях всеобщего дефицита электроэнергии предприятия стремились к достижению энергетической независимости, что было единственно возможно посредством обладания собственной электростанцией. Таким преимуществом обладал, к примеру, Богословский алюминиевый завод (БАЗ), располагавший собственной ТЭЦ. При этом, БАЗу на протяжении всей второй половины 1940-х гг. приходилось подвергаться нападкам Свердловского обкома, покушавшегося на изъятие ТЭЦ БАЗа из собственности Министерства цветной металлургии, а,

³⁶³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д. 163. Л. 51

следовательно, и завода, и добывавшегося снабжения БАЗа электроэнергией с собственной электростанции не только на общих основаниях, но даже во вторую и третью очередь.

Так, в докладной записке в Совет Министров «Об усилении добычи Угля в Свердловской области», от 30 июня 1947 г. секретарь Свердловского обкома В.И. Недосекин указывал, что основным источником питания угольной промышленности области электроэнергией является ТЭЦ БАЗа Минцветмета. БАЗ же, в связи с ростом работ на собственном предприятии, установил лимит для угольных разрезов треста Вахрушевуголь в 4 *MВт* при потребности 12 *MВт*. Недосекин требовал запретить Министерству цветной металлургии выключение и ограничение потребления электроэнергии угольным разрезам и «в случае необходимости ограничивать в первую очередь алюминиевый завод»³⁶⁴. 24 октября Недосекин обратился к А.А. Жданову, с помощью которого пытался добиться не только запрета для Минцветмета и БАЗа практиковать первоочередное отключение угольных разрезов трестов Вахрушевуголь и Волчанскуголь, но и передачи ТЭЦ БАЗа Минцветмета и всех ЛЭП, отходящих от нее в ведение Минэлектростанций СССР, с тем, чтобы уже в 1-ом квартале 1948 г. организовать единое Управление энергетикой северных районов Свердловской области, объединяющих электростанции Североуральских бокситовых рудников, Серовского металлургического завода, ТЭЦ БАЗа и ВЭС БАЗстроя³⁶⁵. С аналогичными просьбами В.И. Недосекин обращался и в адрес Л.П. Берии³⁶⁶.

Обращение к последнему адресату выглядит своеобразно, поскольку в это же время БАЗ занимался проведением специальных работ (производством тяжелой воды) в рамках Атомного проекта, испытывая при этом острую нехватку электроэнергии. 18 февраля 1949 г., на заседании Спецкомитета при Совмине СССР, при личном участии Л.П. Берии, было принято решение о консервации 75% мощности цеха «Г» Богословского

³⁶⁴ ЦДООСО Ф. 4. Оп. 43. Д. 163. Л. 7–13.

³⁶⁵ Там же Л. 29.

³⁶⁶ Там же Л. 33–37.

алюминиевого завода из-за дефицита электроэнергии в системе Уралэнерго и Богословской энергосистеме³⁶⁷.

Описанные события, связанные с ТЭЦ БАЗа, интересны тем, что они говорят, во-первых, о высоком уровне секретности специальных работ даже второстепенного характера и недоступности информации о них даже для первого секретаря обкома (знай Недосекин, чем вызван перерасход энергии на БАЗе, едва ли он посчитал возможным обращаться с подобными просьбами к главе Спецкомитета). Во-вторых, о катастрофической нехватке электроэнергии на Урале в конце 1940-х гг., лимитировавшей работу не только обычных промышленных предприятий, но и работы, проводимые в рамках Атомного проекта. В-третьих, о стремлении обкома к сглаживанию межведомственных диспропорций – в описанном случае она выразилась в попытке Недосекина изъять «лишнюю» энергию у БАЗа и передать ее угольной промышленности области, параллельно наладив единую систему управления энергетическими системами на севере области. Кроме того, любопытно, что БАЗ, испытывая нехватку электроэнергии, не отключил, прикрывшись необходимостью специальных работ, от нее угольные разрезы полностью, а только понизил отпускаемые им лимиты. Это показывает, что даже поставленные в исключительные условия предприятия Атомного проекта предпочитали по мере сил считаться с местными народнохозяйственными потребностями.

В течение IV, и особенно V пятилеток энергодефицит на Урале постепенно был преодолен за счет ввода в строй новых электростанций высокой мощности. В 1947 г. была введена в строй Березниковская ТЭЦ-2, в 1948 г. состоялся пуск Широковской ГЭС мощностью 28 *MВт*, в 1949 г. была пущена Верхотурская ГЭС мощностью 7 *MВт*, в 1950 г., наконец-то, дала ток Нижнетуринская ГРЭС, питавшая атомные объекты в г. Лесной. В 1951 г. начато строительство Верхнетагильской ГРЭС; первый ее турбогенератор

³⁶⁷ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Кн. 1. М.; Саров, 2000. С. 339.

мощностью 100 *MВт* был пущен в 1956 г.³⁶⁸ Эта электростанция также предназначалась для нужд Атомного проекта. Упомянувшийся выше ветеран уральской энергетики Ю.В. Иванов вспоминал: «В 1951 г. Правительство приняло решение о строительстве Верхне-Тагильской ГРЭС, [...] что определялось необходимостью снабжения электроэнергией расположенного недалеко, рядом с поселком Верх-Нейвинским “Электро-химического комбината”, так называемого “Свердловск-44”. Комбинат занимался разделением урана на изотопы 235 и 238 с концентрацией первого, необходимого для создания атомного оружия и топлива (ТВЭЛов) для атомных электростанций. Это один из самых крупных подобных комбинатов во всем мире»³⁶⁹. В 1951 г. была пущена Южноуральская ГРЭС, в 1953 г. – Березняковская ТЭЦ-10. В 1954 г. вошли в строй Камская ГЭС и Аргаяшская ТЭЦ³⁷⁰. Последняя, по данным ЦРУ США, также снабжала атомные объекты в Кыштыме³⁷¹.

Интересно, что рост энергетических мощностей Урала проходил в условиях спада здесь производства валовой промышленной продукции в IV пятилетке, а в V он несколько опережал промышленное развитие Урала (См. *Таблицу 33*).

Таблица 33

Рост производства электроэнергии и валовой промышленной продукции на Урале в 1940–1945 гг. (к 1940 г. %)

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
Электроэнергия	100	198	297	526
Валовая промышленная продукция	100	302	292	515

Расчеты автора по: Народное хозяйство СССР... С. 71; Жимерин Д.Г. Указ. соч. С. 82; Народное хозяйство РСФСР ... С. 29; Планирование размещения производительных сил СССР ... Ч. 1. С. 214.

Приведенные в таблице данные могут служить основанием для предположений, что этот отчетливо выраженный опережающий рост

³⁶⁸ Эпохи уходят ... С. 9–22.

³⁶⁹ АМЭУ. Иванов Ю.В. Указ. соч. С. 125–126.

³⁷⁰ Эпохи уходят ... С. 9–22.

³⁷¹ Лёвенгаупт Г.С. Указ. соч. С. 520.

энергетических мощностей Урала против местной промышленности был необходим для реализации задач Атомного проекта. В пользу этого говорит и значительный рост удельного веса произведенной на Урале электроэнергии на фоне общесоюзного производства (См. Таблицу 34)

Таблица 34

Количество производимой на Урале электроэнергии и ее доля в общесоюзном производстве в 1940–1955 гг.

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.
млрд. кВт-ч	6,2	12,3	18,4	32,6
% от производства по СССР	12,8	28,3	20,1	35,7

Расчеты автора по: Народное хозяйство СССР ... С. 71; Жимерин Д.Г. Указ. соч. С. 82; Народное хозяйство РСФСР ... С.29.

Не менее интересны, опубликованные Госэнергоиздатом в 1958 г. данные о росте потребления электроэнергии основными отраслями народного хозяйства Урала в 1950 и 1956 гг. по отношению к 1945 г. (См. Таблицу 35).

Таблица 35

Потребление электроэнергии основными отраслями народного хозяйства Урала в 1950 и 1956 гг. по отношению к 1945 г.

Наименование отраслей	1950 г.	1956 г.
	% к 1945 г.	% к 1945 г.
Черная металлургия	136	233
Угольная промышленность	176	282
Транспортное машиностроение	138	172
Промышленность стройматериалов	160	293
Бумажная и деревообрабатывающая промышленность	248	347
Тяжелое машиностроение	117	153
Автомобильная промышленность	137	238
Ж.-Д. транспорт	247	655
Сельское хозяйство	164	378
Бытовые нужды	184	327
Прочие отрасли	211	832

Источник: Энергетика Урала за 40 лет ... С. 23.

Здесь обращают на себя внимание загадочные «Прочие отрасли»

народного хозяйства, демонстрирующие самый высокий рост энергопотребления (832% к 1945 г.) и оставившие далеко позади все традиционные энергоемкие производства, наподобие черной металлургии, железнодорожного транспорта, машиностроения и т.д.

Аналогично выглядит ситуация с потреблением электроэнергии отдельными отраслями уральской промышленности в 1956 г. (См. Таблицу 36)

Таблица 36

Потреблением электроэнергии отдельными отраслями уральской промышленности в 1956 г.

Отрасли промышленности	Потребление %
Черная металлургия	23,1
Угольная промышленность	5,1
Транспортное машиностроение	3,4
Целлюлозно-бумажная промышленность	2,25
Промышленность стройматериалов	2,12
Тяжелое машиностроение	0,85
Автомобильная промышленность	0,73
Ж.-Д. транспорт	4,5
Сельское хозяйство	0,34
Бытовые нужды	2,49
Прочие отрасли	53,12
Всего	100

Источник: Энергетика Урала за 40 лет ... С. 23.

Здесь «прочие отрасли» отвлекли на себя уже большую часть (53%) электроэнергии. Нам кажется обоснованным предполагать, что под «прочими отраслями» скрываются объекты атомной промышленности, отвлекавшие на себя большую часть мощностей энергетики Урала. В пользу этого также говорит график роста годового числа часов использования установленной мощности электростанций Уральской энергетической системы (*Приложение 12*). На нем видно, что пик наиболее активного использования мощностей системы Уралэнерго приходится на 1949–1950 гг. – время разгара работ по Атомному проекту. Схожую картину рисует и сравнительный график

использования установленных мощностей Главуралэнерго и всех электростанций МЭС СССР (*Приложение 13*), из которого видно, что в тот же период 1949–1950 гг. использование мощностей Главуралэнерго достигло максимального уровня в сравнении с общесоюзными показателями.

Таким образом, рассмотренный нами материал позволяет заключить, что Атомный проект, оказавшись единственным крупномасштабным хозяйственно-экономическим мероприятием, предпринятым советским правительством в позднесталинский период, оказал серьезное воздействие на экономическое развитие региона. Это воздействие выразилось, во-первых, в оттоке высококвалифицированных инженерно-технических кадров из уральского машиностроения в атомную отрасль, что привело к отставанию высокотехнологичных машиностроительных отраслей региона от металлургических отраслей. Образовавшийся межведомственный перекося продолжался вплоть до середины 1950-х гг.

Во-вторых, Атомный проект, требуя огромных энергетических мощностей, оказал двойное влияние на развитие энергетической отрасли в регионе. С одной стороны, потребности Атомного проекта вынудили правительство организовать в послевоенное время масштабное энергетическое строительство на Урале, что, безусловно, шло на пользу его экономике. С другой, атомные производства на Урале, потребляя большое количество энергии для собственных нужд, лимитировали ее отпуск другим предприятиям региона. Это тормозило развитие уже существующих отраслей индустрии на Урале и мешало организации здесь новых предприятий, например, легкой промышленности. Кроме того, сложившаяся ситуация тормозила электрификацию сельского хозяйства Урала – ограничения на присоединения сельских потребителей к Уралэнерго были сняты только в 1953 г.³⁷²

Кроме того, Атомный проект констатировал существование проблем отраслевого управления советской экономикой. Выше было показано, что

³⁷² Эпохи уходят ... С. 19.

даже специально созданные «надведомственные» органы управления (ПГУ), обладавшие исключительными полномочиями, не всегда могли добиться успешного исполнения работ по Атомному проекту на периферии.

Тем не менее, надлежит учесть, что во многом именно в связи с Атомным проектом продолжалось и дальнейшее индустриальное освоение восточных регионов СССР. Комбинаты по производству делящихся материалов будут строиться в Западной и Восточной Сибири; предприятия по добыче и переработке урановых руд возникнут в Средней Азии. Проектируются мощные электростанции с целью выработки электроэнергии для ядерной промышленности, в том числе за счет освоения гидроресурсов Ангары³⁷³. Все вышеизложенное будет иметь долгосрочные последствия для развития экономики Уральского региона.

³⁷³ См.: Артёмов Е.Т. Восточное направление ... С. 27.

Глава 3

Основные направления и результаты реализации региональной политики на Урале в послевоенные годы

3.1. Структурные изменения и экономические показатели развития Урала за время IV–V пятилеток

В годы IV пятилетки удельный вес восточных районов, в которые, кроме Урала, входили Сибирь, Дальний Восток и Средняя Азия, в общем объеме валовой промышленной продукции Советского Союза увеличился с 15,7% в 1940 г. до 24,2% в 1950 г.³⁷⁴ По сравнению с 1945 г. он, впрочем, сократился. Ведь после войны доля одного только Урала в валовой промышленной продукции государства составляла 21,9%³⁷⁵.

Тем не менее, сравнение с 1940 г. выглядит более объективным, т.к. стремительный рост удельного веса восточных районов к 1945 г. был в первую очередь вызван обстоятельствами войны, и с восстановлением экономики бывших оккупированных территорий некоторое падение удельного веса Востока было вполне ожидаемо.

Соответственно, в 1940–1950 гг. снижался удельный вес западных районов в промышленной продукции страны. Доля Центрального района снизилась с 38% в 1940 г. до 34,0% в 1950 г., районов Юга – с 18,2 до 12,3%, Северо-Запада – с 11,7 до 8,6%.

По производству отдельных видов сырья и промышленных полуфабрикатов удельный вес восточных районов в 1950 г. по сравнению с 1940 г. также значительно повысился. Так, по производству чугуна эта доля увеличилась с 28,5 до 47,8%, проката – с 32,1 до 52,2%, добыче угля – с 35,8 до 47,0%, нефти – с 11,5 до 30,3%, выработке электроэнергии – с 22,1 до 37,8%, вывозке деловой древесины – с 38,7 до 40%³⁷⁶.

³⁷⁴ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.1.

³⁷⁵ Там же. Ф. р5446. Оп. 48а. Д.2698. Л. 169, 217,216.

³⁷⁶ Там же. Ф. 4372 сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.2.

Тем не менее, как справедливо отмечал Н.А. Вознесенский в 1948 г., для понимания степени эффективности выполнения плана недопустимо: «“увлечение” показателем выполнения плана по валовой продукции и забвение того, что план считается выполненным только в том случае, если он выполнен по заданному ассортименту и качеству»³⁷⁷. В этом плане пятилетний план был не выполнен по части строительства многих новых предприятий – в основном в районах Востока и на отдаленных территориях западных районов.

Так, в области черной металлургии был не выполнен план строительства Закавказского, Казахского, Череповецкого металлургических заводов и завода «Амурсталь» (г. Комсомольск-на-Амуре). Не были введены в действие производственные мощности по добыче железной руды в районах Курской аномалии и Горной Шории (Западная Сибирь).

Средняя дальность перевозок черных металлов увеличилась с 966 км в 1940 г. до 1217 км в 1950 г. В 1950 г. в значительных объемах производился завоз руды из Кривого Рога в Центр и из районов Урала – в Западную Сибирь.

В области химической промышленности не был выполнен план строительства суперфосфатных заводов в районах Средней Азии и Казахстана. В результате завоз минеральных удобрений в районы Средней Азии и Казахстана в 1950 г., главным образом из районов Центра и Урала, увеличился до 520 тыс. т против 469 тыс. т в 1940 г.

Что касается цветной металлургии, то здесь, к 1950 г., не было выполнено строительство первой очереди меднорудного комбината и нового свинцового завода в Казахской ССР.

Работники текстильной промышленности не выполнили, планировавшиеся пятилеткой, строительство новых предприятий в Западной и Восточной Сибири, республиках Средней Азии и Казахстана³⁷⁸.

³⁷⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 24. Д. 126. Л.26.

³⁷⁸ Там же. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.2.

Для собственно уральских регионов за годы IV пятилетки было характерно небольшое – на 4,3% – падение объема валовой промышленной продукции. Отметим, что Урал стал единственным экономическим районом СССР, продемонстрировавшим в IV пятилетке отрицательную динамику экономического роста (*См. Приложение 14*).

Тем не менее, в сравнении с 1940 г., в 1950 г. валовая продукция промышленности здесь выросла с 9,2 млрд. до 26,9 млрд. рублей в 1950 году, или в 2,9 раз, при росте в целом по СССР в 1,7 раз. Удельный вес районов Урала в валовой продукции промышленности Союза вырос с 6,6 до 11,2%³⁷⁹. Объем капиталовложений, осуществленных в 1946–1950 гг. в районы Урала, составил 38,0 млрд. рублей, или 10,4% всех капиталовложений по стране³⁸⁰.

При этом четко обозначились некоторые диспропорции в развитии народного хозяйства Урала. В первую очередь это был усиленный энергодефицит, а именно отставание электротехнической и топливной (уголь) базы от развития промышленности, что явилось основной диспропорцией в развитии хозяйства районов Урала (*См. Параграфы 2.1 и 3.2 настоящей работы*).

За годы войны и послевоенной пятилетки значительно выросло значение Урала в производстве металла в СССР. Производство чугуна увеличилось с 2,7 млн. *t* в 1940 г. до 7,2 млн. *t* в 1950 г., или в 2,7 раза (в 1945 г. 5,1 млн. *t*); стали – с 3,9 млн. *t* в 1940 г. до 10,7 млн. *t* в 1950 г., или в 2,7 раза (в 1945 г. 6,4 млн. *t*); проката – с 2,8 млн. *t* до 7,7 млн. *t*, или в 2,7 раза в (1945 г. 6,5 млн. *t*).

Удельный вес районов Урала в производстве чугуна вырос с 18,2% в 1940 г. до 39,3% в 1950 г., проката – с 21,6% до 37,3%, соответственно³⁸¹.

Однако, ввод в действие *мощностей* по черной металлургии, в особенности мощностей по производству чугуна, резко отставал от заданий пятилетнего плана. За 1946–1950 гг. была введена в действие лишь одна

³⁷⁹ РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.2.

³⁸⁰ Очевидно, вследствие Атомного проекта, см. *Параграф 2.3.* наст. работы.

³⁸¹ РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.2.

доменная печь мощностью 70 тыс. *t* на Алапаевском металлургическом заводе, вместо 6 доменных печей мощностью 2070 тыс. *t* по плану. В то же время ввод в действие мощностей по выплавке стали осуществлялся более успешно и составил 955 тыс. *t*. Вследствие этого перевозки чугуна с Юга на Урал возросли с 62 тыс. *t* в 1940 г. до 343 тыс. *t* в 1950 г., а перевозки слитков в обратном направлении увеличились с 4 тыс. *t* в 1940 г. до 279 тыс. *t* в 1950 г.³⁸²

В целях устранения указанного несоответствия в проекте V пятилетнего плана на 1951–1955 гг. на Урале предусматривался опережающий ввод в действие мощностей по производству чугуна в сравнении с вводом мощностей по стали. Так, намечалось ввести в действие доменные печи на Магнитогорском металлургическом комбинате, Ново-Тагильском, Орско-Халиловском и Челябинском металлургических заводах, всего 7 печей общей мощностью 3663 тыс. *t*, мощностей по производству стали в размере 2360 тыс. *t* и проката 4975 тыс. *t*. Более значительный ввод в действие мощностей по чугуну, в сравнении с вводом в действие мощностей по стали, должен был к 1955 г. улучшить в районах Урала соотношение между этими видами металла. Если в 1950 г. в районах Урала соотношение между чугуном и сталью составляло 0,57, то к 1955 г. планировалось сбалансировать его до 0,72, что, нужно сказать, было с успехом выполнено³⁸³. Также предполагалось снабжение металлургией Урала районов Поволжья и Центра товарным чугуном.

К концу IV пятилетки на Урале довольно остро стояла проблема правильной специализации прокатных станков. В 1950 г. перевозки прокатной продукции из Донбасса и Приднестровья на Урал, в Западную Сибирь, на Дальний Восток составили 260 тыс. *t*, а обратно – 1061 тыс. *t*. Перевозки проката из Сибири на Урал составляли 547 тыс. *t*³⁸⁴.

³⁸² РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.21.

³⁸³ Народное хозяйство РСФСР... С. 28.

³⁸⁴ РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.21.

В связи с недостаточным производством кокса в 1950 г. на Урал было завезено его из районов Западной Сибири 1090 тыс. *t* и из районов Юга – 326 тыс. *t*. Поэтому V пятилетний план предусмотрел более быстрый рост производства кокса по сравнению с чугуном. Выжиг кокса предполагалось увеличить с 8,4 млн. *t* в 1950 г. до 14,1 млн. *t* в 1955 г., или на 71,4%. Для обеспечения такого уровня производства кокса намечался ввод в действие коксовых батарей на металлургических заводах на общую мощность 5,1 млн. *t*³⁸⁵. Однако, в V пятилетке эти планы не были выполнены. В 1955 г. производство кокса на Урале удалось довести лишь до 12,9 млн. *t*³⁸⁶.

Производство черновой меди в районах Урала в 1950 г. увеличилось до 82 тыс. *t* против 52,3 тыс. *t* в 1945 г. Тем не менее, планировавшийся на 1950 г. уровень производства в 97 тыс. *t* достигнут не был³⁸⁷. При этом Кировградский, Среднеуральский и частично Красноуральский медеобработывающие заводы не обеспечивались собственной сырьевой базой, что привело к завозу медной руды из Джезказгана (Казахская ССР) и Сибая (Башкирская АССР). Так, в 1952 г. завоз медной руды на заводы Среднего Урала из Джезказгана, в прогнозах марта 1952 г., должен был составить 370 тыс. *t*, еще 1200 тыс. *t* планировалось завезти из Сибая. Кировоградский медеобработывающий завод в 1955 г., по расчетам 1952 г., должен был обеспечиваться собственным сырьем лишь на 30%. Снабжение этого завода сырьем намечалось из Восточного Казахстана. А потому 4 марта 1952 г. Сводное управление территориального планирования и размещения предприятий Госплана предлагало рассмотреть вопрос о возможности уменьшения программы производства черновой меди в районах Урала за счет ускорения ввода в действие мощностей на Джезказганском и Николаевском заводах Казахской ССР³⁸⁸. Аналогичным образом предлагалось поступить в отношении рафинированной меди. В 1955 г. в районах Урала V пятилеткой намечается производство рафинированной меди

³⁸⁵ РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.22.

³⁸⁶ Промышленность СССР... С.117.

³⁸⁷ ГАРФ. Ф. р5446. Оп. 48а. Д.2698. Л. 169; РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.22.

³⁸⁸ РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.22.

в размере 212 тыс. *t* при производстве черновой меди 142 тыс. *t*, следовательно, предусматривался завоз на Урал меди для рафинирования в объеме примерно 60 тыс. *t* из Казахстана. Предлагалось рассмотреть вопрос об уменьшении плана производства рафинированной меди на Урале за счет ввода в действие мощностей по рафинированию в Казахстане³⁸⁹.

Производство цинка на Челябинском цинковом заводе в V пятилетке предполагалось увеличить с 40 тыс. *t* в 1950 г. до 62 тыс. *t* в 1955 г., или в 1,5 раза. Основной сырьевой базой этого завода также являлись районы Средней Азии и Казахстана, откуда требовалось завозить до 100 тыс. *t* цинковых концентратов. Потребность электроэнергии в 1955 г. для производства такого количества цинка должно было составить 260 млн. *кВт-ч*. В связи с этим в V пятилетке предлагалось рассмотреть вопрос об уменьшении плана по производству цинка в районах Урала за счет увеличения его для районов Средней Азии и Казахстана³⁹⁰.

В области химической промышленности в районах Урала по проекту в V пятилетнего плана предусматривалось особенно большое развитие производства каустической соды (с 73 тыс. *t* в 1950 году до 139 тыс. *t* в 1955 г., или на 90,3%) и кальцинированной соды (с 126 тыс. *t* до 548 тыс. *t*, или в 4,3 раза) в связи с вводом в действие крупнейшего Стерлитамакского и Ново-Березниковского содовых заводов. Производство серной кислоты с 576 тыс. *t* должно было увеличиться до 1093 тыс. *t*, или на 80,3%, а калийных удобрений – с 640 тыс. *t* до 1072 тыс. *t*, или на 67,3%. Вводилась в действие 1-я очередь Березняковского калийного комбината на 380 тыс. *t* хлористого калия³⁹¹.

Для использования газов нефтеперерабатывающих заводов в течение 1951–1955 гг. намечалось строительство и ввод в действие Уфимского и Орского заводов синтетического спирта на общую мощность 15 млн. декалитров. Должен был быть введен в действие Стерлитамакский завод

³⁸⁹ РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.22.

³⁹⁰ Там же. Л. 23.

³⁹¹ Там же.

синтетического каучука мощностью на 50 тыс. *t*, а также Березняковский анилино-красочный завод³⁹².

Дальнейшее развитие в V пятилетке должно было получить машиностроение. Производство металлургического оборудования предполагалось увеличить с 43,6 тыс. *t* в 1950 г. до 88 тыс. *t* в 1955 г., или в 2 раза, что должно было составить в 1955 г. около 40% от общесоюзного производства³⁹³.

Производство проката в 1955 г. по сравнению с 1950 годом должно было возрасти на 36,6%, а потребление – лишь на 19,7%. Удельный вес проката потребляемого внутри района, таким образом, предполагалось уменьшить с 58% в 1950 г. до 48,5% в 1955 г. Таким образом, в районах Урала образовывались значительные ресурсы проката, которые, по мнению Госплана, следовало использовать для снабжения других районов³⁹⁴. При этом намеченный план по увеличению производимого на Урале проката был перевыполнен почти вдвое, его производство выросло на 61%³⁹⁵, что усиливало роль Урала в общесоюзной экономике как поставщика металлургического сырья.

На развитие хозяйства районов Урала V пятилетка выделяла 70 млрд. рублей, или 10% всех капиталовложений по СССР, то есть финансирование региона оставалось на прежнем, довольно значительном уровне³⁹⁶.

Приведенные итоги позволяют заключить, что на рубеже IV–V пятилеток в промышленном развитии Урала отчетливо наметились определенные тенденции, которые выразились в следующем.

Во-первых, обнаружился рост энергодефицита в регионе, что привело к правительственному ограничению на строительство на Урале новых энергоемких предприятий, сформулированному Постановлением Совмина

³⁹² РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.23.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же

³⁹⁵ Промышленность СССР ... С.114.

³⁹⁶ РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.23.

№1869-729 от 2 ноября 1948 г.³⁹⁷ Это, безусловно, ограничивало промышленное развитие региона в долгосрочной перспективе, в особенности в части создания здесь в будущем новых высокотехнологичных производств (*Подробнее см. Параграф 2.3. настоящей работы*).

Во-вторых, выявилось истощение рудной базы Урала, особенно в части добычи руд цветных металлов. Это приводило к замене уральских руд рудами из месторождений Казахстана и Средней Азии, что означало смещение вектора межрегиональных экономических связей Уральского экономического района в южном направлении, в сторону более тесного взаимодействия с этими республиками.

В-третьих, несмотря на декларируемое развитие машиностроения на Урале, фактически развитие машиностроительных производств здесь сдерживали как упоминавшееся выше постановление Совмина №1869-729, так и принятое еще накануне войны «Решение XVIII съезда ВКП(б) и постановление правительства о запрещении строительства и расширении действующих предприятий в городах Москве, Ленинграде, Горьком, Свердловске, Ростове на Дону, Киеве и Харькове»³⁹⁸. Более того, 4 марта 1952 г. «Докладная записка Сводного управления территориального планирования и размещения предприятий руководству Госплана СССР [Сабурову] о размещении производства промышленной продукции и строительства в новой пятилетке на 1951–1955 гг.» зафиксировала в качестве прямого нарушения правительственных указаний ряд мероприятий по развитию машиностроения в городе Свердловске, в частности, начало строительства здесь завода горношахтного оборудования и фабрики технических тканей, а также осуществление в крупных размерах расширения действующих машиностроительных предприятий³⁹⁹.

Такие действия правительства не только не способствовали развитию на Урале машиностроения, но и, наоборот, привели к падению удельного

³⁹⁷ РГАЭ. сч. Оп. 98 сч. Д. 464. Л.21.

³⁹⁸ Там же. Л.17

³⁹⁹ Там же.

веса этой отрасли в общем объеме промышленного производства Свердловской области (См. Таблицу 37).

Таблица 37

**Динамика структуры отраслей промышленности Урала в V пятилетке
в 1950–1955 гг. (%)**

Отрасль промышленности	1950 г.	1955 г.
Черная металлургия	19,4	23,7
Цветная металлургия	11,2	11,2
Машиностроение и металлообработка	27,7	21,3
Электроэнергетика	6,9	10,3
Топливная	9,8	12,4
Химическая	4,5	5,1
Производство стройматериалов	3,5	4,5
Лесная, деревообрабатывающая и бумажная	7,5	7,3
Лёгкая	0,8	0,8
Пищевая	2,6	2,5
Другие отрасли	4,6	0,9
Всего:	100	100

Источник: История народного хозяйства Урала ... Ч.2. С. 24.

Из таблицы видно, что в V пятилетке доля машиностроения в промышленной структуре Свердловской области сократилась на 6%. Причем, это происходило в основном в пользу черной металлургии и топливной промышленности. Такое положение вещей наблюдалось уже в годы IV пятилетки. Так, темпы роста производства на крупнейшем машиностроительном заводе Урала – УЗТМ – уже тогда более чем в 5 раз отставали от показателей по всему Министерству тяжелого машиностроения (См. Приложение 15).

В ходе V пятилетки для экономики Урала и близлежащих районов Сибири имели место негативные последствия политики отраслевого управления в части невыполнения планов по рациональному размещению производительных сил.

Так, для Министерства черной металлургии пятилеткой предусматривалось прекращение дальних перевозок колес для подвижного

состава железных дорог из районов Юга в восточные районы. Для этого на Ново-Тагильском металлургическом заводе предусматривалось продолжение строительства колесопрокатного цеха с объемом капитальных работ на 1954 год в размере 82 млн. рублей. Ввод его в действие намечался в августе 1954 г. За 10 первых месяцев 1954 г. объем выполненных капитальных работ по этому цеху составил только 36,3 млн. рублей, или 44% к годовому плану. Таким образом, ввод в действие нового цеха не был осуществлен, и перевозки колес из районов Юга в восточные районы страны продолжились⁴⁰⁰.

Другим мероприятием, направленным на улучшение географического размещения металлургической промышленности Урала и Сибири, являлось строительство Карагандинского металлургического завода на базе местных руд и угля. К 1954 г. строительство названного завода длилось уже 6 лет. За это время Минчерметом было освоено 64 млн. рублей. При этом только по плану на 1954 г. были предусмотрены капитальные работы по строительству Карагандинского завода в объеме 47 млн. рублей, в то время как за первые 10 месяцев 1954 г. выполнение капитальных работ составило всего 28,5 млн. рублей, или 62,7% к годовому плану⁴⁰¹.

Для сокращения перевозок железной руды с Урала на Кузнецкий металлургический комбинат и криворожской руды в районы Центра по плану на 1954 г. предусмотрено увеличение добычи железной руды в районах Западной Сибири до 8200 тыс. *t* и в районах Центра до 1678 тыс. *t*. Однако, за 9 месяцев 1954 г. годовой план добычи руды в районах Западной Сибири был выполнен на 77%, а в районах Центра – на 71,5%⁴⁰².

Министерством не выполнялся план капитальных работ по строительству Абаканского рудника, ввод в действие которого должен был обеспечить сокращение завоза железной руды на Кузнецкий металлургический комбинат. За 10 месяцев 1954 г. объем капитальных работ

⁴⁰⁰ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 11 сч. Д. 1501. Л. 1.

⁴⁰¹ Там же. Л.2

⁴⁰² Там же.

по названному руднику был выполнен в размере 25 млн. руб., или 50% годового плана. Систематическое отставание в выполнении плана строительства указанного рудника повлекло за собой увеличение срока ввода в действие рудника, в связи с чем, на Кузнецкий металлургический комбинат пришлось продолжить завоз начавшейся истощаться там железной руды с Урала⁴⁰³.

Министерство цветной металлургии СССР не выполняло план по развитию сырьевой базы медной промышленности на Урале и в Казахстане. Так, за 10 месяцев 1954 г. капитальные работы по Дегтярскому рудоуправлению были выполнены в размере 27,6 млн. руб. против 35 млн. руб. по годовому плану, более того, по строительству Учалинского медного комбината было освоено только 1,3 млн. руб. против запланированных 11,5 млн. руб., Кабанского рудника – 5,6 млн. руб. против 18,5 млн. руб., Джезказганского рудоуправления – 61 млн. руб. против 116 млн. руб.⁴⁰⁴ Отставание подготовки меднорудной базы сдерживало не только развитие медной промышленности на Урале, но и поддержание ее на прежнем уровне.

С целью более полного понимания различных аспектов промышленного развития Урала рассмотрим статистические данные промышленного развития его отдельных, наиболее развитых индустриальных областей, а именно, Молотовской, Свердловской и Челябинской.

Ранее отмечалось, что наиболее острой проблемой развития Урала являлся серьезный дефицит электроэнергии. Данные по производству электроэнергии в трех рассматриваемых областях показывают, что, несмотря на значительное увеличение ее выработки (См. *Таблицу 38*), территориальное размещение новых электрических станций осуществлялось довольно нерационально. Еще в 1945 г. Конференция по изучению производительных сил Молотовской области отмечала, что Молотовская область, обладая 44%

⁴⁰³ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 11 сч. Д. 1501. Л. 2–3.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 3.

гидроэнергетических ресурсов Урала, должна стать энергетической базой региона⁴⁰⁵. Однако, производство электроэнергии продолжало концентрироваться в Свердловской области, чья доля в общем энергопроизводстве трех областей устойчиво держалась на уровне 46–47% в послевоенный период.

Таблица 38

**Производство электроэнергии в
Молотовской, Свердловской, Челябинской областях
в 1940–1955 гг.**

	Молотовская область		Свердловская область		Челябинская область	
	млн. кВт-ч	%	млн. кВт-ч	%	млн. кВт-ч	%
1940 г.	1380	100	2242	100	1848	100
1945 г.	1969	143	5156	230	4025	218
1950 г.	3835	279	6806	304	5402	292
1955 г.	5120	372	13000	580	9859	533

Расчеты автора по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 188. Л. 15; Оп. 54. Д. 158. Л. 85; Оп. 43. Л. 1; Тиунов В.Ф. Энергетика Западного Урала ... С. 16, 20; Народное хозяйство Челябинской области ... С. 35.

Такое положение вещей, очевидно, было вызвано, с одной стороны, ростом энергоемких производств в Свердловской области (*См. Параграф 2.3. наст. работы*) и трудностями межобластного кооперирования, с другой. Область, испытывавшая наибольший энергодефицит, самостоятельно добивалась от МЭС строительства новых электростанций в собственном регионе. В пользу этого говорит и тот факт, что темпы роста производства электроэнергии здесь примерно совпадали с темпами роста валовой продукции промышленности (*См. Таблицу 39*).

Из таблицы видно, что с 1945 г. наибольший рост наблюдался в Свердловской области, хотя в сравнении с 1940 г. лидировала Челябинская область.

⁴⁰⁵ Веденеев Б.Е. Молотовская область – энергетическая база Урала // Народнохозяйственные проблемы Молотовской области ... Т. 1. С. 256.

**Рост валовой продукции всей промышленности Молотовской,
Свердловской и Челябинской областей в 1940–1955 гг.
(% к 1940 г.)**

	Молотовская область	Свердловская область	Челябинская область
1940 г.	100	100	100
1945 г.	201	201	370
1950 г.	200	337	330
1955 г.	339	565	570

Источник: Народное хозяйство Молотовской области ... С. 24; Народное хозяйство Свердловской области ... С. 17; Народное хозяйство Челябинской области ... С. 33.

Производство угля было обусловлено природно-географическим фактором гораздо в большей степени, чем производство электроэнергии, и здесь, предсказуемо, долгое время лидировала Челябинская область (См. *Таблицу 40*)

Таблица 40

**Добыча угля на территориях Молотовской, Свердловской и
Челябинской областей в 1940–1955 гг.**

	Молотовская область		Свердловская область		Челябинская область	
	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%
1940 г.	4589	100	1591	100	5676	100
1945 г.	7756	169	6219	391	11548	203
1950 г.	10176	222	9825	617	12387	218
1955	11047	241	16408	1031	17740	312

Источник: Народное хозяйство Молотовской области ... С. 29; Народное хозяйство Свердловской области ... С. 28; Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска. Статистический сборник. Челябинск, 1957. С. 41.

Резкое увеличение добычи угля в Свердловской области следует объяснять не столько увеличением разведанных запасов, сколько всё тем же энергодефицитом, при котором добыча низкокачественных бурых

энергетических углей становилась сравнительно эффективной с народнохозяйственной точки зрения.

В силу опять же природно-географического фактора, в вывозе деловой древесины с Урала стабильно лидировала Молотовская область (См. Таблицу 41).

Таблица 41

**Вывоз деловой древесины
с территорий Молотовской, Свердловской, Челябинской областей
в 1940–1955 гг.**

	Молотовская область		Свердловская область		Челябинская область	
	тыс. пл. м. куб.	%	тыс. пл. м. куб.	%	тыс. пл. м. куб.	%
1940 г.	5305	100	8235	100	711	100
1945 г.	4063	77	4679	57	н.д.	н.д.
1950 г.	9404	177	10323	125	1403	197
1955	14521	274	14051	171	1908	268

Расчеты автора по: Народное хозяйство Молотовской области ... С. 30. Народное хозяйство Свердловской области ... С. 30. Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска ... С. 13. Кирин Ф.Я. Хозяйство Челябинской области. Челябинск, 1978. С. 84.

По причине концентрации основной части железных руд Урала на территории Челябинской и Свердловской областей (добыча железной руды в Молотовской области была прекращена еще до войны). Челябинская область являлась лидером (около 60%) в производстве основных видов металлургической продукции.

Так обстояло по выплавке чугуна, где доля Челябинской области, в соотношении с уровнем производства двух других областей, стабильно колебалась в диапазоне от 64 до 66%. При этом $\frac{1}{4}$ выплавки приходилась на Свердловскую область. Доля же Молотовской области, пользовавшейся привозными рудами, равнялась 11% (См. Таблицу 42).

Выплавка чугуна на территориях Молотовской, Свердловской и Челябинской областей в 1940–1955 гг.

	Молотовская область		Свердловская область		Челябинская область	
	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%
1940 г.	297	100	698	100	1800	100
1945 г.	711	239	1646	236	4307	240
1950 г.	1022	344	2432	348	5900	328
1955	1333	448	3721	533	10089	561

Расчеты автора по: ГАРФ. Ф. р5446. Оп. 48а. Д. 2698. Л. 169; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 243. Л. 19; Оп. 44. Д. 157. Л. 5; Оп. 54. Д. 157. Л. 1; Лаврищев А.Н. Роль Молотовской области в народном хозяйстве Урала и СССР // Народнохозяйственные проблемы Молотовской области ... Т. 1. С. 48; Народное хозяйство Свердловской области ... С. 25; Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска ... С. 32; Кирин Ф.Я. Указ. соч. С. 50.

В случае с выплавкой стали доля по-прежнему лидировавшей Челябинской области сократилась с 58 до 48%, примерно сравнявшись в 1955 г. со Свердловской (около 43%), доля же Молотовской области оставалась неизменной в 9% (См. Таблицу 43)

Производство стали на территориях Молотовской, Свердловской и Челябинской областей в 1940–1955 гг.

	Молотовская область		Свердловская область		Челябинская область	
	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%
1940 г.	412	100	1040	100	2052	100
1945 г.	569	159	1765	184	2593	126
1950 г.	970	271	3724	387	4200	205
1955	1244	348	5883	611	6510	317

Расчеты автора по: ГАРФ. Ф. р5446. Оп. 48а. Д.2698. Л. 169; Оп. 43. Д. 243. Л. 19; Оп. 44. Д. 157. Л. 5; Ф. 4. Оп. 54. Д. 157. Л. 1; Лаврищев А.Н. Указ. соч. С. 42; Народное хозяйство Молотовской области ... С. 28; Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска ... С. 25; Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска ... С. 32; Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965. С. 431; Кирин Ф.Я. Указ. соч. С. 52.

В производстве проката положительную тенденцию демонстрировали все три области. В количественном отношении здесь опять же лидировала Челябинская область. Однако ее периодически теснила Свердловская (См. *Таблицу 44*).

Таблица 44

**Производство проката на территориях
Молотовской, Свердловской и Челябинской областей
в 1940–1955 гг.**

	Молотовская область		Свердловская область		Челябинская область	
	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%
1940 г.	382	100	591	100	1697	100
1945 г.	470	123	930	157	2568	151,3
1950 г.	774	203	2260	383	4160	245
1955	1093	286	3661	621	6947	409

Расчеты автора по: ГАРФ. Ф. р5446. Оп. 48а. Д.2698. Л. 169; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 243. Л. 19; Оп. 44. Д. 157. Л. 5; Оп. 54. Д. 157. Л. 1; Кирин Ф.Я. Указ. соч. С. 53; Краткий очерк истории Челябинской области ... С. 431; Лаврищев А.Н. Указ. соч. С. 42; Народное хозяйство Молотовской области ... С. 28; Народное хозяйство Свердловской области ... С. 25; Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска ... С. 32.

Опережающий рост большинства отраслей металлургической промышленности Свердловской области в IV пятилетке, на наш взгляд, можно объяснить аналогичной динамикой роста добычи здесь железной руды (См. *Таблицу 45*).

Таблица 45

Добыча железной руды в Свердловской области в 1940 – 1955 гг.

	тыс. тонн	%
1940 г.	1447,6	100,0
1945 г.	2935,5	202,7
1950 г.	4770,6	329,5
1955 г.	7203,6	497,6

Расчеты автора по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 157. Л. 5; Оп. 52. Д.223. Л. 79; Народное хозяйство Свердловской области ... С. 27.

Объемы которой колебались в районе 200% в 1940–1945 и 1945–1950 гг., впоследствии снизившись до 151 %. Кроме того, такое соотношение в

металлургии трех областей объясняется транспортной инфраструктурой Урала. Выше отмечалось, что, в рассматриваемый период, Уралу приходилось снабжать рудой металлургию Западной Сибири, одновременно имели место случаи завоза на Урал руды из Кривого Рога⁴⁰⁶. Вывоз руды с Урала на восток проще было осуществлять из Челябинской области, в то время как завозить руду на Урал с запада было удобнее в район Свердловска.

В заключение рассмотрим темпы роста отраслей промышленности трех областей в контексте аналогичных показателей для всей территории Уральского экономического района и Советского Союза (См. Таблицу 46).

Таблица 46

**Темпы роста отраслей промышленности на территориях Урала
в IV–V пятилетках (%)**

1955 г. к 1950 г.						
	Валовая продукция	Электроэнергия	Чугун	Сталь	Прокал	Машиностроение
Молотовская обл.	169,5	133,3	130,2	128,4	140,8	148,0
Свердловская обл.	167,6	190,7	153,1	157,8	162,1	179,0
Челябинская обл.	172,7	182,5	171,0	154,5	166,9	176,0
Урал	176,3	177,2	139,5	134,5	137,9	н.д.
СССР всего:	185,0	186,5	142,4	139,6	140,9	220
1950 г. к 1945 г.						
Молотовская обл.	99,5	195,1	143,9	170,4	165,0	90,0
Свердловская обл.	167,8	132,2	147,4	210,3	243,9	н.д.
Челябинская обл.	89,2	133,9	136,6	162,7	161,9	н.д.
Урал	94,1	150,0	128,7	139,4	143,9	н.д.
СССР всего:	188,0	210,6	154,1	155,2	159,4	166

Расчеты автора по: ГАРФ. Ф. р5446. Оп. 48а. Д.2698. Л. 169; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 243. Л. 19; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 157. Л. 5; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 157. Л. 1; Лаврищев А.Н. Указ. соч. С. 48; Народное хозяйство Молотовской области ... С. 24; Народное хозяйство Свердловской области ... С. 17; Народное хозяйство Челябинской области ... С. 33.

⁴⁰⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 181.

Из таблицы видно, что по динамике роста валовой продукции промышленности все три области, как и весь Уральский экономический район, отставали от общесоюзных темпов развития. Это отставание, однако, заметно сократилось к концу V пятилетки.

В обе пятилетки все три области (в особенности Челябинская и Свердловская), как правило, демонстрировали внушительный рост производства главных полуфабрикатов металлургии – чугуна, стали и проката. Отставание по этим показателям Молотовской области выглядит незначительным.

В плане производства электроэнергии, Урал отставал от общесоюзных темпов развития в IV пятилетке, при этом Молотовская область демонстрировала наименьшее отставание, но и оно было ощутимым (15,5%). В годы V пятилетки это отставание резко снизилось, а Свердловская область даже обогнала общесоюзные показатели роста в этой отрасли.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные по развитию в трех областях машиностроения рисуют куда менее благоприятную картину. Так, в IV пятилетке Молотовская область, объемы машиностроения и металлообработки в которой накануне войны составляли 30% от общеуральских показателей⁴⁰⁷, на 10% снизила производство машиностроительной продукции, отстав по темпам роста от общесоюзного производства на 76%.

В V пятилетку отставание от общесоюзных показателей в области развития машиностроения и металлообработки продемонстрировали все три области. При этом отставание составляло от 72% (Молотовская область) до 41% (Свердловская область).

Это еще раз подтверждает неоднократно констатировавшееся выше неравномерное развитие отдельных регионов СССР в послевоенный период, что отразилось в регрессивных сдвигах в отраслевой структуре индустриальных областей Урала. Мы вновь наблюдаем, что послевоенный

⁴⁰⁷ Лаврищев А.Н. Указ. соч. С. 48.

Урал развивается в основном как поставщик для других регионов дешевого металлургического сырья и полуфабрикатов.

Такая тенденция продолжалась и далее. В 1959 г. советский экономист И.В. Комар привел данные по межрайонному грузообороту Урала (См. Приложение 16). Тогда главное место в вывозе с Урала по железным дорогам заняли сырые материалы и грузы горнозаводской промышленности: черные металлы, руда, нефть, лес и хлеб⁴⁰⁸.

Кроме того, в части существовавшего на Урале машиностроения не были выполнены и замыслы 1930 г. (См. Параграф 1.1 наст. работы) по превращению Сибири и Дальнего Востока в основных получателей уральской машиностроительной продукции (См. Таблицу 47).

Таблица 47

**Межрайонные связи Урала по обмену машинами и металлоизделиями
в 1953 г.**

Районы	%* по весу	Районы	% По весу
Восточные	<u>35</u> 21	Западные	<u>65</u> 79
в т.ч. Западная Сибирь	<u>11</u> 15	в т. ч. Центр	<u>22</u> 32
Средняя Азия и Казахстан	<u>11</u> 3	Юг	<u>14</u> 20
		Северо-Запад	<u>8</u> 13
		Поволжье	<u>12</u> 9

Источник: Комар И.В. Указ. соч. С. 232.

* В числителе – отправлено с Урала, в знаменателе – поступило на Урал.

Как видно из таблицы, в 1953 г. 65% произведенных на Урале машин и металлоизделий потреблялись в западных районах страны. Это объясняется, в том числе, неравномерным и некомплексным послевоенным развитием хозяйства Сибири и Дальнего Востока, которое, вследствие названного не

⁴⁰⁸ Комар И.В. Указ. соч. С. 186.

требовало столь большого количества металлургической продукции. В более оптимистичной форме названные проблемы незадолго до смерти, в 1959 г., констатировал и «отец советской металлургии» академик И.П. Бардин: «Одна из важнейших задач Урало-Кузнецкой проблемы заключается в том, чтобы *не выкачивать природные ресурсы из этого района, а организовать их использование на данной территории* [курсив мой – М.М.], доводя продукцию металлургических заводов до стадии готового изделия и покрывая нужды своего района в металлургической продукции. Если в данное время профили проката перевозятся с востока на запад, это явление временное, так как *профиль машиностроительных заводов и немногочисленность их на востоке не отвечает полностью потребностям Урало-Кузнецкого района* [курсив мой – М.М.]»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁹ Архив РАН. Ф. 661. Оп. 1. Д. 90. Л. 6.

3.2. Тенденции территориального развития экономики позднесталинского Урала

В ходе индустриализации СССР промышленное развитие Урала осуществлялось, главным образом, в «широтном» направлении. В рамках строительства Урало-Кузнецкого комбината уральская металлургия была переведена с древесного угля на каменный и посредством организации магистрального сообщения между регионами Урала и Западной Сибири получила доступ к каменноугольным ресурсам Кузбасса⁴¹⁰.

В то же время региональные власти давно обращали внимание на необходимость строительства транспортной инфраструктуры вдоль Уральских гор. Еще в начале 1920-х гг., в разгар кампании по районированию, уральские руководители стремились преодолеть зависимость развития Урала от транзитных связей Центра с Сибирью и ставили задачу расширения меридиональных связей региона с целью формирования здесь разностороннего промышленного комплекса⁴¹¹.

С началом Великой Отечественной войны Свердловскому обкому вновь пришлось обратить внимание на эту проблему. Потребности военной экономики вынуждали правительство резко увеличить объемы производств на металлургических предприятиях Урала. За годы войны только в Свердловской области они в среднем выросли более чем в 2,5 раза⁴¹². Такой рост требовал пропорционального расширения добычи на Урале железной руды и увеличения количества используемого уральской металлургией каменного угля, завозившегося сюда из Кузбасса. Связывавшая Центр с Востоком магистраль с трудом справлялась с ростом перевозок, вызванных событиями военного времени. Для уральской промышленности это таило риски несвоевременного получения западносибирского угля, что неизбежно привело бы к серьезным сбоям в ее работе.

⁴¹⁰ См. *Параграф 1.1.* Настоящей работы.

⁴¹¹ Зубков К.И. Урал в евразийском геополитическом пространстве // Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Екатеринбург, 2014. С. 41.

⁴¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 105. Л. 11.

В этих условиях руководители промышленности региона пришли к выводу о возможности компенсировать нехватку руды и угля путем начала эксплуатации природных ресурсов на Северном Урале и севере Свердловской области. К осени 1941 г. бригада Совета по изучению производительных сил (СОПСa) АН СССР по Северной металлургии во главе с профессором А.М. Волковым исследовала железорудные месторождения Ивдельского района⁴¹³. Бригада отметила высокую концентрацию и кучность размещения здесь месторождений железа, марганца, бокситов, флюса и золота. Только запасы железных руд Первого, Второго и Третьего Северных месторождений при коэффициенте разведанности только в 15% уже превышали 55 млн. *t* при прогнозе их значительного увеличения. В 60 км западнее Третьего Северного месторождения залегали «недоразведанные» вишерские гематиты и другие руды. Их залежи, предварительно, были оценены в 30 млн. *t*⁴¹⁴.

17 сентября 1941 г. бригада СОПСa из ряда проблем, связанных с обоснованием перспектив развития северной металлургии, выделила в качестве приоритетного промышленного объекта открытие Первого Северного рудника с немедленным вывозом железной руды уральским заводам. Общие запасы Первого Северного месторождения были определены бригадой в 9–10 млн. т. Качество руд, по массовым анализам Академии наук в 1940 г., характеризовалось высоким содержанием железа (62–65%) при низком уровне содержания кремния, серы, фосфора⁴¹⁵. Бригада предлагала начать уже в первой половине октября 1941 г. строительство железной дороги от станции Полуночное (марганцевый рудник) до Первого Северного рудника, используя освобождающихся квалифицированных рабочих и оборудование с завершившейся на тот момент постройки железной дороги Ивдель – Полуночное. Эти мероприятия бригада сочла нужным осуществить немедленно, строя в притык оба участка как один. Ею констатировалось:

⁴¹³ Архив РАН. Ф. 666. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–1 об.

⁴¹⁴ Там же. Л. 2.

⁴¹⁵ Там же. Л. 3.

«Роспуск и переброска рабсилы уже получившей квалификацию на строительстве дороги решительно нежелательны. Исключительно благоприятная конъюнктура, способная разбудить производительные силы района, дать металл для обороны страны должна быть немедленно и целиком использована»⁴¹⁶.

Одновременно секретарем по черной металлургии Свердловского обкома ВКП(б) А.Б. Аристовым в условиях перебоев с доставкой на Урал угля из Кузбасса была выдвинута идея использования в уральской металлургии печорского каменного угля, крупные залежи которого были открыты еще летом 1930 г. Сам А.Б. Аристов вспоминал об этом так: «... Я стоял у карты, мысленно прикидывая, когда придёт заветный угольный эшелон, застрявший где-то в пути. И вдруг меня что-то толкнуло: Печора ведь ближе к Уралу, чем Кузбасс! Я вымерил – почти на тысячу километров! А на Печоре – коксующийся уголь. Недолго думая, позвонил в один из лесозаготовительных трестов в Ивделе, на самом севере области. Возглавлял его тов. Долгих, деятельный, предприимчивый руководитель. Я попросил его поразведать, нет ли удобного перевала через Уральский хребет для дороги, которая соединит его с Печорским угольным бассейном. Долгих на нартах, в собачей упряжке отправился на изыскание. И вскоре доложил, что нашел наивыгоднейший перевал. Я отыскал это место на карте, прочертил будущую дорогу, и на душе стало как-то легче»⁴¹⁷.

В Архиве РАН, в фонде Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны мы находим интересные документы относительно описанных Аристовым событий. В их числе записка на имя Президента АН СССР академика В.Л. Комарова и члена Президиума СОПСа академика И.П. Бардина от начальника управления Ивдельлага И.И. Долгих от 25 сентября 1941 г. В ней «предприимчивый руководитель» выражает свой живейший интерес к работе бригады

⁴¹⁶ Архив РАН. Ф. 666. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

⁴¹⁷ Аристов А.Б. Указ. соч. С. 23.

профессора А.М. Волкова, в особенности в части «подвода железнодорожной магистрали к лесным массивам, расположенным в районе р. Вижай, т.к. на массивы падает основная тяжесть лесозаготовительной деятельности Ивдельлага, начиная с 1942 г. и особенно в 1943 г.»⁴¹⁸. В записке И.И. Долгих подчеркивал свою заинтересованность в комплексном освоении ресурсов Ивдельского района и «в ликвидации наблюдающейся несогласованности действий различных местных организаций и главное в увязке перспектив развития разных отраслей хозяйства нашего района»⁴¹⁹. И.И. Долгих, предлагая услуги Ивдельлага для строительства железной дороги, просил Академию наук прислать в Ивдель академика И.П. Бардина, А.Е. Ферсмана «или какого либо другого академика по усмотрению Президента» для принятия окончательных решений по развитию Ивдельского района. Из документов следует, что именно И.И. Долгих, на средства Ивдельлага, организовал описанную Аристовым экспедицию «о движении железной дороги на 2-е Северное месторождение и на Уральский перевал»⁴²⁰, за что получил телеграмму с благодарностью от академика И.П. Бардина⁴²¹. Сам И.И. Долгих, впрочем, судя по всему, в экспедиции личного участия не принял и «на нартах, в собачей упряжке» в сентябре (!) 1941 г. на перевал не выезжал.

Тем временем «местные организации» занимались деятельной подготовкой к развитию металлургии в Ивдельском районе. 23 сентября 1941 г. прошло объединенное заседание Ивдельского райкома ВКП(б) и Исполкома Ивдельского райсовета. Заслушав доклад бригады СОПСа, заседание пришло к выводу о целесообразности немедленного ввода в эксплуатацию месторождений Первого Северного рудника и строительства железной дороги в направлении Печорского угольного бассейна на участке Полуночное – Первый Северный рудник⁴²².

⁴¹⁸ Архив РАН. Ф. 666. Оп. 2. Д. 1. Л. 13.

⁴¹⁹ Там же. Л. 14.

⁴²⁰ Там же. Л. 13.

⁴²¹ Там же. Л. 21.

⁴²² Там же. Л. 10.

Для осуществления этого решения заседание решило, во-первых, поручить начальнику Полуночного марганцевого рудоуправления Новикову поставить этот вопрос в главках Уралруда и Главруда по линии Наркомата черной металлургии; одновременно Новиков согласился предоставить строительству часть находившихся у него в распоряжении инженерно-технических кадров.

Во-вторых, решено было добиться от начальника Ивдельлага И.И. Долгих деятельного участия в строительстве и «поставить, в случае необходимости, данный вопрос перед центром [т.е. НКВД – М.М.]».

В-третьих, просить содействия академика И.П. Бардина по линии Академии наук.

В-четвертых, просить Свердловский обком и исполком войти в Совет Министров с ходатайством о расширении с 1942 г. объема работ бригады, «придав ее наряду с отраслевым (металлургическим) уклоном комплексного изучения района, в целях создания общей гипотезы его народно-хозяйственного развития»⁴²³.

24 сентября 1941 г. Марганцевое рудоуправление согласилось с решением заседания⁴²⁴. На следующий день свое согласие выразил начальник Ивдельлага. 5 октября в Ивдель прибыл академик И.П. Бардин, также согласившийся с проектом добычи руды на севере⁴²⁵. 25 октября 1941 г. совещание при секретариате черной металлургии Свердловского обкома ВКП(б), при участии А.Б. Аристова, также поддержало решения заседания⁴²⁶.

Несмотря на то, что проекты экономического освоения Ивдельского района не нашли поддержки в Москве, даже Комиссия Комарова отнесла их к числу работ, «которые не надо ставить»⁴²⁷, и железная дорога в сторону Первого Северного рудника не построена до сих пор, мы сочли нужным весьма подробно описать процесс принятия решений в отношении нее

⁴²³ Архив РАН. Ф. 666. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.

⁴²⁴ Там же. Л. 12.

⁴²⁵ Там же. Л.17–19.

⁴²⁶ Там же. Л. 22.

⁴²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 82.

местными партийными, научными и хозяйственными органами. Это интересно постольку, поскольку наглядно иллюстрирует механизм принятия и осуществления решений в сталинской командной экономической системе. Из приведенных материалов видно, что идея освоения Ивдельского района сложилась во многом стихийно, исходя из текущих, совершенно различных потребностей действовавших в регионе ведомств и организаций. Так, Свердловский обком в лице А.Б. Аристова здесь интересовала возможность завоза на Урал печорских углей, начальника Ивдельлага И.И. Долгих – возможность использовать предназначенную для этого железную дорогу для лесоперевозок в интересах подведомственного ему лагеря, академика И.П. Бардина, в принципе, интересовала любая возможность развития металлургии на востоке, главного инженера Полуночного рудоуправления интересовала возможность расширения сырьевой базы для собственной организации. Интересно, что первое, о чем озаботились инициаторы работ в Ивдельском районе, был поиск инструментов для «лоббирования» своей идеи перед центральным правительством. Для этой цели должны были действовать: И.И. Долгих по линии НКВД, Новиков по линии НКЧМ, академик И.П. Бардин по линии Академии наук и А.Б. Аристов по партийной линии. Такое поведение явно свидетельствует о высокой роли местных органов власти в проведении региональной экономической политики на местах и большом значении наличия или отсутствия у региональных властей необходимых связей в отдельных наркоматах и ведомствах необходимых для отстаивания собственных интересов в развитии подведомственных им территорий. Такое положение вещей, имевшее место в ходе Великой Отечественной войны, долгое время будет сохраняться в советской экономической системе и после 1945 г.

Несмотря на отказ от проекта в 1942 г., изучение ресурсов Северного Урала довольно активно велось на протяжении всей первой половины 1940-х гг. В январе 1945 г. при Уральском филиале Академии наук СССР (УФАН) под председательством проф. А.А. Иванова прошло совещание, посвященное

проблемам развития Северного Урала. Внимание участников совещания было обращено на перспективы эксплуатации железных руд, в частности, Первого Северного рудника, и на рассмотрение вопроса о железнодорожной трассе, которая была должна соединить Ивдель с северным угленосным бассейном. Для этих целей УФАН направил в Ивдель группу научных работников и вагон с лабораторным и экспедиционным оборудованием⁴²⁸.

В Ивделе активно проводились геологоразведочные работы. Еще в июне 1941 г. Уральская экспедиция Совета по изучению производительных сил (СОПС) под руководством М.И. Калганова подвергла изучению качественные характеристики железных руд Северного Урала. В частности, экспедиция исследовала Ауэрбаховское, Воронцовское, Ваяновское, Александровское, Троицкое месторождения, месторождения Первого и Третьего Северных рудников⁴²⁹. По итогам работы было установлено высокое содержание в них железа. В рудах ряда месторождений оно оказалось на уровне 65–68%⁴³⁰, что считалось тогда хорошим показателем⁴³¹. К 1949 г. в Ивдельском районе началась разведка бокситов, были обнаружены следы медной руды⁴³². Объем залежей железной руды геологи оценивали в 70 000 тыс. *m*⁴³³. Прямое железнодорожное сообщение между Ивделем и Печорским угольным бассейном по-прежнему отсутствовало⁴³⁴.

К концу Великой Отечественной войны к идее освоения ресурсов Северного Урала вернулись вновь. Это обосновывалось необходимостью реорганизации Урало-Кузбасса. К 1945 г. в Западной Сибири за счет эвакуированных предприятий успешно развивалась собственная металлургия. Советские экономисты пришли к выводу о целесообразности разделения Урало-Кузнецкого комбината на два самостоятельных угольно-металлургических комплекса – в Сибири и на Урале. Такой шаг вполне

⁴²⁸ Перспективы эксплуатации железных руд Северного Урала // Уральский рабочий. 26 января 1945.

⁴²⁹ АИГГ УрО РАН. Ф. 7. Оп. 2. Д. 29. Л. 1–82.

⁴³⁰ Там же. Д. 39. Л. 4.

⁴³¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 134. Л. 59.

⁴³² АИГГ УрО РАН. Ф. 7. Оп. 5. Д. 41. Л. 4, 17.

⁴³³ Там же. Д. 29. Л. 90.

⁴³⁴ Там же. Л. 1.

соответствовал методологическим установкам советского планирования, выработанным еще в годы первых пятилетних планов. Они исходили из необходимости построения региональных промышленных баз с опорой на преимущественно местные или близлежащие топливно-энергетические ресурсы, что было важно не только с экономической, но и с военно-стратегической точек зрения⁴³⁵. Великая Отечественная война в целом подтверждала целесообразность такого подхода к территориальной организации советской промышленности, особенно в условиях «холодной войны». Однако здесь снова возникала старая проблема. Если сибирские предприятия могли полностью обеспечиваться собственным углем из Кузнецкого бассейна, то промышленность Урала местные ресурсы полностью удовлетворить не могли.

Например, на долю Свердловской области – как наиболее крупной части Уральского промышленного района в территориальном отношении и по масштабам производства – приходилось 31% выплавляемого на Урале чугуна, 30,4% стали, 35% добычи угля, 29% железной руды, до 50% медной руды. Здесь производилось 40% продукции уральского машиностроения и выплавлялось до 50% от общесоюзного производства алюминия⁴³⁶. Тем не менее, экономика области к концу войны в значительной степени была зависима от привозного угля (См. Таблицу 48).

Таблица 48

Энергетические потребности предприятий Свердловской области в угле

1943 г. (израсходовано)		
Местный уголь		
	тысяч тонн	%
1	2	3
Богословский уголь	3706	41,1
Егоршинский уголь	428	4,7
Итого	4134	45,8

⁴³⁵ Кржижановский Г.М. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР // Избранное. М., 1957. С. 171–172.

⁴³⁶ Научный архив УрО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 28. Л. 25.

1	2	3
Привозной уголь		
	тысяч тонн	%
Челябинский уголь	4378	48,6
Кузнецкий и карагандинский уголь	500	5,5
Итого	4878	54,1
Всего	9012	100
1944 г. (по прогнозу 1943 г.)		
Местный уголь		
	тысяч тонн	%
Богословский уголь	4707	46,5
Егоршинский уголь	375	3,7
Итого	5082	50,2
Привозной уголь		
	тысяч тонн	%
Челябинский уголь	4524	44,7
Кузнецкий и карагандинский уголь	525	5,2
Итого	5049	49,8
Всего	10131	100

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 189. Л.2.

Более того, по оценкам специалистов, к началу осуществления IV пятилетнего плана Свердловская область за счет собственных ресурсов покрывала свои потребности в энергетическом угле только на 42%. Еще сложнее обстояло дело с коксующимся углем, используемым для выплавки металлов. Область могла покрыть свои потребности в марочном угле только на 28,8%⁴³⁷.

Принятие плана IV пятилетки усугубило ситуацию. Новый пятилетний план предусматривал значительный рост металлургического производства в восточных районах СССР, в том числе на Урале и в Сибири. Заместитель наркома черной металлургии Ф.А. Меркулов отмечал в апреле 1946 г.: «Металлургия на Урале и Востоке значительно растет по сравнению с 1940 г.: она растет на 211% по чугуну, 210% по стали и 208% по прокату. Вместе с ростом всей металлургии Советского Союза, удельный вес металлургии на Востоке чрезвычайно поднимается. Так, по чугуну 44,5% в 1950 г. против

⁴³⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 189. Л. 3.

29% в 1940 г., по стали 51,5%, против 24%, по прокату 50,7%, против 33% 1940 г.»⁴³⁸.

Секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.И. Недосекин в 1946 г. сообщал правительству, что развитие угольной промышленности Свердловской области резко отстает от потребности промышленности в топливе. Недостаток топлива начал лимитировать работу промышленности области. Из-за дефицита угля Свердловэнерго было вынуждено в 1946 г. сократить выработку электроэнергии по сравнению с 1944 г. на 335 млн. *кВт-ч*. Планируемый IV пятилеткой ввод в эксплуатацию Нижне-Турьинской ГРЭС мощностью 258 тыс. *кВт*, Каменск-Уральской ГРЭС мощностью 40 тыс. *кВт*, новых мощностей ТЭЦ Богословского алюминиевого завода и СУГРЭС создавал дополнительное напряжение в топливном балансе. К концу IV пятилетки прогнозируемая потребность промышленности Урала в угле составляла 20 млн. *т* при возможном уровне добычи 4 млн. *т*⁴³⁹.

В условиях столь значительного роста уральской металлургии остро встала проблема обеспечения ее углем. Рассчитывать на увеличение доли привозного угля из Челябинской области было невозможно, так как пятилетний план предусматривал значительный рост металлургии и в этой области, что предопределяло потребление всего челябинского угля на месте. Увеличению поставок из Кузбасса также препятствовало планируемое развитие индустрии Сибири. Тогда у экономистов и возникла идея, повторявшая мысли А.Б. Аристова о решении проблемы за счет ресурсов Печорского угольного бассейна, на который предстояло переориентировать промышленность Урала с угольных месторождений Кузбасса.

17–23 ноября 1948 г. в г. Кемерово под руководством Академии наук была проведена конференция по изучению производительных сил Кузбасса, где в докладе академика И.П. Бардина было сделано на этот счет любопытное пояснение: «Если исходить только из расчетов себестоимости

⁴³⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 134. Л. 242.

⁴³⁹ Там же. Д. 218. Л. 50.

добычи и транспорта углей, то Кузбасс вполне может выступать и впредь мощным конкурентом всех перечисленных угольных месторождений. Так, например, можно с уверенностью сказать, что печорские угли на Среднем Урале будут дороже кузнецких, хотя первые на тысячу километров ближе, чем вторые. По условиям добычи и вследствие повышенной зарплаты в Заполярье печорские угли будут значительно дороже франко-шахта, чем кузнецкие. Техническая вооруженность ж.-д. магистрали, по которой перевозится кузнецкий уголь будет гораздо выше, чем будущей линии, которая соединит Печорский бассейн с Уралом, и можно ожидать, что стоимость доставки на Средний Урал кузнецких и печорских углей будет примерно одинакова. К тому же зольность печорских углей будет вдвое и даже выше чем кузнецких. По всем этим причинам кузнецкие угли будут на Урале дешевле печорских. Можно было бы также показать, что в условиях Южного Урала кузнецкие угли не будут дороже карагандинских. Это очень важное преимущество Кузбасса, но из этого не следует делать тех выводов, которые сделали бы на нашем месте какие-нибудь “чистые” буржуазные экономисты.

Если мы считаем правильным сократить вывоз кузнецких углей для дальних потребителей, то это можно обосновать лишь социалистическими принципами размещения промышленности. У нас бассейны не конкурируют друг с другом, и при советских темпах промышленного роста нам нужно развивать использование всех главнейших природных ресурсов страны. Если мы предпочитаем вывозить на Урал печорские и карагандинские угли вместо кузнецких, то это происходит лишь потому, что *возможности развития потребления углей на месте их добычи несравненно более ограничены для Печоры заполярным положением, а для Караганды – водным балансом и прочими ресурсами, чем для Кузбасса, и поэтому отказ от дальних перевозок печорских или карагандинских углей практически означал бы резкое сокращение их использования вообще, что противоречило бы*

принципам социалистической экономической политики (авторский курсив – М.М.)»⁴⁴⁰.

Таким образом, советский проект освоения угольных ресурсов Северного Урала изначально во многом базировался не столько на экономических основаниях, сколько на принципе нового географического размещения производительных сил страны для обеспечения наиболее равномерного использования ее топливно-сырьевых ресурсов.

В свете вышеизложенного, вопрос о строительстве Урало-Печорской железнодорожной магистрали, которая могла бы соединить Печорский каменноугольный бассейн с промышленными центрами Урала, приобрел особое значение. С ее помощью становилось возможным не только наладить снабжение промышленности Среднего и Южного Урала печорским углем взамен кузнецкого, но и обеспечить углем перспективное металлургическое производство в Ивдельском районе, на базе руд которого планировалось строительство нового металлургического завода с законченным металлургическим циклом. Благо, только разведанные запасы печорского угля составляли около 36 млрд. *т*. Они отличались малым содержанием фосфора и серы, давали кокс высокой механической прочности с содержанием фосфора до 0,0034%, серы 0,5–1,1%, золы 11–13%. Они имели особое значение для выплавки бессемеровского чугуна на Ново-Тагильском заводе, а также для производства качественного металла на Серовском заводе. Коксохимические заводы Среднего и Северного Урала, работавшие тогда исключительно на дальнепривозном кузнецком угле, могли полностью перейти на печорские.

При этом расстояние от станций отправления кузнецкого угля до Нижнего Тагила достигало 2088–2150 *км*, до Челябинска – 1825–1888 *км*, до Губахи – 2401–2464 *км*, в то время как месторождения Печоры в среднем были ближе на 700 *км*. Исходя из этого, маршрут будущей магистрали был

⁴⁴⁰ Бардин И.П., Рикман В.В. Черная металлургия в перспективном плане развития Кузбасса // Труды конференции по изучению производительных сил Кузбасса ... Т. 1. С. 317–318.

определен следующим образом: от Свердловска до станции Полуночное (23 км севернее Ивделя), далее по восточному склону Уральского хребта до бассейна реки Северная Сосьва, далее до Усть-Кожвы, с пересечением горного хребта у 65 параллели и выходом на соединение с Северо-Печорской железной дорогой. При этом железная дорога должна была пройти вблизи контактной полосы Уральского хребта, где располагались залежи железных руд. Поскольку железная дорога от Свердловска до станции Полуночное, в связи с наличием в районе запасов марганцевых руд, необходимых военной промышленности Урала, была доведена еще во время войны, предстояло построить недостающую часть железнодорожной трассы длиной около 600 км. (См. Приложение 17,18)

Сооружение Урало-Печорской магистрали, помимо снабжения промышленности Урала коксующимся углем, открывало возможность расширения рудной базы уральской черной металлургии дальше на север, тем более что разведанные запасы железных руд промышленного значения на Урале при существующих масштабах эксплуатации должны были быть исчерпаны в течение 30 лет.

Урало-Печорскую магистраль предполагалось использовать и для развития на Северном Урале лесной и лесохимической промышленности. Нетронутые массивы хвойных лесов покрывали там пространства в миллионы гектаров. Площадь лесов в одном только Ивдельском районе превышала 2 млн. га с запасами пригодных к рубке лесов свыше 100 млн. м³. Перенесение лесозаготовок на север позволило бы сохранить леса Среднего Урала для питания рек.

Общий грузооборот проектируемой дороги в первые годы после ее открытия должен был составить 10 млн. т в год. Из них 8–9 млн. т должны были составить перевозки в южном направлении (уголь, руда, лес и лесопродукты) и 1,5–2 млн. т – в северном (металл, металлоизделия, лес, строительный крепеж, продовольственные товары). Около 70% всех перевозок (7 млн. т) должны были приходиться на печорский уголь, что

позволяло разгрузить на соответствующие объемы перевозок Урало-Сибирскую магистраль. Начать строительство магистрали планировалось уже в последние годы IV пятилетки⁴⁴¹.

Проект нашел поддержку и у руководителей Молотовской области. В 1945 г. на Конференции по изучению производительных сил Молотовской области заместитель председателя Молотовского облисполкома В.Ф. Тиунов в специальном докладе подчеркнул высокое значение Урало-Печорского проекта для комплексного использования природных ресурсов Вишеро-Печорского района Молотовской области (*См. Приложение 19*). В.Ф. Тиунов выражал уверенность, что: «уральская промышленность должна получить соединение с печорскими углями, ухтинской нефтью, ижмо-печорскими газами, использовать энергию вод Западного Урала, развернуть производство легких металлов (магния и алюминия) и широко использовать железные руды Северного Урала. И тогда будет создан гигантский индустриальный узел – Урало-Печорский комбинат, в котором Вишеро-Песчорский район займет свое почетное место»⁴⁴².

21 октября 1948 г. соображения В.И. Недосекина были рассмотрены заместителем Председателя Совмина СССР Г.М. Маленковым⁴⁴³. Свое согласие с проектом выразили все отраслевые министры. Еще 20 октября его выразило Министерство лесобумажной промышленности, 26 октября поступило согласие Министерств металлургии и угольной промышленности восточных районов. Министерство путей сообщения поддержало проект 12 ноября 1948 г.⁴⁴⁴ Однако возражения против строительства поступили со стороны Госплана. Последний 16 ноября 1948 г. настаивал на сосредоточении усилий на достройке существующей Печорской железной дороги (была построена в декабре 1941 г., *см. Приложение 20*) с переоборудованием ее в двухпутную магистраль на всем протяжении для

⁴⁴¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 218. Л. 50–55.

⁴⁴² Тиунов В.Ф. Вишеро-Печорский район и его комплексное освоение. // Труды конференции по изучению производительных сил Молотовской области ... Т. 1. С. 373.

⁴⁴³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 134. Д. 425. Л. 108–114.

⁴⁴⁴ Там же. Л.115, 116, 117, 118.

снабжения печорскими углями промышленности районов Севера и Северо-Запада⁴⁴⁵. Немедленное строительство Урало-Печорской магистрали, по мнению Госплана, «привело бы лишь к распылению строительных ресурсов и не обеспечило бы ни своевременной достройки Печорской магистрали, ни ввода в действие Урало-Печорской железной дороги»⁴⁴⁶. Протест Госплана против строительства магистрали интересен в аспекте того, что в докладе Госплана СССР, представленном в ЦК ВКП(б) и Совмин СССР, «О предварительном проекте генерального хозяйственного плана СССР на 1946–1965 гг.» был целый раздел, посвященный «Соединению Печорского угольного бассейна с Северным Уралом».⁴⁴⁷ В разделе отмечалось, что печорские угли до сих пор употреблялись только на Европейском Севере и Северо-Западе, так как Печорский бассейн был связан пока с этими районами единственной Северо-Печорской железной дорогой. Между тем, по ряду экономических, в особенности транспортных, показателей использование печорских коксующихся углей на Урале имело даже существенное преимущество по сравнению с Северо-Западом. Если расстояние от Печорского бассейна до железорудных месторождений Кольского полуострова составляло 2800 км и 1800 км до Череповца, то до железорудных месторождений Северного Урала только 984 км, до Серова – 1111 км, до Нижнего Тагила – 1444 км. Северо- и средне-уральская металлургия находилась почти вдвое ближе к Печорскому бассейну в сравнении с северо-западной металлургией⁴⁴⁸. Также в разделе была отмечена важность сооружения магистрали в плане разгрузки железнодорожного сообщения Сибири и Урала. Резерв паровой мощности при ее постройке должен был составить 7–7,5 млн. т, что было равносильно сооружению между Кузбассом и Уралом еще одной однопутной магистрали⁴⁴⁹. Кроме того, новая магистраль позволяла значительно

⁴⁴⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 134. Д. 425. Л. 119–120.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 120.

⁴⁴⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Ф.96. Д.239. Л. 28–35.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 32–33.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 35.

разгрузить Свердловскую железную дорогу, на которой доля перевозимого угля за годы войны значительно возросла, составив к 1947 г. почти 20% (См. Таблицу 49)

Таблица 49

**Структура грузоперевозок Свердловской железной дороги
в 1940 – 1947 гг.**

Наименование грузов	Отчет 1940 г.		Отчет 1947 г.	
	11585 млн. т/км		14486 млн. т/км	
всего перевезено грузов	вагонов	%	Вагонов	%
		3007	100	3268
В т.ч.:				
каменный уголь	156	5,18	635	19,43
руда всех видов	436	14,49	336	10,28
чёрные металлы	163	5,42	312	9,54
лес	666	22,14	356	10,89
стройматериалы	330	10,97	371	11,35

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп. 44. Д.209. Л. 3.

Проект Госплана предусматривал завершить строительство Урало-Печорской магистрали к 1950 г.⁴⁵⁰

И всё же, в 1948 г., несмотря на собственные доводы, Госплан СССР выступил против сооружения железной дороги между Печорой и Уралом в пользу модернизации Северо-Печорской дороги, соединявшей Печорский угольный бассейн с Севером и Северо-Западом. Причины, по которым Госплан отдал предпочтение Северо-Западу, связаны с проблемой функционирования промышленности г. Ленинграда. Любопытные сведения сообщает на этот счет А.А. Адамеску: «Весной 1948 г. рассматривался важный для послевоенного развития вопрос о выполнении поручений правительства по подготовке программы перестройки ленинградской промышленности. Отмечалось, что до создания собственной топливно-энергетической базы должно быть ограничено развитие промышленности города, в первую очередь не сложных – химической и текстильной, чтобы

⁴⁵⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Ф.96. Д. 243. Л. 113–114.

сохранить Ленинград как центр квалифицированного машиностроения, а также приборостроения и судостроения. В связи с этим объем промышленной продукции предусматривалось оставить на довоенном уровне. *Намечалось также подготовить доклад и проект постановления об ускорении строительства Череповецкого металлургического завода для обеспечения металлом ленинградской промышленности* [курсив мой – М.М.]»⁴⁵¹. Северо-Печорская магистраль снабжала и продолжает снабжать в настоящее время именно Череповецкий металлургический комбинат. Таким образом, отказ от строительства Урало-Печорской железной дороги был продиктован именно интересами промышленности г. Ленинграда, желанием Госплана сохранить город «как центр квалифицированного машиностроения». Скорее всего, большую роль в принятии такого решения сыграл тот факт, что в 1948 г. во главе Госплана стоял выходец из Ленинграда Н.А. Вознесенский, близкий к ленинградской политической группировке, арестованный и казненный в 1949 г. по т.н. «Ленинградскому делу».

На основании вышеизложенного можно заключить, что в послевоенное время к ставшей уже традиционной конкуренции между промышленностью Урала и Украины добавилась конкуренция с промышленной агломерацией Ленинграда. Последнее, безусловно, являет собой существенную черту советских послевоенных экономических реалий. Образованная таким образом «производительная цепочка» с востока на запад в последовательности: Печора (уголь) – Череповец (металлургия) – Ленинград (машиностроение) – нагляднейшая иллюстрация традиционного для России разделения труда между восточными (сырьевыми) и западными (обрабатывающими) территориями.

Урало-Печорский проект остался не реализованным. Приведенные ниже данные (См. Таблицу 50) показывают, что даже в 1956 г. промышленность Урала не имела доступа к углю Печорского бассейна. Более

⁴⁵¹ Планирование размещения производительных сил СССР ... С. 276–277.

того, из Кузбасса на Урал завозилось 100% коксующегося угля для обеспечения нужд черной металлургии. Доля использования кузнецкого угля в цветной металлургии Урала составляла 38,8%. В целом, сибирский уголь обеспечивал деятельность индустрии Урала на 26,4%.

Таблица 50

Поставки угля для предприятий уральской промышленности в 1956 г.

(тыс. тонн)

Предприятия по министерствам	Кузнецкий бассейн	Караганда	Целябинский бассейн	Богословский и Егоршинский	Экибастузский	Хакасский	Итого
Черная металлургия							
/для коксования/	3980,0	–	–	–	–	–	3980,0
/для энергетики/	1491,8	30,0	607,4	1800,0	–	163,7	4092,9
Мин. Путей сообщения	1247,0	–	126,0	1015,0	–	–	2388,0
Мин. Электростанций	6,8	–	1542,4	9555,0	3600,0	–	14704,2
Мин. Машиностроения	142,0	–	704,1	994,5	–	–	1840,6
Цветная металлургия	532,4	23,3	295,1	475,0	–	45,0	1370,78
Оборонная промышленность	23,5	–	92,0	–	–	–	115,5
Прочие предприятия	788,0	9,4	810,6	972,3	–	–	2580,3
Всего	8211,5	62,7	4177,6	14801,8	3600,0	208,7	31062,4
%	26,4	0,2	13,4	47,7	11,5	0,67	100

Источник: Научный архив УрО РАН Ф.17. Оп.3. Д.9. Л.9.

Сложившиеся ситуация позволяет сделать еще один вывод о принципах функционирования советской экономической системы. Несмотря на официальные заверения советского руководства о приоритете «социалистических принципов размещения промышленности» над «чисто буржуазными» экономическими принципами конкурентоспособности и прибыльности инвестиций, в реальности в послевоенном СССР

экономические соображения в такой же степени имели преимущество над политическими установками – хотя пробивали себе дорогу в основном стихийным и часто скрытым образом. Логика здесь состояла в том, что пятилетние планы требовали от советской промышленности роста конкретных показателей по выплавке стали, чугуна, производства проката и т.д. Однако, правительство, похоже, уже тогда мало заботило, *где и как именно* будет произведена эта продукция. Неудивительно, что, выбирая между дешевым кузнецким углем сейчас и дорогим печорским коксом в долгосрочной перспективе, центральные власти делали выбор в пользу Сибири.

Другой слабой стороной Урало-Печорского проекта была проблема согласования деятельности отраслевых министерств и ведомств, которым предстояло заниматься его подготовкой и реализацией. Просьбы поддержать проект поступали как со стороны начальника Главвостокуглеразведки М. Цукурова в адрес замминистра угольной промышленности восточных районов Н.В. Мельникова, так и от В.И. Недосекина на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова⁴⁵². Выполнение проекта планировалось возложить сразу на три ведомства – Госплан, МВД и МПС⁴⁵³. Это привело к затруднениям. К примеру, строительство автолежневой дороги в районе Второго Северного рудника пришлось взять на себя Уральскому геологическому управлению, не располагавшему для этого ни кадрами, ни оборудованием, ни рабочей силой, в то время как обладавший необходимыми ресурсами Ивдельлаг, также заинтересованный в строительстве дороги, участия в работах избежал. Последнее вынудило региональные власти добиваться от правительства передачи стройки в ведение МВД⁴⁵⁴. 14 ноября 1950 г. вышло Постановление Совета Министров СССР о создании Урало-Печорской металлургической базы. Оно, однако, оказалось не выполненным по причине того, что постановлением «не были определены сроки

⁴⁵² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 160. Л. 3–8, 54.

⁴⁵³ Там же. Л. 54.

⁴⁵⁴ Там же. Оп. 41. Д. 134. Л. 118, 119.

строительства железной дороги». ⁴⁵⁵ Не случайно, в середине 1950-х гг. уральские экономисты безуспешно пытались возобновить реализацию проекта на волне совнархозной реформы ⁴⁵⁶.

Существенной проблемой стало привлечение на Северный Урал рабочей силы. Совещание работников предприятий, строек, научно-исследовательских институтов черной металлургии, проведенное Свердловским обкомом ВКП(б) 10–11 апреля 1946 г., отмечало, что в силу трудных условий «на Северный Урал работники не едут, а приехавшие находят причины, и всеми правдами и неправдами стремятся выехать в другие районы» ⁴⁵⁷.

Что касается вопроса развития собственно сибирской промышленности с перспективой потребления ею большей части кузнецкого угля на месте, то даже в 1948 г. многие эксперты отмечали, что, несмотря на то, что «черная металлургия Кузбасса с самого начала, 20 лет назад, проектировалась как база вырастающего рядом с ней крупного машиностроения, ... этот замысел до сих пор не был реализован так, как он был задуман, и развитие машиностроения в Западной Сибири быстро продвинулось вперед лишь в годы войны в связи с размещением здесь эвакуированных предприятий» ⁴⁵⁸. То есть, рост сибирской промышленности с начала 1940-х гг. был следствием исключительных условий военного времени; в послевоенных же условиях острой необходимости наращивать промышленный потенциал Сибири до такой степени, когда она будет потреблять весь объем кузнецкого угля, уже не существовало. Вновь вступала в действие инерция сложившегося разделения труда между западной и восточной зонами экономики СССР.

Тем не менее, территориальные сдвиги в промышленном развитии Урала всё же имели место в послевоенное время. И происходили они, довольно-таки стихийно, в направлении не севера, но юга. Это было вызвано постепенно возникавшим дефицитом железной руды на Урале (в 1948 г.

⁴⁵⁵ Научный архив УрО РАН. Ф. 17. Оп. 3. Д. 9. Л. 10.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 7–16; Оп. 1. Д. 28. Л. 25–37; Д. 23. Л. 4–12.

⁴⁵⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 134. Л. 121.

⁴⁵⁸ Бардин И.П., Рикман В.В. Указ. соч. С. 321.

осуществлялся завоз на Урал руды из Кривого Рога⁴⁵⁹(!) и необходимостью завозить ее из Северного и Западного Казахстана⁴⁶⁰. В период 1940–1955 гг. удельный вес Южного Урала в производстве промышленной продукции в регионе вырос почти на 10% (См. Таблицу 51).

Таблица 51

Изменения удельного веса Среднего, Северного и Южного Урала в промышленности региона (%)

Территория	Промышленная продукция		Число занятых рабочих	
	1940	1955	1940	1955
Средний и Северный Урал	64,8	56,0	66,2	61,8
Южный Урал	35,2	44,0	33,8	38,2

Источник: Комар И.В.. Указ. соч. С. 198.

Таким образом, анализ послевоенной политики в области территориальных преобразований экономики показывает, что разработкой плановых изменений в этой области занимались, как и во время войны, в первую очередь представители региональных властей в Свердловской (А.Б. Аристов, В.И. Недосекин) и Молотовской (В.Ф. Тиунов) областях. Их проекты предполагали сдвиг уральской индустрии на север, соединение ее с углями Печорского бассейна и железными рудами на севере Свердловской области. Эти проекты не встречали прямого сопротивления у центральных властей, однако последние, в лице Госплана, уделяли свое основное внимание развитию западных территорий, что проявилось в отказе Госплана от осуществления Урало-Печорского проекта в пользу промышленности г. Ленинграда. В уральской же промышленности имел место стихийный, но плавный отток основной массы промышленного производства в южную часть региона, вследствие большей доступности там природных (руда) и отчасти людских ресурсов.

⁴⁵⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 181.

⁴⁶⁰ Архив РАН. Ф. 174. Оп. 27. Д. 65. Л.4.

3.3. Решение ситуационных проблем стабилизации и комплектования рабочей силы

Во время Великой Отечественной войны в действующую армию было мобилизовано более двух миллионов уральцев. Это, безусловно, создавало проблему обеспечения местных промышленных предприятий рабочей силой. Тем не менее, законы военного времени позволяли решить этот вопрос. Если в 1945 г. количество рабочих и служащих Советского Союза составляла 84% от уровня 1940 г.⁴⁶¹, то ситуация на Урале выглядела вполне благоприятно (См. Таблицу 52).

Таблица 52

Численность рабочих Урала в 1940–1955 гг.

год	Свердловская область		Челябинская область		Молотовская область	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1940	735	100	455	100	459	100
1945	1027	140	700	155	585	127
1950	1182	161	781	172	738	161
1953	1300	177	н.д.	н.д.	832	181
1955	1368	186	921	203	900	196

Составлено автором по: Крючков М.Т. Указ. соч. С. 34; Народное хозяйство Свердловской области ... С. 117; Народное хозяйство Челябинской области ... С.123; Народное хозяйство Молотовской области ... С. 143.

Из таблицы видно, что, в отличие от Союза в целом, за годы войны количество рабочих на Урале выросло в среднем на 40%. Однако, успешной такая ситуация выглядела только на первый взгляд. Потери, связанные с мобилизацией кадровых рабочих в армию, не всегда сопровождались адекватной заменой.

Последняя осуществлялась, в частности, за счет роста доли женского труда в экономике региона. Так, в 1940 г. доля женщин среди рабочих промышленности составляла 41%; к 1945 г. она выросла до 50,9%. В конце

⁴⁶¹ Крючков М.Т. Указ. соч. С. 34.

войны удельный вес женщин в уральской промышленности достигал 48,8%, в Свердловской области – 50,1%⁴⁶².

Доля занятых в промышленности подростков до 16 лет составляла в 1941 и 1942 гг. 1,8% и 5,7%, соответственно⁴⁶³.

С течением войны роль труда женщин и несовершеннолетних в отдельных отраслях экономики приобрела существенное значение. Вот как выглядела эта ситуация на Свердловской железной дороге (См. Таблицу 53)

Таблица 53

Состав работников Свердловской железной дороги

год	среднесписочный контингент	% к 1940 г.	в том числе			
			женщин	%	молодежи до 18 лет	%
1940	42418	100	–	–	–	–
1941	43013	102	10700	25	–	–
1942	41670	98,5	16983	40	–	–
1943	46494	110	23866	51	3665	8
1944	46160	109	24118	52	3505	7,6
1945	49874	117	22354	45	3052	6
1946	49433	116	22068	44	1952	4
1947	50340	119	21950	43	1374	2,7

Источник: ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 209. Л. 73.

В последнем случае доля женского труда превышала общесоюзные показатели, составлявшие на железных дорогах СССР в 1941 и 1945 гг. 22,6% и 39,4%, соответственно⁴⁶⁴.

Уместно отметить, что пропорционального увеличения женщин на руководящей работе не произошло. Если в 1940 г. на руководящей работе номенклатуры Обкома ВКП(б) было 302 женщины, или 11% всех номенклатурных работников, то на 1 января 1948 г. количество женщин на руководящей работе почти не увеличилось и составило только 313 человек, а

⁴⁶² Корнилов Г.Е. Женщины Урала – фронту // Женщина и война. Екатеринбург, 2000. С. 160.

⁴⁶³ Там же. С. 160.

⁴⁶⁴ Куманёв Г.А. На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938–1945. М., 1976. С. 364.

в процентном соотношении даже уменьшилось⁴⁶⁵.

Эвакуация 1941–1942 гг. стала одним из немногих источников пополнения квалифицированной рабочей силы. В годы войны на Урал прибыло 2,2 млн. человек, что составляло 40,3% от общего числа эвакуированных на территорию РСФСР. Их количество даже несколько превысило число призванных в армию, однако, с учетом прибывших на Урал 728 предприятий, составивших 42% от общего количества перемещенных на восток фабрик и заводов⁴⁶⁶, это не решало в полной мере проблему кадрового голода.

Следует учесть, что в годы широко были распространены случаи дезертирства рабочих. Размещенные на Урале и в целом на востоке страны кадры регулярно сталкивались с массой трудностей. Одной из главных проблем были неудовлетворительные материально-бытовые условия. Нередки были случаи дезертирства. По данным В.В. Запария, только в 1943 г. на Челябинском Кировском Заводе, Заводе № 183, УЗТМ системы НКТП ежедневно не выходили на работу 3500, 3000, 2900 человек, соответственно. Из 20 тыс. направленных туда рабочих с заводов ушло 15 тыс.⁴⁶⁷

Правительство также прибегло к мобилизации неработающего трудоспособного населения. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г., трудовой мобилизации подлежали не занятые работой на государственных предприятиях и в учреждениях мужчины и женщины от 16 до 55 лет и от 16 до 45 лет, соответственно⁴⁶⁸. Позже указ был распространен и на сельское население⁴⁶⁹. Для работы в промышленности стали привлекать пенсионеров.

Кроме того, значительное количество неквалифицированной рабочей силы дали республики Средней Азии. В мае 1943 г. на уральских предприятиях системы Наркомчермета трудилось 3700 среднеазиатских

⁴⁶⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 44. Д. 2. Л. 87

⁴⁶⁶ Зорина Р.Ф. Решение партией проблемы размещения на Урале эвакуированных предприятий и населения в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1982. С. 5, 14.

⁴⁶⁷ Запарий Вас.В. Указ. соч. С. 95.

⁴⁶⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 64.

⁴⁶⁹ Якунцов И.А. Рабочий класс Урала в годы Великой Отечественной войны. Иркутск, 1987. С. 36, 37.

рабочих. По состоянию на 27 ноября 1943 г., одних туркмен на заводах Свердловской, Молотовской и Челябинской областей было занято 4866⁴⁷⁰. Из Казахстана на Урал было мобилизовано 40 тыс. человек⁴⁷¹.

В историографии существует мнение, что на Среднем Урале состав индустриальных кадров к 1945 г. даже улучшился в сравнении с довоенным периодом. Утверждается, что путем бронирования удалось сохранить основной костяк рабочих и служащих ведущих профессий, омолодить состав рабочих и пополнить его опытными эвакуированными кадрами. В частности, М.Н. Потёмкиной приводятся данные А.А. Антуфьева, согласно которым прибытие на Уралмашзавод во второй половине 1941 г. 3700 эвакуированных рабочих Ленинградского Кировского завода повысило средний уровень квалификации персонала предприятия. Установлено, что 1 января 1941 г. 38% рабочих УЗТМ обладало низкой квалификацией, 33% – средней, 29% высокой; на 1 января 1942 г. – 25, 47, 28%, соответственно, при увеличении количества рабочих и ИТР на УЗТМ на 40% и 28%⁴⁷².

На наш взгляд, такое утверждение относительно промышленности Урала в целом несправедливо. Следует учитывать, что Уралмашзавод, входивший в годы войны в систему Наркомтанкпрома, имел для страны первоочередное оборонное значение и, следовательно, преимущества перед другими предприятиями региона. Положение дел на УЗТМ отнюдь не иллюстрирует положение дел на промышленных предприятиях Урала в целом. Кадровые изменения, произошедшие здесь за время войны, выглядели отнюдь не презентабельно (*См., напр. Приложение 21*).

Наибольший ущерб понесла меднорудная промышленность. Если до войны на медных рудниках Свердловской области имелось около 4 тыс. человек высококвалифицированных горняков, имевших стаж работы от 5 до 10 лет, при укомплектованности руководящего состава инженерами и техниками, то в начале войны большая часть квалифицированных рабочих и

⁴⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 50. Л. 13, 42, 43.

⁴⁷¹ Якунцов И.А. Указ. соч. С. 38.

⁴⁷² Потёмкина М.Н. Указ. соч. С. 358, 359.

ИТР была призвана в армию. В 1942 г. была проведена «сухая консервация» медных рудников, и Министерство цветной металлургии перебросило значительное количество рабочих и ИТР на другие предприятия. В итоге, в 1941 и 1942 гг. основные кадры медных рудников были растеряны, а последующая частая сменяемость кадров (за счет стройколонн, рабочих из Средней Азии, заключенных, военнопленных, краткосрочных вербованных) не позволила создать равноценные довоенным кадры горняков вплоть до IV пятилетки⁴⁷³.

Так, на Дегтярском медном руднике ситуация с ротацией кадров в 1941–1945 гг. выглядела следующим образом. В июне 1941 г. в работе рудника было занято 5 643 человек, среди них было 4 261 кадровых рабочих и около 600 забойщиков. За годы войны в порядке мобилизации (стройколонны), организованного завоза рабочих (поляки и узбеки), пополнения из школ ФЗО и направления спецконтингента на рудник прибыло 16 944 человека. Из них стройколонн и спецконтингента – 10 063 человека. Из этого числа рабочих к 1946 г. на руднике было закреплено 4 682 человека, включая спецконтингент. Исключая рабочих стройколонн и спецконтинг, рудник за 1941–1945 гг. включительно потерял следующее количество рабочих (См. Таблицу 54)

Таблица 54

**Потери в рабочей силе Дегтярского Медного рудника
1941–1945 гг. (человек)**

№	Причина ухода	Кол-во ушедших
1	2	3
1	Перевод на другие предприятия по приказам Главка и министерства	1262
2	Мобилизация в РККА	1316
3	Выбыло на учебу	295
4	Выбыло из-за арестов	194
5	Самовольно оставило работу	2001
6	Выбыло по инвалидности и болезням	1332

⁴⁷³ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 44. Д.208. Л.60.

1	2	3
7	Уволено по разрешению администрации	1133
8	Уволено по реэвакуации и другим причинам	1342
Всего		8876

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д. 212. Л. 74.

В июне 1946 г. рудник располагал рабочей силой в количестве 3629 человек, из них кадровых рабочих только 2437 человек. На руднике осталось только 102 кадровых забойщика, 50 из которых администрации пришлось назначить начальниками смен и участков, т.е. непосредственно в забое трудилось только 52 человека⁴⁷⁴. В результате, проблемы замещения квалифицированных специалистов, призванных из медной промышленности в армию, неопытной рабочей силой (часто военнопленными и заключенными) привело к резкому спаду производства меди на Урале за время войны⁴⁷⁵.

Не многим лучше обстояло положение дел в энергетике. Как отмечал заместитель Министра электростанций Харитонов, в Главуралэнерго в 1941 г. на 1000 *кВт* установленной мощности приходилось 0,8 инженеров и 0,9 техников, к 1946 г. эти показатели снизились до 0,36 инженеров и 0,46 техников. На восточных территориях СССР в целом количество инженеров и техников за время войны снизилось с 1,8 на 1000 *кВт*, в 1946 г. стало 0,83 и 0,69, соответственно. Не хватало инженеров, занятых непосредственно на производстве. В 1946 г. из 422 имевшихся в распоряжении Главуралэнерго лиц с высшим образованием 60 человек было занято в аппарате главка, 80 – в аппаратах заводоуправлений и только 280 находились непосредственно на работе в цехах⁴⁷⁶.

Так или иначе, с прекращением боевых действий эффект мер военного времени по увеличению количества рабочей силы на Урале начал спадать. Трудмобилизованные начали возвращаться в прежние места жительства. Это

⁴⁷⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 212. Л. 74.

⁴⁷⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 40. Д. 106. Л. 140.

⁴⁷⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 43. Д.144. Л. 4–5.

сопровождалось серьезными убытками. 4 января 1947 г. заместитель заведующего транспортным отделом Свердловского обкома ВКП(б) Мишин в справке о ситуации на строительстве Сосьва-Алапаевской железной дороги сообщал секретарю обкома Панину: «за отправку к месту жительства мобилизованных рабочих из средне-азиатских республик строительство имеет убыток в сумме 1. 169 тыс. рублей»⁴⁷⁷. Количество эвакуированных граждан на Урале в 1945 г. сократилось до 465 тыс. человек⁴⁷⁸. Нельзя было продолжать рассчитывать на дальнейшее активное вовлечение женщин, подростков, пенсионеров – этот задействованный в военные годы ресурс не годился для мирного времени.

Вместе с тем, план IV пятилетки предполагал для Урала дальнейший рост производства. Заместитель наркома черной металлургии Ф.А. Меркулов отмечал в апреле 1946 г.: «Металлургия на Урале и Востоке значительно растёт по сравнению с 1940 г.: она растёт на 211% по чугуну, 210% по стали и 208% по прокату. Вместе с ростом всей металлургии Советского Союза, удельный вес металлургии на Востоке чрезвычайно поднимается. Так, по чугуну 44,5% в 1950 г. против 29% в 1940 г., по стали 51,5%, против 24%, по прокату 50,7%, против 33% 1940 г.»⁴⁷⁹ Выработка электроэнергии в Свердловской области должна была вырасти на 250% по сравнению с 1940 г. на 600 *мВт*⁴⁸⁰.

Столь масштабный рост промышленного производства на Урале требовал прямо пропорционального увеличения численности рабочей силы в регионе. Опыт войны показывал, что только экстенсивные способы расширения экономики были способны в короткое время обеспечивать экономический рост. Однако во всех отраслях промышленности Урала начинал ощущаться отток кадров. Он носил серьезный характер.

Совещание руководителей промышленных предприятий, секретарей парторганизаций, секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) по работе с

⁴⁷⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 214. Л. 128.

⁴⁷⁸ Потёмкина М.Н. Указ. соч. С. 459.

⁴⁷⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 134. Л. 242.

⁴⁸⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 40. Д. 188. Л. 115.

кадрами 17 января 1947 г. отмечало, что: «В годы войны в промышленность нашей [Свердловской – *М.М.*] области работала в условиях огромного движения кадров, причем несмотря на войну, у нас баланс рядовых ресурсов был положительным, вследствие эвакуации предприятий и рабочих коллективов из южных регионов страны.

В послевоенные годы положение у нас коренным образом изменилось. Начался отлив кадров в освобожденные районы на восстановление фабрик и заводов Украины, Белоруссии, Ленинграда, Ростова на Дону и др. городов. Уезжали тысячи тысячи и десятки тысяч ИТР и рабочих из нашей области.

Кроме того увеличилось сокращение рабочей силы с предприятий бывшей оборонной промышленности, где процесс послевоенной перестройки очень серьезно затянулся»⁴⁸¹.

В 1946 г. только в Свердловской области обеспечение кадрами промышленности против планового составляло 86%. Такое положение дел создало угрозу диспропорции между всё увеличивающимся производственными заданиями, энергетической мощностью и наличием квалифицированных кадров для их эксплуатации.

Особенно плохо были обеспечены кадрами предприятия машиностроения и приборостроения – только на 76%, строительные министерств – 80% и ряда крупных предприятий черной металлургии и угольной промышленности.

На Ново-Тагильском заводе 1 января 1947 г. не хватало 2401 рабочего. На Уральском турбинном заводе, вследствие недостатка рабочих, оборудование использовалось только на 40%. Здесь вынуждены были сохранить удлиненный рабочий день, практиковать сверхурочные работы и допустили большую задолженность по отпускам рабочим. Не использовались полностью производственно-энергетические мощности на Богословском алюминиевом заводе и других предприятиях.

За 10 месяцев 1946 г. по предприятиям Свердловской области выбыло

⁴⁸¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.143. Л. 21–26.

свыше 60 тыс. рабочих. Только в 3 квартале 1946 г. с Ново-Тагильского металлургического завода выбыло 813 человек, из них 400 ушли самовольно. На Богословском алюминиевом заводе выбыло 543 человека, из них 378 ушли самовольно. С завода № 217 в 1946 г. ушло 1878 человек, с завода № 9 – 611 человек, с завода № 8 – 1148 человек, с завода №183 – 6317 человек, в т.ч. дезертировало 3267 человек. В числе ушедших с Уралвагонзавода 982 человек были 183 квалифицированных вагоностроителя из местных жителей.

Характерно, что из всех выбывших рабочих более 30% оставляли производство самовольно.

Кадровый состав многих промышленных предприятий был не надежен. Так, Завод № 95, по словам его директора Журавлёва, в плане послевоенного кадрового состава представлял следующее: 26,8% эвакуированных с заводом из Москвы, 3,3% мобилизованных, 16,6% приезжих вольнонаемных, 19,3% выпускников ФЗО и рабочих училищ, 25,8% из местного населения и 2,8% спецконтингента. ИТР Завода № 95 составляли: 255 эвакуированных, 140 приезжих и только 49 человек из местного населения⁴⁸².

На Заводе им. Серова нестабильных кадров, по оценке директора Лукошенко, насчитывалось 25%, кроме того, здесь заметно снизилось число ИТР: с 208 в 1940 г. до 91 в 1946 г.⁴⁸³

В контингент Ново-Тагильского металлургического завода входили 560 эвакуированных, 2,5 тыс. мобилизованных, 2,5 тыс. репатриированных работников. Количество ИТР составляло 600 человек, в их числе 301 эвакуированных и мобилизованных и 85 репатриированных. Из 190 эвакуированных инженеров с законченным высшим образованием после войны на Заводе осталось только 96 человек⁴⁸⁴.

Такая ситуация серьезно мешала выполнению плана. Директор Уральского турбинного завода Соколов сетовал: «После войны продукция завода возросла. На 1947 г. план установлен в 2,5 р. Больше чем на 1946 г.

⁴⁸² ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.143. Л. 35.

⁴⁸³ Там же. Л. 79.

⁴⁸⁴ Там же. Л. 94.

Ощущаем острый недостаток кадров, потому, что после освобождения Харькова [Завод был эвакуирован оттуда – М.М.] квалифицированные рабочие и ИТР были Министерством отправлены обратно в Харьков. Нам пришлось в ходе работы учить наши кадры»⁴⁸⁵.

К началу 1947 г. в области имел место чрезвычайно напряженный баланс рабочей силы. Успешная работа промышленности требовала 42 тыс. человек, транспорта – 10 тыс. человек, на строительство – 34 тыс. чел., всего 86 тыс. рабочих⁴⁸⁶. Обеспеченность рабочей силы угольной, горнорудной отраслей промышленности, черной и цветной металлургии не превышала 75–80%⁴⁸⁷.

Таким образом, после войны перед руководством уральской промышленности, равно как перед центральным правительством, стояла задача удержания на Урале перемещенных туда за годы войны кадров и, по возможности, привлечение сюда новых работников. Для решения этой задачи советское правительство решило прибегнуть к мерам экономического воздействия. 25 августа 1946 г. Советом министров СССР было издано специальное постановление «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий истроек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке». Постановление предусматривало повышение на 20% заработной платы рабочих и ИТР на предприятиях Урала, Сибири и Дальнего Востока. Предполагалось массовое строительство жилья общей площадью 4 200 тыс. кв. м с предоставлением работникам ссуд для его покупки в размере 8–12 тыс. рублей сроком на 10–12 лет, что должно было стать действенным средством долговременного закрепления рабочей силы⁴⁸⁸.

Постановление от 25 августа, безусловно, стало для правительства шагом в правильном направлении, и всё же его исполнение сразу же оказалось затруднено в силу фактора ведомственного управления. При

⁴⁸⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.143. Л. 42–43.

⁴⁸⁶ Там же. Д.143. Л. 21–26.

⁴⁸⁷ Там же. Оп. 44. Д. 2. Л. 87–88.

⁴⁸⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 332–334.

утверждении списков предприятий, имевших право на выплату 20%-ной надбавки, в них оказались включены далеко не все объекты.

В специальной записке на имя заместителя председателя Совета министров СССР А.И. Микояна В.И. Недосекин сообщал, что в отличие, например, от строительных министерств, министерств угольной промышленности, черной металлургии, химии, на важнейшие предприятия которых в Свердловской области было распространено действие Постановления, множество важных строек и предприятий Министерства цветной металлургии в числе таких предприятий не оказалось. В их числе были Бокситострой, занимавшийся строительством Северо-Уральских бокситовых рудников (СУБР) – основной сырьевой базы алюминиевой промышленности СССР и Уралаллюминийстрой, проводивший работы по строительству Уральского алюминиевого завода, Красногорской ТЭЦ, заводов № 515 и 519 Главцветметобработки, Челябинского электродного завода и Челябинской молибденовой фабрики. Оба предприятия имели для общесоюзной экономики большое значение. Также под действие постановления не попали: Елизаветинский рудник, Режевской никелевый завод, Михайловский завод цветметобработки, Верхнесалдинский завод Вторцветмета, Суховский завод Вторцветмета, производивший добычу и обработку бериллиевых руд Комбинат № 3 Главредмета, Трест Уралзолото и Комбинат Березовзолото. В общей сложности на неохваченных Постановлением предприятий цветной металлургии работало 35 071 человек⁴⁸⁹.

Такой ведомственный подход подчас приводил к комичным случаям. Директор завода № 95 Журавлёв приводил такой пример: «У нас под одной крышей находятся два завода: завод Министерства Авиационной промышленности и завод Министерства Цветной промышленности [Журавлёв путает, скорее всего, Министерство цветной металлургии – М.М.], причем два цеха почти что сходятся, разделяются только стеной: один

⁴⁸⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 213. Л. 151–154.

прокатный цех и второй прокатный цех, разница только в том, что один катает легкие сплавы, белые, а другой тяжелые медно-цинковые сплавы. На 519 завод Министерства цветной промышленности Указом Президиума ВС распространилась 20% надбавка работающим в горячих цехах, а на завод № 95 Министерства авиационной промышленности это не распространилось. И естественно, две двери рядом в отдел кадров 519 и 95 завода. Все мы люди одними идеалами не привыкли жить, да и не нужно этим жить, естественно, что люди предлагают свои услуги на 519 завод»⁴⁹⁰.

Не получили 20%-ную надбавку и служащие Урало-Сибирского железнодорожного округа⁴⁹¹. Кроме того, надбавка не решила проблемы развития северных территорий региона. Совещание работников предприятий, строек, научно-исследовательских институтов черной металлургии, проведенное Свердловским обкомом ВКП(б) 10–11 апреля 1946 г., отмечало, что в силу трудных условий «на Северный Урал работники не едут, а приехавшие находят причины, и всеми правдами и неправдами стремятся выехать в другие районы»⁴⁹², и рекомендовало – правда, безуспешно – распространить на работающих на Северном Урале полярные надбавки и льготы.

В ряде случаев получение или неполучение 20%-ной надбавки к зарплате рознилось от цеха к цеху на одном предприятии. Так, по словам главного инженера Егоршинской ГРЭС Тюленева, на электростанциях надбавку получили все категории рабочих, за исключением профильного электроцеха: «Рабочие электроцеха этой надбавкой не пользуются, причем те же электрические слесаря, которые работают в таких же условиях, как остальные рабочие, но надбавки они не получают. Получается смешно, что начальник котельного цеха пользуется надбавкой, а начальник электроцеха лишен»⁴⁹³. Не распространялась эта надбавка и на сотрудников заводских лабораторий, что приводило к затруднениям при привлечении научных

⁴⁹⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.143. Л. 39.

⁴⁹¹ Там же. Д. 139. Л. 32.

⁴⁹² Там же. Оп. 41. Д. 134. Л. 121.

⁴⁹³ Там же. Оп. 43. Д.143. Л. 85.

кадров на производство и тормозило развитие отраслевой науки в регионе⁴⁹⁴.

Тем не менее, в целом повышение зарплат на Урале прошло успешно. Только в Свердловской области повышение заработной платы распространилось на 112 тыс. рабочих и 8 666 ИТР, занятых в промышленности и транспорте. По состоянию на 20 декабря 1946 г. этим категориям рабочих и ИТР была выплачена надбавка к зарплате в сумме 36–37 млн. рублей. Среднемесячная зарплата рабочих увеличилась по предприятиям Министерства угольной промышленности восточных районов с 698 руб. в августе до 838 руб. в ноябре; по предприятиям Министерства черной металлургии – с 750 до 929 руб.; Министерства цветной металлургии – с 540 до 628 руб.; Министерства химической промышленности – с 540 до 685 руб. За три месяца со дня выхода Постановления рабочие ИТР и служащие получили 6 296 тыс. рублей государственной ссуды на хозяйственное обеспечение, 2 860 тыс. рублей единовременных пособий. Всего на выплату единовременных пособий было предусмотрено 7 400 тыс. руб. Кроме того, рабочим, ИТР и служащим было продано без зачета промтоварных карточек на сумму 5 453 тыс., в том числе обуви – на 300 тыс., одежды – на 756 тыс., тканей – на 343 тыс. руб.⁴⁹⁵ Это было значительное достижение. Как отметил директор Завода № 95 Журавлёв: «Сейчас рубль остается рублем и поэтому вопросы денег имеют сейчас большое значение»⁴⁹⁶. Деньги, действительно, имели большое значение, особенно когда не поступали вовремя. Начальник строительства Челябинской ТЭЦ Поляковский отмечал в 1947 г.: «Указ Совета министров СССР в части закрепления товарищей на Урале по сути дела министерством не выполняется. Мы заключаем договоры, они существуют, а выполнить не можем, деньги на хозяйственное обзаведение не переводятся, товарищи нас ругают, даже говорят что мы жулики, а мы ничего сделать не можем»⁴⁹⁷.

Не менее действенным для Урала должно было стать решение о начале

⁴⁹⁴ Там же. Оп. 45. Д.175. Л. 85.

⁴⁹⁵ ЦДОСО. Ф.4. Оп. 43. Д.143. Л. 132.

⁴⁹⁶ Там же. Д.143. Л. 39.

⁴⁹⁷ Там же. Д.144. Л. 137.

здесь масштабного жилищного строительства. В связи со значительным увеличением рабочей силы за годы войны, дефицит жилья в регионе стал весьма ощутим. К примеру, в период войны в районах турбинного и станкостроительного заводов г. Свердловска был размещен целый ряд крупных промышленных предприятий. Концентрация производственных мощностей и жилых поселков в данном месте сформировала крупный промышленный центр – Куйбышевский район, в который вошли следующие предприятия с рабочими поселками: Уралэлектроаппарат, завод № 14, завод им. Калинина, паровозовагоноремонтный, Уральский Турбомоторный и ряд других предприятий. Существующая система водоснабжения в Куйбышевском районе Свердловска не обеспечивала население района, выросшее за время войны, водой, которой району требовалось в 5 раз больше. Один только разрыв между мощностью водопроводных сооружений и потребностью в воде, по оценке В.И. Недосекина, уже в августе 1948 г. являлся серьезным тормозом дальнейшего роста промышленных предприятий и жилого фонда в районе⁴⁹⁸.

От доступности жилья напрямую зависело выполнение предприятиями региона плановых заданий. В частности, из-за отсутствия рабочей силы, оборудования, площадей Уральский турбинный завод в 1946 г. недодал судостроительной промышленности три (из 5-ти намеченных по плану) турбозубчатых агрегатов и вспомогательных механизмов на 14 млн. рублей, выполнив производственный план на 78% по валовой и на 94% по товарной продукции. По оценке заместителя заведующего отдела машиностроительной промышленности Свердловского обкома ВКП(б) Гразнова, выполнение программы 1947 г. требовало от УТЗ довести численность рабочих 2500 чел. (при наличии 1000 чел.), т.е. на 150%. Для обеспечения приема 1500 новых рабочих завод должен был располагать в 1947 г. дополнительной жилой площадью в 15–18 тыс. кв. м⁴⁹⁹.

⁴⁹⁸ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 44. Д.157. Л.65 – 66.

⁴⁹⁹ Там же. Оп. 43. Д.233. Л. 91–93.

Случалось, что недостаток жилья вынуждал предприятия отказываться от кадрового пополнения. В 1947 г. так поступили в угледобывающих трестах. Например, Егоршинуголь из предоставленных ему 750 человек военнообязанных, мобилизуемых в школы ФЗО, согласился принять только 350 человек и больше принимать отказался. Схожим образом повел себя трест Вахрушевуголь. В результате подобных действий 75 человек из трудовых резервов угольной промышленности были переданы черной металлургии⁵⁰⁰.

До отмены карточной системы нехватка жилья в городах вела за собой и проблемы снабжения питанием населения. Так, в силу недостатка жилплощади на предприятиях Алапаевского металлического куста часть рабочих была поселена за чертой города, а потому иждивенцы и дети этих рабочих оказались лишены продовольствия и хлеба как лица, живущие в сельской местности, хотя сельского хозяйства они, разумеется, не вели⁵⁰¹.

Следует отметить, что удержать от отъезда высококвалифицированные кадры зачастую не удавалось даже за счет обеспечения жильем. Руководство того же УТЗ отмечало: «Наши ИТР обеспечены жильем, но они плохо закрепляются, в основном закрепляются рабочие, которые не имеют жилья»⁵⁰². Уместно предположить, что в случае оттока кадров с Урала в западные районы СССР определяющую роль играли не только материальные факторы. Следует учитывать, что качество жизни в тыловом районе едва ли могло быть много хуже, чем в западных областях, через которые линия фронта прошла дважды (а в случае с Харьковом, куда стремились работники УТЗ – четырежды). В 1945 г. в специальном докладе, подготовленном в Совете по изучению производительных сил АН СССР и посвященного проблемам восстановления западных районов, в части материального обеспечения трудящихся говорилось только о необходимости подготовить «соответствующие массы средств питания, одежды, а также наличие жилищ

⁵⁰⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.234. Л. 95–96.

⁵⁰¹ Там же. Оп. 41. Д.211. Л.16–19.

⁵⁰² Там же. Оп. 43. Д.143. Л. 46.

барачного типа [Выделено мной – М.М.]»⁵⁰³.

Всего, за 1947 г. в промышленности Свердловской области сменилось около 100 тыс. рабочих⁵⁰⁴.

По мнению уполномоченного Госплана СССР по Свердловской области Хомякова, основным фактором, сдерживавшим полное использование производственных мощностей, продолжал являться недостаток рабочей силы, для которой не было жилья. При этом жилищное строительство находилось в самом неудовлетворительном состоянии. Если в 1947 г. надлежало ввести в эксплуатацию 616 тыс. кв. м жилья, то фактически было сдано 273,0 тыс. кв. м, т.е. план был выполнен на 44%⁵⁰⁵.

Причины такого явно неудовлетворительного выполнения плана становятся ясны из специально подготовленной в Свердловском обкоме «Справке о работе черной металлургии области в 1946 г.». Характеризуя жилищное строительство, она сообщала: «В текущем году план индивидуального жилищного строительства по области будет выполнен максимум на 84% (из 780 домов будет введено 656 домов), а по основному жилищному строительству из 92 тысяч кв. м. будет возведено только 64 тысячи кв. м. или около 70 %. *Нужно прямо сказать, что директора предприятий, главки и министерства необходимой заботы не проявляют в вопросах жилищного строительства* [выделено мной – М.М.]. Это важный участок работы на целом ряде заводов пущен на самотек, ни один директор сорвавший план индивидуального и основного жилищного строительства не привлечен к ответственности. Формальный подход Главков и Министерств проявляется и в планировании жилищ на 1947 г.»⁵⁰⁶. Из справки видно, что задачи жилищного строительства в СССР в основном были возложены на Министерства, Главки, заводы и предприятия. В то же время руководители производств, будучи обязаны в первую очередь отчитываться о выполнении плана по своей профильной сфере деятельности, не могли не считать задачи

⁵⁰³ Архив РАН Ф. 174. Оп. 26. Д. 157. Л. 1–11.

⁵⁰⁴ ЦДОСО. Ф.4. Оп. 44. Д.2. Л. 37.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 166.

⁵⁰⁶ Там же. Оп. 41. Д.211. Л.16–19.

жилищного строительства для себя второстепенными, выделяя на них средства, материалы и ту же рабочую силу по остаточному принципу. Такая проблема, вызванная сложностями отраслевого управления, породила своего рода «замкнутый круг»: нехватка рабочей силы требовала ее мобилизации на основном производстве в ущерб жилищному строительству, в то время как недостаточное жилищное строительство вело к оттоку рабочей силы.

Несмотря на решение правительства о развертывании индивидуального жилищного строительства на Урале, Сибири и Дальнем Востоке, то же Министерство черной металлургии запланировало в 1947 г. количество домов меньше, чем в 1946 г. Так, например, Алапаевскому металлическому заводу на 1946 г. было запланировано построить 40 индивидуальных домов, а на 1947 год – только 25 домов; Верх-Исетскому заводу план 1946 г. определял 50 домов, 1947 г. – 25; Серовскому заводу – 40 и 30, соответственно. Для Нижнесергинского и Нижнетуринского заводов строительства жилья не было запланировано вообще. Всего заводы Главуралмета имели планы строительства в 1946 г. 247 домов, а в 1947 г. – только 110 домов⁵⁰⁷.

С учетом того, что в 1948 г. Государственным контролем РСФСР при проверке работы Свердловского городского исполкома было установлено, что ряд работников исполкома предоставляли правительству ложные сведения о культурном, жилищном и коммунальном строительстве (приписки в которых достигали 45%)⁵⁰⁸, уместно предположить, что реальное положение жилищных дел на Урале в некоторых случаях было еще хуже, чем это отражалось в документах.

В контексте проблем удержания квалифицированных специалистов на Урале особенно интересны обстоятельства, побуждавшие их к отъезду из региона – в основном в район Донбасса. В источниках мы неоднократно встречали упоминание о специальном «решении ЦК партии в части

⁵⁰⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д.211. Л.16–19.

⁵⁰⁸ Там же. Оп. 44. Д.3. Л. 152.

запрещения изымать из Урала специалистов»⁵⁰⁹. Тем не менее, только материалы Свердловского обкома ВКП(б) не только содержат многочисленные свидетельства массового отъезда на Юг квалифицированных кадров, но и указывают на попустительское отношение к этому руководителей различных отраслей промышленности как в центре (министерстве), так и на местах (главк, предприятие). В упомянутой выше «Справке о работе черной металлургии области в 1946 г.» следующим образом говорилось о позиции на этот счет руководителей Серовского завода Лукошенко и Гончаренко: « ... в силу приятельских взаимоотношений по разного рода отзывам и вывозам из Главка и Министерства транжируют инженерные кадры завода. Только в этом году были отпущены такие основные работники, как начальник электростанции Воеводин, начальник крупносортного цеха Козулин, зам. Начальника мартеновского цеха Куликов и многие другие. Причем эти люди отпускаются на менее ответственную работу но только на юг. Нужно сказать, что когда у руководителей Серовского завода просили того или иного инженера выдвинуть на более руководящую работу на другие заводы области, обязательно будут доказывать, что его отпустить нельзя, что он нужен самим, в тоже время в “тихую” его отпускают на юг. Так было с Гордоном, которого мы просили начальником прокатного цеха в Н-Салду, так было с Козулиным, которого мы просили зам. Главного инженера в Алапаевск, так стало с Семенко, Куликовым и другими.

О таком неправильном, негосударственном использовании кадров хорошо знает парторг ЦК тов. Степанов, но он не только не наведет в этом деле порядка, но даже сам способствует роспуску кадров с завода. Достаточно сказать, что он только за 10 месяцев снял с партийного учета более 100 человек из которых 70% руководящие кадры»⁵¹⁰.

Схожим образом действовал и директор Богдановичского

⁵⁰⁹ См., напр.: ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.143. Л. 95; Там же. Оп. 43. Д. 144. Л. 5.

⁵¹⁰ Там же. Оп. 41. Д.211. Л.16–19.

огнеупорного завода Бондаренко. Он по разного рода просьбам Главгонеупра в течение года (с мая 1945 г. по май 1946 г.) отпустил 10 инженеров, занимавших руководящие должности главного механика ОКСа, главного механика завода, начальника технического отдела завода, начальника сушильного цеха, главного инженер ОКСа и т.д. «и наконец, до того наотпускался, что нет на заводе не механиков ни основных начальников цехов»⁵¹¹.

Директор Новотагильского металлургического завода Вайсберг после войны отмечал: «Мы продолжаем получать от Министерства требования об откомандировании инженеров и техников»⁵¹².

Аналогичная ситуация наблюдалась и в других отраслях. В 1947 г. Главный инженер Челябэнергo Русинов, отмечал, что на Юге в 3 раза, а в Центре в 2 раза больше специалистов, чем на Урале. Решение проблемы Русинов видел в прекращении резвакуации ценных специалистов: «пускай они едут по вольному найму, не следует давать им подъемные»⁵¹³. Русинову возражал сотрудник Челябинского обкома ВКП(б) Остроущенко: «Выступая здесь т. Русинов говорил, что Министерство занимается политикой отзыва кадров с Урала. Нужно сказать, что руководство Челябэнергo так же потворствовало этой практике. Мы имели такие случаи, когда руководство имеет желание отпустить работника, но не отпускает до тех пор, пока не получено указание от Министерства, только чтобы было отмечено, что такой то работник был отозван по указанию Министерства, а не с согласия системы»⁵¹⁴.

И всё же, давление отраслевого руководства в плане отвлечения кадров с Урала было весьма ощутимо. Справедливость требует заметить, что в значительной части случаев оно выражалось в форме поддержки желания самих работников. Директор Челябинской ТЭЦ Комаров отмечал на этот счет: «Нужно сказать, что нет такого предприятия в смысле кадров, где

⁵¹¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д.211. Л.16–19.

⁵¹² Там же. Оп. 43. Д.143. Л. 95.

⁵¹³ Там же. Д.144. Л. 158.

⁵¹⁴ Там же. Л. 208.

большая прослойка руководящих кадров состоит из эвакуированных со станций юга, Центральной России и все эти товарищи стараются как бы скорее освободиться. В результате победы красной армии эти товарищи начали тянуть на юг, причем всякими способами, вплоть до того, что оставили там родных или сразу поднялись болезни. [...] Это с одной стороны, с другой бомбардировали МЭС телеграммами и письмами, сплошной истерикой, доходили до ЦК и мы оттуда имели очень много писем и предложений по отношению отпуска специалистов на юг»⁵¹⁵.

Исходя из этого, предложение заместителя Министра электростанций Харитонову решить проблему, установив такой «порядок, что разрешение на отъезд с предприятий Урала может выдаваться только руководством Министерства»⁵¹⁶, было либо весьма наивным шагом, либо проявлением желания закрепить за министерством возможность перемещать кадры из одного региона в другой.

Таким образом, в ситуации с оттоком кадров с Урала на Юг, в СССР образовался своего рода «треугольник»:

- 1) центральное правительство, на уровне ЦК и Совета министров различными способами стремившееся закрепить кадры на Урале;
- 2) отраслевые министерства, систематически эти кадры с Урала перемещавшие;
- 3) местный обком, боровшийся с этим оттоком.

Такое положение вещей было вызвано восстановлением промышленности в освобожденных от оккупации районах, в первую очередь, Донбасса. Еще в 1944 г., после освобождения региона, было принято решение не только о полном восстановлении довоенной металлургии Донбасса, но и о поднятии ее на уровень, предусмотренный довоенными планами развития промышленности Украины – так, как если бы она не была оккупирована⁵¹⁷. Это приводило к тому, что, желая иметь хорошие

⁵¹⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.144. Л. 174–175.

⁵¹⁶ Там же. Л. 44.

⁵¹⁷ Архив РАН. Ф. 666. Оп. 1. Д. 50. Л. 15–26.

показатели по выполнению планов краткосрочного характера (восстановление Донбасса), министерства принялись выполнять их в ущерб долгосрочным интересам государства (сдвиг индустрии на восток), не останавливаясь при этом перед нарушением постановлений ЦК и Совета министров. Это также одна из характерных черт советской командной экономики того периода.

Следует отметить, что решение этой проблемы пришлось взять на себя областной партийной организации. В 1947 г. В.И. Недосекин был вынужден: «Дать предложения директорам предприятий, секретарям партийных организаций, городских и районных комитетов партии по вопросам улучшения работы с кадрами, зависящим от министерства, с тем, чтобы мы могли их проработать и поставить перед ЦК партии ряд вопросов, о пороках имеющих место, а также ряд положений по дальнейшему улучшению работы с кадрами в отношении зарплаты, взаимоотношений с Министерствами и главками и ряд других вопросов»⁵¹⁸.

Еще одним решением кадрового вопроса могло стать привлечение рабочей силы из других регионов. Представители промышленности, среди них администрация Новотагильского металлургического завода, прямо заявляли, что для покрытия кадровой убыли им «Нужен источник комплектования из Центральной России»⁵¹⁹. Осуществить это было довольно-таки затруднительно, особенно с учетом восстановления промышленности в западных районах. Отметим, что проект послевоенного Генерального хозяйственного плана на 1951–1970 гг. (готовился в 1946–1949 гг.), в части перемещения населения по регионам не предусматривал каких-либо переселений на Урал, равно как изъятия населения с Урала⁵²⁰. Тем не менее, в 1946–1947 гг. вербовка на Урал неквалифицированной рабочей силы в деревне была довольно успешной. Этому успеху способствовал неурожай в СССР 1946–1947 гг. Благодаря последовавшим за этим трудностям,

⁵¹⁸ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.143. Л. 103.

⁵¹⁹ Там же. Л. 96.

⁵²⁰ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96 сч. Д. 1387. Л. 19–20.

уральским предприятиям успешно удавалось вербовать в больших количествах рабочую силу в Курской, Тамбовской и Рязанской областях⁵²¹.

Проблема оттока кадров возникала и в случае подготовки квалифицированных рабочих и ИТР из местных жителей. За годы войны системой производственно-технического обучения только Свердловской области было подготовлено более 450 тыс. квалифицированных рабочих, в 1945 г. – 180 тыс., а в 1947 г. – 187 тыс. рабочих. В это же время, в 1946 г., с предприятий области ушло 93,3 тыс., а в 1947 году – примерно 100 тыс. человек⁵²².

Впрочем, система набора и распределения учащихся ремесленных училищ и ФЗО в регионе была организована на слабом уровне. В начале 1948 г. секретарь Нижне-Салдинского горкома ВКП(б) Винокуров отмечал на этот счет: «Мы в Салде мобилизуем людей, посылаем в РУ и школы ФЗО, они кончают эти учебные заведения, их отправляют в другие районы, затем в Салду привозят из Мордовии Татарии и т.д. И когда окончивших эти учебные заведения начинают посылать, у нас стоит стон-стоном, есть старушки, старики, которые теряют последнего своего кормильца, мы их разлучаем»⁵²³.

Руководители промышленности Урала также поднимали вопрос о некорректном распределении молодых специалистов – выпускников уральских ВУЗов (в основном УПИ). В частности, на Межобластном совещании энергетиков Урала в 1947 г. управляющий Уралэнерго Маринов заявлял: «Нас совершенно не снабжает кадрами УИИ, хотя здесь имеется специальный факультет – энергетический. Куда идут эти кадры не знаю, может быть их посылают в Москву, Иваново, Ленинград? Мы – Уральская система этих кадров не получаем»⁵²⁴. Ему вторил главный инженер Егоршинской ГРЭС Тюленев: «У нас имеется здесь в Свердловске Индустриальный институт. Я ежегодно принимаю у себя студентов старших

⁵²¹ ЦДОСО. Ф.4. Оп. 43. Д.140. Л. 143.

⁵²² Там же. Оп. 44. Д. 2. Л. 87–88.

⁵²³ Там же. Д.3. Л. 7.

⁵²⁴ Там же. Оп. 43. Д.144. Л. 53.

курсов – они у меня проходят практику. Я говорю – оставьте мне хоть двух человек, обещают, люди приходят на практику, уходят. [...] Не дают специалистов молодых, куда же деваются молодые специалисты которые кончают Инд. Институт. У студентов окончивших институт неправильная установка устроится где-нибудь и не работать по специальности»⁵²⁵.

Впрочем, материалы распределительных книг УПИ показывают, что энергетики преувеличивали проблему (См. Таблицу 55).

Таблица 55

**План распределения молодых специалистов, окончивших
энергетический факультет УИИ в 1946 г. по экономическим районам
СССР**

	Урал	Юг	Западная Сибирь	Казахстан	Средняя Азия	Всего
человек	23	6	3	2	2	36
%	63,8	16,6	8,3	5,6	5,6	100

Расчеты автора по: ГАСО. Ф. р227. Оп. 4. Д. 1943. Л. 23–28.

Из приведенных данных видно, что из выпуска энергетического факультета 1946 г. (последний на момент речи Маринова) большая часть специалистов осталась на Урале, а «в Москву, Иваново, Ленинград» не был направлен ни один.

Тем не менее, отток молодых специалистов с Урала действительно имел место (См. Приложение 22). Однако значительным он был только в 1944–1945 гг., после освобождения Донбасса. Тогда на Урале осталось только 47% выпускников, и почти такое же количество – 43% были отправлены на Юг. Однако, уже с 1946 г. доля оставшихся на Урале выпускников УПИ заметно превысила довоенные показатели (52% в 1940 г., См. Приложение 23) и вплоть до 1953 г. колебалось в диапазоне 70–80%. При

⁵²⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д.143. Л. 82.

этом большая часть оставшихся специалистов направлялась в экономически связанные с Уралом районы Сибири и Казахстана.

В этом вопросе примечательны результаты сравнения материалов распределения выпускников УПИ с аналогичными данными по Свердловскому горному институту (*См. Приложение 24*). Так, согласно нашим подсчетам, накануне войны, в 1940 г., только 52% выпускников Политехнического института были оставлены на предприятиях Урала; 31% получили направления в западные районы страны (в основном в Донбасс), оставшиеся 16% – в восточные; аналогичная статистика по Горному институту – 42%, 21% и 37%, соответственно⁵²⁶.

К концу войны выпуски 1945 г. были распределены на Урал, в западные и восточные районы следующим образом: Политехнический институт – 48%, 48% и 4%; Горный институт – 76%, 22%, 2%. Для первого года 5-й пятилетки (1951 г.) характерны уже несколько иные цифры: Политехнический институт – 68%, 8% и 24%; Горный институт – 44%, 3%, 51%.

Данная статистика, по нашему мнению, ясно свидетельствует о трудностях последовательной реализации региональной политики в части задачи выравнивания уровней экономического развития западных и восточных регионов СССР. Мы видим, что еще до войны имело место изъятие молодых специалистов из Уральского региона в другие районы страны. При этом используемые в развитых отраслях промышленности специалисты-«политехники» отправлялись, по большей части, в старые индустриальные районы на западе, в то время как специалисты в области геологоразведки и горнодобывающей промышленности направлялись, преимущественно на восток. После 1945 г., когда огромное количество молодых специалистов уехало на запад для восстановления экономики

⁵²⁶ Здесь и далее рассчитано автором по: ГАСО Ф. р227. Оп. 4. Д. 1943. Л. 78–80; 23–28; Д. 1944. Л. 3–6; 23–24; 38–40; 72–73; Д. 1947. Л. 16–22; Д. 1948. Л. 67–74; 91–96; 113–121; 141–146; 164–165; 175–178; Д. 1949. Л. 10–14; Д. 1950. Л. 68–88; Д. 1953. Л. 7–12; Д. 1952. Л. 61–90; Д. 1951 Л. 44–58; Д. 1954. Л. 98–162; Д. 1956. Л. 3–6; Д. 1958. Л. 116–153; Д. 1959. Л. 27–73; Ф. р1151. Оп. 1. Д. 149. Л. 35–47 об.; Д. 228. Л. 53–67; Д. 387. Л. 20; 125–140; 118–195.

разрушенных районов, ситуация начала выравниваться. Доля оставшихся на Урале выпускников-«политехников» стабильно возрастала, при этом всё большее их количество отправлялось в экономически связанные с Уралом районы востока. Тем не менее, Горный институт заметно опережал Политехнический институт по количеству отправленных на восток специалистов. Специфика распределения выпускников ведущих уральских вузов наглядно отразила углубление сложившегося в годы первых пятилеток разделения труда между западной (преимущественно обрабатывающей) и восточной (преимущественно сырьевой) макрizonaми СССР. Это свидетельствовало о том, что сталинской «командной» экономике не удалось преодолеть стихийно складывающихся диспропорций в региональном развитии и сохранить устойчивую тенденцию индустриального сдвига на восток.

Таким образом, приведенный выше материал позволяет констатировать, что в случае закрепления рабочей силы на Урале целый ряд проблем, сопровождавших функционирование позднесталинской командной экономики, проявил себя в полной мере.

При выполнении Постановления Совета министров СССР от 25 августа 1946 г. обнаружилась ведомственная несогласованность, сумевшая привести к перекосу баланса рабочей силы и оттоку ее из одних отраслей промышленности региона в другие. Интересы ведомственной отчетности тормозили строительство жилья в регионе, что также способствовало оттоку трудящихся. Нацеленность ведомств, в первую очередь, на выполнение своих текущих производственных планов (восстановление Донбасса) и здесь приводило к «краткосрочной максимизации затрат» и перемещению министерствами своих квалифицированных кадров со строек Урала на Юг, даже в обход решений ЦК и Правительства.

Решению же названных проблем вынужденно пришлось заниматься региональному партийному руководству, координируя действия ведомств в

этих вопросах, и отстаивая экономические интересы региона перед центральным правительством.

В заключение следует отметить, что, несмотря на названные проблемы, региональным властям в целом к концу V пятилетки удалось решить проблему кадрового голода и увеличить количество рабочей силы в регионе в среднем в 2 раза в сравнении с довоенным (См. *Таблицу 52*), хотя такое увеличение количественных показателей в значительной степени нивелировалось ухудшением качества рабочей силы, происходившем из-за замещения выехавших высококвалифицированных специалистов малоопытными, спешно подготовленными кадрами.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что после Великой Отечественной войны политика центральных властей в отношении индустриального Урала претерпела некоторые весьма *существенные* изменения. В 1930-е гг., в период реализации первых пятилетних планов, повышенное внимание к Уралу в региональной экономической политике СССР было обусловлено тем, что создание здесь мощного промышленного комплекса позволяло добиться, по крайней мере, трех совпадающих в территориально-экономическом аспекте стратегических целей:

Во-первых, реализовать доктринальные цели «социалистической» политики размещения производительных сил, заключающиеся в более равномерном распределении промышленности по территории с приближением ее к источникам сырья и топлива;

Во-вторых, сформировать мощный комплекс тяжелой индустрии (вторая угольно-металлургическая база Урало-Кузбасса), способный обслуживать обширные пространства востока СССР, выступать в роли опорного плацдарма для индустриализации Сибири и Дальнего Востока;

В-третьих, создать в «эшелонированной» системе организации экономики СССР мощный и относительно автономный военно-индустриальный регион, способный в случае войны выступать в роли стратегического тыла.

В обобщенном виде это триединство целей сформировало т.н. идеологию индустриального «сдвига на восток», в котором Урал должен был играть решающую роль. В период позднего сталинизма (1945–1953 гг.), в результате сложных восстановительных процессов, единство этих стратегических целей на Урале подверглось известному рассогласованию, ряд функций региона в системе советской региональной политики был утрачен, хотя ее официально декларируемые цели в отношении Урала,

«социалистические» принципы размещения производительных сил пересмотру не подвергались. И хотя в данном исследовании мы, по установившейся историографической традиции, используем для характеристики экономической системы СССР в указанный период термин «сталинская командная экономика», выстраивавшаяся в 1945–1953 гг. *практика* региональной экономической политики на Урале позволяет обоснованно считать «командность» экономики СССР, ее жесткую централизацию и директивность явно преувеличенными и не вполне точными характеристиками.

Несмотря на то, что Великая Отечественная война, стянула на Урал многие эвакуированные предприятия и усилила промышленный потенциал региона, уральская индустрия к 1950-м гг. все более превращалась в базу послевоенного экономического восстановления западных районов СССР, переключаясь в плане специализации на снабжение европейского Центра страны сырьем и полуфабрикатами.

Это нашло свое выражение в специальном правительственном постановлении № 1869-729 от 2 ноября 1948 г., запрещавшем строительство новых энергоемких предприятий в районах Урала, что напрямую препятствовало комплексному развитию в регионе обрабатывающей промышленности, созданию здесь самодостаточного и всесторонне развитого территориально-промышленного комбината.

Развитие существующих отраслей уральской промышленности в 1945–1953 г. осуществлялось неравномерно. Среди прочего, это выражалось в медленных темпах развития машиностроения и металлообработки в сравнении с другими отраслями индустрии. Это приводило к падению доли высокотехнологичных отраслей индустрии как внутри Уральского промышленного региона, так и падению удельного веса Урала в общесоюзной экономике по этим показателям. При этом, названная динамика, наметившись в ходе IV пятилетки (что объяснялось необходимостью восстановления западных районов), с удвоенной силой

получила развитие в годы выполнения V пятилетнего плана, что, безусловно, демонстрировало тревожную тенденцию.

В числе послевоенных черт развития Урала, идущих в разрез с официальной доктриной равномерного и комплексного размещения производительных сил СССР, было его участие в межрайонных экономических связях. В частности, *de facto* к 1950-м гг. Урал так и не стал «индустриальным трамплином» освоения восточной части СССР, отправляя более двух третей своей высокотехнологичной продукции (машиностроение и металлообработка) в западные, а не восточные районы СССР. То есть, несмотря на официальные установки, экономический организм страны стихийно стремился к территориальной «самоорганизации» скорее по взаимодополняющему, чем взаимозаменяющему признаку.

Таким образом, несмотря на попытки центрального правительства сохранить тенденцию «восточного сдвига», выразившиеся в подготовке Госпланом во второй половине 1940-х гг. долговременных планов по освоению восточных территорий на 15–20 лет, в послевоенное время имело место усиление черт «периферийности» в развитии Урала. Этот эффект выражался в том, что, с одной стороны, Урал стал более плотно интегрироваться с экономикой Европейской части СССР, но, с другой, это достигалось за счет «утяжеления» его индустриальной структуры с явной тенденцией профилирования в качестве ресурсной периферии Центра. На этом фоне связи Урала с восточными регионами, наоборот, слабели, в связи с чем контраст разделения между западной (развитой) и восточной (ресурсно-сырьевой) макрореонами СССР становился еще резче. Эта проблема, в полный рост заявившая о себе в 1960-е – 1980-е гг., стала отчетливо выявляться – в противовес идеологии «восточного сдвига» – именно в изучаемый нами период.

Комплекс исследованных источников позволяет нам заключить, что такое положение вещей было во многом следствием сложившейся в 1930-е гг. централизованной ведомственно-отраслевой системы управления

советской экономикой. Многочисленные отраслевые министерства и ведомства, осуществляя контроль и управление народным хозяйством Советского Союза, были склонны игнорировать территориальный фактор размещения производства, ориентируясь на повышение общесоюзных показателей в целом.

Последнее, как ни странно, было своеобразным проявлением фактора экономической эффективности. Несмотря на официальные заверения советского руководства о приоритете «социалистических принципов размещения промышленности» над «чисто буржуазными» экономическими принципами конкурентоспособности и прибыльности инвестиций, в реальности в послевоенном СССР экономические соображения в такой же степени имели преимущество над политическими установками – хотя пробивали себе дорогу в основном стихийным и часто скрытым образом. Логика здесь состояла в том, что пятилетние и годовые планы требовали от советской промышленности, в первую очередь, роста конкретных показателей по выплавке стали, чугуна, производства проката и т.д. В этом случае, при подготовке отчета правительству аппарату того или иного народнохозяйственного министерства было, по сути, все равно, *где и как* именно будет произведена эта продукция. Как следствие, ряд перспективных наработок по освоению востока и севера страны дезавуировался в пользу центров уже существующих производств. Ярким примером последнего является судьба Урало-Печорского проекта.

Органы центрального правительства осознавали эту проблему. Периодически Госпланом СССР (особенно после 1949 г.) предпринимались попытки ее решения. Однако такие поползновения зачастую сводились к попыткам административного нажима на министерства и ведомства, стремлению Госплана обязать их уделять большее внимание комплексному развитию отдаленных экономических районов, в т.ч. Урала. Нам не удалось обнаружить свидетельств, которые позволяли бы говорить об эффективности таких попыток. Более того, архивные материалы говорят о неспособности

Госплана в данный исторический период оказывать серьезное воздействие не только на профильные министерства, но даже на собственные отраслевые отделы. Материалы архивов свидетельствуют, что в послевоенное время последним неоднократно случалось попадать по влиянию министерств курируемой отрасли. Министерства использовали отделы для обеспечения невмешательства со стороны Госплана в их собственную народно-хозяйственную политику. Борьба с таким положением вещей Госплану мешали трудности послевоенного времени, а именно необходимость в короткие временные промежутки заниматься решением широкого спектра задач по восстановлению разрушенной войной экономики. В таких условиях, особенно до конца 1940-х гг. Госплан не имел обыкновенной физической возможности заниматься планированием экономического развития Урала и прочих экономических районов и уж тем более добиваться осуществления этих проектов. Тем не менее, в начале 1950-х гг. Госплан начинает все чаще обращать внимание на эту проблему. Его отделом территориального планирования анализируются описанные выше проблемы развития Уральского и других экономических районов. В случае с Уралом, это были проблемы энергодефицита в регионе и истощения здесь рудной базы. К концу V пятилетки намечаются тенденции к их решению.

Одновременно с этим, такое положение вещей было понятно органам власти на местах. С конца 1930-х гг. областные комитеты коммунистической партии на Урале, по мере сил, занимались решением проблем межведомственной кооперации. До некоторой степени их действия носили успешный характер, однако, это способствовало сращиванию партийного и государственного аппарата и фактической передаче функций государственных учреждений партийным органам. При этом партийные функции обкомов зачастую отходили у его руководства на второй план в сравнении с проблемами управления экономикой своих регионов.

Тем не менее, в случае Уральского региона, в особенности Свердловского обкома ВКП(б), можно уверенно говорить, что местные

партийные органы в максимально возможном размере употребляли свои ресурсы политической власти для решения проблем экономического развития своих областей. При этом обкомы не гнушались идти на конфликты с отраслевыми министерствами, ставя перед ЦК ВКП(б) вопросы о более внимательном отношении со стороны центрального правительства к своим регионам. Одновременно с этим, обкомы скопировали, в масштабах своих регионов, отдельные пороки центрального правительства, выразившиеся в неравномерном внимании со стороны областного центра к экономическому развитию отдельных районов собственной области. В частности, аппарат Свердловского обкома, пристально следя за успехами Тагильского и Серовского районов, игнорировал проблемы Салдинского района своей области.

Следует отметить попытки региональных властей в лице обкомов осуществлять масштабные проекты по территориальной реорганизации экономики не только своих областей, но и близлежащих регионов. Ярчайшим примером такой попытки является, отстаивавшийся Свердловским и отчасти Молотовским обкомами, проект создания Урало-Печорского угольно-металлургического комбината. Последний, фактически, предусматривал реорганизацию всей советской металлургии на востоке. Подразумевая переориентацию промышленности Урала с западно-сибирских углей на воркутинские, он должен был перекроить не только экономику всего Урала, но и оказать непосредственное воздействие на экономическое развитие Сибири.

Более того, в отдаленных от столицы уральских обкомах, на местах, в условиях межведомственного «вакуума власти» часто велось обсуждение по реформированию системы управления промышленностью на периферии. В особенности это характерно для кризисных отраслей индустрии (медная промышленность). Идеи, высказывавшиеся там, имели прямые параллели с народнохозяйственными реформами Н.С. Хрущёва 1950-х гг., и подразумевали «горизонтальное» управление отдельными отраслями

промышленности в рамках отдельных территорий – «министерство Урала». То есть, жесткая ведомственно-отраслевая система управления народным хозяйством, сформировавшаяся в годы сталинизма, парадоксальным образом приводила к фактам реальной автономии отдельных регионов позднесталинского СССР.

Для послевоенной сталинской командной экономики следует отметить такую специфичную черту, как своеобразная конкуренция отдельных советских промышленных районов. В случае с послевоенным Уралом это была традиционная конкуренция с промышленностью Донбасса, унаследованная еще с 1930-х гг. Здесь имели место случаи конкуренции с Украиной перед центральным правительством за капиталовложения, распределение рабочей силы и т.д. Также, с некоторой степенью уверенности, можно говорить о факте конкуренции Урала с ленинградской промышленностью, что имело место при обсуждении в Правительстве упомянутого выше Урало-Печорского проекта.

Большое значение местная инициатива приобретала и на более низком уровне – уровне директоров и управляющих отдельных предприятий. Действия таких руководителей часто имели большое значение при решении проблем, в недостаточной степени проработанных центральным правительством. В частности, именно от действий директора зависела весьма существенная для послевоенного Урала проблема реконверсии – перевода производства на выпуск гражданской продукции. Контрастный пример в этом отношении УЗТМ и Челябинского Кировского завода весьма показателен.

Интересно отметить, что центральному правительству не всегда удавалось контролировать процесс ведения отдельных, чрезвычайно важных для него работ на периферии. Нами были обнаружены свидетельства о значительных организационных проблемах, с которыми на протяжении второй половины 1940-х гг. сталкивалось Первое главное управление при Совете Министров СССР во время подготовки на Урале инфраструктуры (в

части энергетики), необходимой для осуществления здесь Атомного проекта. Сама необходимость создания специальных «надведомственных» органов для выполнения атомной программы (I-е и II-е Главные управления при СМ СССР) весьма красноречиво характеризует проблемы функционирования институтов экономического управления в послевоенном СССР. Более того, несмотря на предпринятые меры, трудности, обусловленные издержками отраслевого принципа управления, проявили себя даже здесь. В частности, нами были выявлены факты саботирования мероприятий Атомного проекта на Урале органами Министерства электростанций и Министерства внутренних дел.

Другой стороной реализации Атомного проекта являлись его последствия для дальнейшего экономического развития территорий в местах его осуществления. В случае с Уралом это были проблемы комплексного развития региона. Атомный проект, отвлекая большую часть уральских энергоресурсов и квалифицированных кадров, затормозил дальнейшее развитие здесь машиностроения и других обрабатывающих производств, что, как отмечалось выше, на долгое время «профилировало» экономику Урал под производство сырья и полуфабрикатов. Это демонстрирует большую чувствительность сталинской командной экономики к внешним и экстраординарным факторам, вторгающимся в структуру производства.

Выполненное исследование показывает, что позднесталинская региональная политика и командная экономика представляли из себя не столько жесткую, тоталитарную систему управления, где все нити руководства экономикой были сосредоточены в центре, сколько чрезвычайно сложный конгломерат управленческих структур различного уровня. Это были и Совет Министров, и Госплан, и отраслевые министерства и Правительства Союзных Республик, и обкомы и даже Академия наук СССР. Все эти структуры при помощи чрезвычайно сложных и запутанных механизмов занимались управлением и развитием советской экономикой, делая это подчас успешно и создавая подчас при этом множество новых

структурных проблем и «узких мест». Все это в полной мере проявило себя на Урале, что и было показано в настоящем исследовании.

Таким образом, исследователь считает возможным назвать достигнутой заявленную в диссертации цель выявления направлений, содержания и результатов региональной экономической политики руководства СССР в отношении индустриального Урала в период позднего сталинизма (1945–1953 гг.). Вместе с тем, это, безусловно, не отменяет дальнейших перспектив научной разработки данной темы.

По-нашему мнению, продолжение работ данного направления должно, среди прочего, сводиться:

- к более подробному анализу различных вариантов Генеральных планов развития народного хозяйства СССР 1930-х – 1940-х гг., их сравнению, изучению эволюции высказанных в них проектировок в отношении Урала и связанных с ним регионов;

- к детальному исследованию процессов реэвакуации оборудования с Урала на Запад СССР в 1942–1945 гг., с последующим, более точным, выяснением последствий такой реэвакуации для областей Урала;

- к уточнению отдельных моментов в части реконверсии военной промышленности Урала в 1940-х гг. В частности, в таких уточнениях и дополнительном изучении нуждаются выявленные нами, предпринятые еще в 1943 г., попытки отдельных министерств добиться снятия со своих предприятий обязательств по военным заказам. Необходимо изучить вопросы организации реконверсии (или попыток такой организации) на общесоюзном, ведомственном и региональном уровнях;

- к сбору статистических данных о распределении германских трофеев и репараций по отдельным экономическим районам СССР (в т.ч. Уралу) и влиянию такого распределения на дальнейшее промышленное развитие Урала. В настоящем исследовании мы, в той или иной степени, изучили, в региональном разрезе, распределение репараций относительно пяти (из 68!)

министерств. Дальнейшая работа в этом направлении, безусловно, будет способствовать уточнению результатов нашего исследования;

– к изучению взаимосвязей между региональными инициативами в части реформирования народнохозяйственного управления указанного периода с последующими масштабными экономическими реформами Н.С. Хрущева 1950-х гг., что позволит объяснить ряд вопросов политического развития СССР в последующий «хрущевский» период, доказать или опровергнуть его преемственность с предшествовавшей ему «сталинской» эпохой.

Научная работа в изложенных направлениях будет требовать долговременной работы с материалами различных архивов (в особенности центральных). Для нее потребуется внушительное аналитическое и методологическое сопровождение. Тем не менее, работа в этом направлении будет способствовать заполнению «белых пятен» в истории отечественной региональной политики. При этом настоящее исследование является одним из первых шагов в таком направлении.

Список использованных источников и литературы

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

1.1.1. Материалы архивов

1. Государственный архив Российской Федерации.
Ф. р5446. Совет Министров СССР.
Ф. р-9437. Советская военная администрация в Германии.
2. Российский государственный архив социально-политической истории.
Ф. 82. В.М. Молотов.
Ф. 17. ЦК КПСС.
3. Российский государственный архив экономики.
Ф. 4372. Госплан СССР.
Ф. 7964. Министерство электростанций СССР.
Ф. 8243. Министерство тяжёлого машиностроения СССР.
4. Архив Российской академии наук.
Ф. 174. Совет по изучению производительных сил АН СССР.
Ф. 488. Совет по проблеме водного хозяйства АН СССР.
Ф. 666. Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны.
5. Государственный архив Свердловской области.
Ф. р-241. Свердловская областная плановая комиссия.
Ф. р-227. Уральский политехнический институт им. С.М. Кирова.
Ф. р-1151. Свердловский горный институт им. В.В. Вахрушева.
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области.
Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС.

7. Объединённый государственный архив Челябинской области.
Ф. 288. Челябинский областной комитет КПСС.
8. Научный архив Уральского отделения РАН.
Ф. 1. Президиум УрО РАН.
Ф. 17. Институт экономики УрО РАН.
9. Архив Института геологии и геохимии УрО РАН.
Ф.7. Научные материалы АИГГ УрО РАН.
10. Архив музея энергетики Урала.
Собрание документов.
11. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики.
Ф. 1. ЦК Коммунистической партии Азербайджана.

1.1.2. Устные неопубликованные источники (записи интервью)

1. Иоффе Лазарь Соломонович. В 1945–1953 гг. студент УПИ им. С.М. Кирова, инженер Уральского турбомоторного завода. Интервью от 7.XII.2015 г.
2. Старцева Инна Ермолаевна. В 1945–1953 гг. студентка физико-математического факультета УрГУ им. А.М. Горького, сотрудник Института физики металлов УФАН. Интервью от 15.V.2015 г.
3. Тизяков Александр Иванович. В 1945–1953 гг. мастер Уральского завода химического машиностроения, инструктор Свердловского обкома ВЛКСМ, комсорг ЦК ВЛКСМ на Всесоюзной стройке Свердловского завода железобетонных конструкций. Интервью от 18.VII.2015 г.

1.13. Неопубликованные мемуары

1. Иванов Ю.В. Так было. Воспоминания советского инженера. В 2 ч. (рукопись, АМЭУ).

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Сборники документов и материалов

1. Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. – М.: Изд-во МФТИ, 2002–2009.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). В 14 т. – М.: Политиздат, 1970–1984.
3. Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову, 1925–1936 гг. (Сб. документов) / И.В. Сталин. – М.: Россия молодая, 1995. – 304 с.
4. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. – М.: Росспэн, 2002. – 400 с.
5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). В 5 т. – М.: Изд-во политической литературы, 1967–1968.
6. Советская военная администрация в Германии 1945–1949. Деятельность Управления СВАГ по изучению достижений немецкой науки и техники в Советской зоне оккупации Германии, 1945–1949. – М.: РОССПЭН, 2006. – 694 с.

1.2.2. Сочинения лидеров ВКП(б)

1. Ленин В.И. Сочинения. В 33 т. / В.И. Ленин. – М.: Госполитиздат, 1951–1960.
2. Сталин И.В. Сочинения. В 13 т. / И.В. Сталин. – М.: ОГИЗ, 1946–1951.

1.2.3. Нормативно-правовые акты

1. Указ Президента Российской Федерации 2756 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. № 23, 1996. С. 5713–5725.

1.2.4. Материалы конференций

1. Конференция по изучению производительных сил Иркутской области, 4–11 авг. 1947 г. : тез. докл. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 341 с.
2. Материалы конференции по изучению производительных сил Иркутской области, 4–11 августа 1947 г. – Иркутск: ОГИЗ, 1947. – 136 с.
3. Труды конференции по изучению производительных сил Кузбасса. В 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
4. Труды конференции по изучению производительных сил Молотовской области. 26 ноября – 1 декабря 1945 г. Народнохозяйственные проблемы Молотовской области. В 2 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947–1948.

1.2.5. Народно-хозяйственные планы

1. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927 – 1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). – Свердловск: Уралплан, 1927. – 728 с.
2. Государственный план развития народного хозяйства Союза ССР в 1938 г. – М.: Изд-во Госплана СССР, 1938. – 481 с.

1.2.6. Устные опубликованные источники (записи интервью)

1. Куманёв Г.А. Говорят сталинские наркомы / Куманёв Г.А. – Смоленск: Русич, 2005. – 634 с.

1.2.7. Пресса

1. Еженедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек», 1945–1953 гг.
2. Орган ЦК ВКП(б), газета «Правда», 1941–1953 гг.
3. Газета «Уральский рабочий», 1941–1953 гг.
4. Орган Бакинского комитета Азербайджанской коммунистической партии, газета «Вышка», 1941–1953 гг.
5. Орган Бакинского комитета Азербайджанской коммунистической партии, газета «Бакинский рабочий», 1941–1953 гг.

1.2.8. Специальная периодическая литература

1. Известия Академии наук СССР. Серия географическая и геофизическая. 1945–1953 гг.
2. Плановое хозяйство. Политико-экономический журнал Госплана СССР. 1945–1953 гг.
3. Орган Министерства электростанций и электропромышленности СССР и Академии наук СССР, журнал Теплоэнергетика 1945–1953 гг.
4. Электрические станции. Орган министерства электростанций СССР. 1954–1958 гг.

1.2.9. Статистические сборники

1. Народное хозяйство Молотовской области. Статистический сборник. – Молотов: Молотовское книжное изд-во, 1957. – 200 с.

2. Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1957. – 372 с.
3. Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска. Статистический сборник. – Свердловск: Госстатиздат, 1956. – 153 с.
4. Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1956. – 264 с.
5. Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска. Статистический сборник. – Челябинск: Госстатиздат, 1957. – 167 с.
6. Народное хозяйство Челябинской области. Статистический сборник. – Челябинск: Госстатиздат, 1961. – 168 с.
7. Промышленность РСФСР. Статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1961. – 344 с.
8. Промышленность СССР. Статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1957. – 448 с.
9. Угольная промышленность СССР за 50 лет. Статистический справочник. – М.: Минугльпром СССР, 1968. – 768 с.

1.2.10. Опубликованные мемуары

1. Аристов А.Б. Незабываемое / А.Б. Аристов // Урал. – 1981. – №5. – С. 3 – 32.
2. Гусаров Н.И. О тех, кто ковал победу. Из воспоминаний / Н.И. Гусаров // Николай Гусаров. Герой своего времени. Статьи. Воспоминания. Документы. – Пермь: Изд-во Пушкина, 2008. – С. 153–158.
3. Лёвенгаупт Г.С. Расшифровка фотографии. Выявление источников электропитания для атомных комбинатов Урала / Г.С. Лёвенгаупт // Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. – М.: ИРИ РАН, 2016. – С. 517–530.

1.2.11. Географические атласы

1. Атлас СССР. – М.: ГУТК МВД СССР, 1954.
2. Большой советский атлас мира. В 2 т. Т. 2. – М.: ГУТК при СНК СССР, 1939.
3. Схемы железных дорог и водных путей сообщения СССР. – М.: Воениздат, 1943.

2. Литература

2.1. Статьи и монографии

1. Агеев С.С. Metallургическое производство на УЗТМ в 1930-е и в период Великой Отечественной войны (1931–1945) / С.С. Агеев // Модернизационные процессы в металлургии Урала. С. 94–159.
2. Алампиев П.М. Экономическое районирование СССР / П.М. Алампиев. Кн.1. – М.: Госпланиздат, 1959. – 263 с.; Кн.2. – М.: Изд-во экон. литературы, 1963. – 248 с.
3. Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней / В.В. Алексеев, Д.В. Гаврилов. – М.: Наука, 2008. – 884 с.
4. Алексеев В.В., Зубков К.И., Килин А.П., Широгородов В.В. Зарубежный опыт антидепресссионной региональной политики / В.В. Алексеев, К.И. Зубков, А.П. Килин, В.В. Широгородов. – Екатеринбург: Наука, Уральское отделение, 1992. – 96 с.
5. Алексеев В.В., Сапоговская Л.В. Исторический опыт промышленной политики России (краткий научно-практический очерк) / В.В. Алексеев, Л.В. Сапоговская. Екатеринбург: Академкнига, 2000 – 100 с.
6. Антуфьев А.А. Уральская помышленность накануне и в годы Великой отечественной войны / А.А. Антуфьев. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1992. – 336 с.

7. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
8. Артёмов Е.Т. Восточное направление в российской экономической политике XX в.: преемственность приоритетов / Е.Т. Артёмов // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. – С. 18–40.
9. Артёмов Е.Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана / Е.Т. Артёмов // ЭКО. – 2013. – № 1. – С. 151–166.
10. Артёмов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации / Е.Т. Артёмов. – М.: РОССПЭН, 2006. – 256 с.
11. Артёмов Е.Т. Советский атомный проект в системе командной экономики / Е.Т. Артёмов // *Cahiers du monde Russe* 55/3–4. Juillet–Decembre. – 2014. – 267–294 pp.
12. Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Страницы истории Уральского электрохимического комбината / Е.Т. Артёмов, А.Э. Бедель. – Новоуральск, Екатеринбург: СВ-96, 1999 – 352 с.
13. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка / С.А. Баканов. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – 328 с.
14. Бакунин А.В. История советского тоталитаризма / А.В. Бакунин. В 2 Кн. – Екатеринбург: Банк культурной информации. Кн. 1. Генезис. 1996. – 256 с.; Кн. 2. Апогей, 1997. – 225 с.
15. Бакунин А.В., Бедель А.Э. Уральский промышленный комплекс / А.В. Бакунин, А.Э. Бедель. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 160 с.
16. Бакунин А.В., Лебедев В.Э. Региональная научно-техническая политика: проблемы истории / А.В. Бакунин, В.Э. Лебедев. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – 76 с.

- 17.Безансон А. Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы / А. Безансон. – М.: МИК, 2001. – 104 с.
- 18.Белобородов А.А. Закон о плане восстановления и развития народного хозяйства СССР в 1946–1950 гг. и задачи Челябинской областной партийной организации / А.А. Белобородов // Челябинская область в послевоенной пятилетке. – Челябинск: Челябинский рабочий, 1947. – С. 5–28.
- 19.Бжезинский З. Идеология и власть в советской политике / З. Бжезинский. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 127 с.
- 20.Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980 годы) / И.В. Быстрова. – М.: ИРИ РАН, 2006 – 704 с.
- 21.Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны / Н.А. Вознесенский. – М.: ОГИЗ, 1948. – 192 с.
- 22.Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России / Е.Т. Гайдар. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
- 23.Гранберг А.Г., Кистанов В.В., Адамеску А.А. и др. Государственно-территориальное устройство России / А.Г. Гранберг, В.В. Кистанов, А.А. Адамеску и др. – М.:ДеКа, 2003. – 448 с.
- 24.Грегори П., Харрисон М. Распределение в условиях диктатуры: исследование на базе архивного материала сталинской эпохи / П. Грегори, М. Харрисон // Экономическая история: Ежегодник. 2013. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 251–330.
- 25.Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы 1945–1953 гг. / А.А. Данилов, А.В. Пыжиков. – М.: Олма Пресс. 2003. – 319 с.
- 26.Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность / А.Ю. Ермолов. – СПб.: Алетейя, 2013. – 408 с.

27. Ермолов А.Ю. За фасадом сверхцентрализации: влияние борьбы ведомств за конверсию и реконверсию в СССР в середине 1940-х гг. / А.Ю. Ермолов // Экономическая история: Ежегодник. 2013. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 390–402.
28. Ермолов А.Ю. Из Наркомсредмаша в Наркомтанкпром, из Наркомтанкпрома в Минтрансмаш: опыт реформирования управления отраслью / А.Ю. Ермолов // Танкпром-3: презентация проектов. Сборник научных статей. – Нижний Тагил: АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод», 2016. – С. 22–27.
29. Жимерин Д.Г. История электрификации СССР / Д.Г. Жимерин. – М.: изд-во социально-экономической литературы, 1962. – 458 с.
30. Жук А.В. Эвакуация военной промышленности на Урал в годы Первой и Второй мировых войн / А.В. Жук // Урал в стратегии Второй мировой войны. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Екатеринбург. 2000. – С. 98–102.
31. Запарий В.В. Черная металлургия Урала. XVIII–XX вв. / В.В. Запарий. – Екатеринбург, 2001. – 496 с.
32. Запарий В.В. Металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / В.В. Запарий // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2006. – С. 160–195.
33. Запарий Вас.В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы / Вас. В. Запарий. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2015. – 219 с.
34. Зубков К.И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта / К.И. Зубков // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 1. – С. 22–27.
35. Зубков К.И. Геоэкономические основания Урало-Кузбасского проекта / К.И. Зубков // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. – С. 40–56.

- 36.Зубков К.И. Урал в евразийском геополитическом пространстве / К.И. Зубков // Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. – Екатеринбург, 2014. – С. 41–67.
- 37.Зубков К.И. Урал в стратегическом прицеле гитлеровских Люфтваффе / К.И. Зубков // Военная история как фактор патриотического воспитания. Восьмые уральские военно-исторические чтения, посвященные 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Сборник научных статей. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. – С. 177–185.
- 38.Зубков К.И., Килин А.П. Опыт антидепресссионной политики в старопромышленных регионах (на примере Рура) / К.И. Зубков, А.П. Килин // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Мат-лы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.». – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2001. – С. 382–402.
- 39.Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.) / К.И. Зубков, И.В. Побережников. – Екатеринбург: АМБ, 2003. – 93 с.
- 40.Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953 / Е.Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 230 с.
- 41.Изард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах / У. Изард. – М.: Прогресс, 1966. – 660 С.
- 42.История народного хозяйства Урала: в 2 ч. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. Ч. 1: 1917–1945. – 1988. – 251 с.; Ч. 2.: 1946–1985. – 1990. – 256 с.
- 43.История советского Урала 1945–1975. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1983. – 80 с.
- 44.История Урала. В 2 т. Т.2. Период социализма. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1965. – 602 с.

45. Казанский Н.Н. Сборник освоения восточных районов Сибири Николай Николаевич Колосовский / Н.Н. Казанский // География и природные ресурсы. – 2007. – №1. – С. 157–164.
46. Кауфман А.А., Запарий В.В. Очерки истории коксохимической промышленности / А.А. Кауфман, В.В. Запарий. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, 2007. – 210 с.
47. Кирин Ф.Я. Хозяйство Челябинской области / Ф.Я. Кирин. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1978. – 158 с.
48. Колосовский Н.Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината / Н.Н. Колосовский. – М.–Л.: Госоцэкоомиздат, 1932. – 138 с.
49. Колосовский Н.Н. Проблемы территориальной организации производительных сил Сибири / Н.Н. Колосовский. – Новосибирск: Наука, 1971. – 176 с.
50. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования / Н.Н. Колосовский. – М.: Мысль, 1969. – 336 с.
51. Колосовский Н.Н. Уральская область и Башкирская АССР / Н.Н. Колосовский. – М.: Государственное изд-во, 1929. – 62 с.
52. Комар И.В. Урал. Экономико-географическая характеристика / И.В. Комар. – М.: Изд-во АН СССР. – 368 с.
53. Конквест Р. Большой террор / Р. Конквест. – Firenze: Aurora, 1974. – 1064 с.
54. Корнилов Г.Е. Женщины Урала – фронту / Г.Е. Корнилов // Женщина и война. – Екатеринбург: Пакрус, 2000. – С. 157–159.
55. Кравцов В.С. Технический прогресс в отраслях тяжелой индустрии Среднего Урала в 1950-е гг. / В.С. Кравцов. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1984. – 50 с.
56. Кравченко Г.С. Военная экономика СССР 1941–1945 / Г.С. Кавченко. – М.: Воениздат, 1963. – 400 с.
57. Краткий очерк истории Челябинской области. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1965. – 516 с.

- 58.Кржижановский Г.М. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана) / Г.М. Кржижановский. – М. [Изд-во не указано], 1921. 126 с.
- 59.Кржижановский Г.М. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР / Г.М. Кржижановский // Избранное. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 261–305.
- 60.Крючков М.Т. Рабочий класс Урала в послевоенные годы (1946–1958) / Крючков. – Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1988. – 239 с.
- 61.Кузнецов В.Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала / В.Н. Кузнецов. – Екатеринбург: БКИ, 2015 – 440 с.
- 62.Кузнецов В.Н. Немцы в советском атомном проекте / В.Н. Кузнецов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2014. – 271 с.
- 63.Куманёв Г.А. На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938–1945 / Г.А. Куманёв. – М.: Наука, 1976. – 455 с.
- 64.Курлаев А.Е. Заводы Министерства автомобильной промышленности СССР на Урале (1941–1966 гг.) / А.Е. Курлаев // Шестые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 20–21 апреля 2006 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. Т. 1. – С. 103–107.
- 65.Курлаев Е.А. Создание военного производства для обеспечения колонизации Урала и Сибири (конец XVII– первая четверть XVIII вв.) / Е.А. Курлаев // Уральский исторический вестник. – 2009. – №4. – С. 119–128.
- 66.Личман Б.В. Уральская индустрия в экономической политике Советского государства второй половины 50-х – середины 1980-х гг. / Б.В. Личман. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, 2007. – 300 с.
- 67.Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период

- послевоенного восстановления (1946–1953 гг.) / В.Н. Мамяченков. – Екатеринбург: АМБ, 2009. – 235 с.
68. Мельникова Н.В. Феномен закрытого атомного города / Н.В. Мельникова. – Екатеринбург: БКИ, 2006. – 175 с.
69. Михайлов Н.Н. Над картой родины / Н.Н. Михайлов. – М.: Молодая гвардия, 1954. – 448 с.
70. Михеев М.В. Геологические изыскания на Урале в годы позднего сталинизма (1945–1953) / М.В. Михеев // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 нояб. 2015 г.). – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2015. – С. 298–302.
71. Митин М.Г. К истории разработки генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. / М.Г. Митин // Вопросы истории Урала. Вып. 6. – Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1965. – С. 95–113.
72. Моисеев Г.С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.) / Г.С. Моисеев. – Екатеринбург: ПостМодерн, 2003. – 232 с.
73. Мотревич В.П. Военнопленные Второй мировой войны на Урале: численность, состав, размещение / В.П. Мотревич // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 721–735.
74. Мотревич В.П. Новые материалы по истории военнопленных Второй мировой войны / В.П. Мотревич // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. – Екатеринбург, 1992. – С. 85–87.
75. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1995 гг.) / В.П. Мохов. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 2003. – 238 с.
76. Мухин М.Ю. Финансовые взаимоотношения советских ВВС и Наркомата авиационной промышленности СССР в 1941–1945 гг. / М.Ю. Мухин // Российская история. – 2015. – №1. – С. 46–53.
77. Назаровский Б.Н. Западный Урал к 40-й годовщине Великого Октября / Б.Н. Назаровский. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1957. – 118 с.

78. Новосёлов В.Н. Создание атомной промышленности на Урале / В.Н. Новосёлов. – Челябинск: УралГАФК, 1999 – 278 с.
79. Планирование размещения производительных сил СССР. Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. В 2 ч. – М.: Экономика, 1985. Ч.1. – 304 с.; 1986. Ч. 2. – 384 с.
80. Побережников И.В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен / И.В. Побережников // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник. – М.: Новый хронограф, 2013. – С. 246–274.
81. Попов В.Ф. Деятельность партийных организаций по внедрению новой техники, подготовке кадров и развертыванию рациональной работы в Уральской энергосистеме в четвертой пятилетке (1946–1950 гг.) / В.Ф. Попов. – Пермь: Кн. изд-во, 1959 – 43 с.
82. Попов В.Ф. Пермской области 50 лет / В.Ф. Попов. – Пермь: Кн. изд-во, 1989. – 45 с.
83. Попов В.Ф. Развитие индустрии Западного Урала в период развертывания коммунистического строительства / В.Ф. Попов. – Пермь: Знание, 1967 – 30 с.
84. Попов В.Ф. Развитие промышленности Западного Урала в послевоенные годы (1945–1959) / В.Ф. Попов. – Пермь: Знание, 1967 – 25 с.
85. Попов В.Ф. Развитие промышленности Урала на завершающем этапе создания развитого социализма (1951–1961 гг.) / В.Ф. Попов. – Пермь: ПГУ, 1984. – 71 с.
86. Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 386 с.
87. Проблемные регионы ресурсного типа: Экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. – 356 с.

88. Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период. – Свердловск: ИИА УрО РАН, 1992. – 106 с.
89. Пустовалов И.С. О пятилетнем плане развития народного хозяйства Свердловской области в 1946–1950 гг. / И.С. Пустовалов. – Свердловск: ОГИЗ, 1946. – 32 с.
90. Рабочий класс Урала (1937–1975). – Свердловск, 1979. – 160 с.
91. Рассохин В.П. Ведомственность как исторический феномен советской экономики / В.П. Рассохин // Постигание. – М.: Прогресс, 1989. С. 463–471.
92. Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. Документы и материалы. 1932–2002 гг. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 458 с.
93. Саматов В.А. Технический прогресс промышленности Урала в годы четвертой пятилетки / В.А. Саматов // Социалистическое строительство на Урале (сборник статей). – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1957. – С. 244–268.
94. Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика XVIII–XX вв., или Нужно ли России золото? / Л.В. Сапоговская. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 328 с.
95. Сафронов Е.Д., Фадеев А.Д. Первые шаги освоения «Второго Баку» / Е.Д. Сафронов, А.Д. Фадеев // Вопросы истории. – 1970. – №4. – С. 210–211.
96. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920 – 1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление / Н.С. Симонов. – М.: РОССПЭН, 1996. – 336 с.
97. Синёв Н.М. Обогащенный уран для ядерного оружия и энергетики / Н.М. Синёв. – М. ЦНИИАтоминформ, 1991. – 138 с.
98. Султанов Ч.А. Нефть / Ч.А. Султанов. – Баку: Нафта-Пресс, 2000. – 274 с.

99. Супрун Н.М. Особенности развития сталинской модели в послевоенный период / Н.М. Супрун. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 2015. – С. 428–442.
100. Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942-1956 гг.) / Н.В. Суржикова. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2006. – 500 с.
101. Суржикова Н.В. Осужденные военнопленные на Среднем Урале (1949–1956 гг.) / Н.В. Суржикова // Урал индустриальный: Материалы третьей региональной научной конференции. – Екатеринбург, 1999. – С. 84–89.
102. Сушков А.В. Партийно-государственная номенклатура Среднего Урала в 1945–1964 гг.: коллизия власти / А.В. Сушков // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург. 2008. – С. 166–202.
103. Тиунов В.Ф. Западный Урал в послевоенной пятилетке / В.Ф. Тиунов. – Молотов: Молотовское книжное изд-во, 1951. – 80 с.
104. Тиунов В.Ф. Индустриальные пятилетки Западного Урала / В.Ф. Тиунов. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1977. – 520 с.
105. Тиунов В.Ф. Молотовская область в пятой пятилетке / В.Ф. Тиунов. Молотов: Молотовское книжное изд-во, 1953. – 56 с.
106. Тиунов В.Ф. Энергетика Западного Урала. Историко-экономический очерк / В.Ф. Тиунов. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 1968. – 272 с.
107. Толстиков В.С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1988) / В.С. Толстиков. – Челябинск: ЧГИИК, 1998 – 300 с.
108. Урал и Сибирь в сталинской политике / Под. ред. С. Папкова, К. Тэраяма. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 268 с.

109. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры / О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий. – М.: РОССПЭН, 2011. – 231 с.
110. Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты / О.В. Хлевнюк // Отечественная история. – 2007. – № 3. – С. 31–49.
111. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О.В. Хлевнюк – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 455.
112. Хлусов М.И. Развитие советской индустрии 1946–1958 гг. / М.И. Хлусов. – М.: Наука, 1977. – 280 с.
113. Черепанов В.В. Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне / В.В. Черепанов. – М.: Известия, 2006. – 491 с.
114. Чуднов И.А. Планы и реалии послевоенной конверсии / И.А. Чуднов // ЭКО. – 2002. – №11. – С. 160–169.
115. Шубарина Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945–1965 гг. / Л.В. Шубарина. – Челябинск: ИЦ «Уральская Академия», 2011. – 282 с.
116. Шубарина Л.В. Роль танковой и атомной отраслей промышленности в реализации Атомного проекта СССР (1945–1954 гг.) / Л.В. Шубарина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №41. – История Вып. 38. – С. 73–79.
117. Шубарина Л.В. Управленческая элита оборонно-промышленного комплекса Урала (1945–1965 гг.) / Л.В. Шубарина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – №1. в 2 ч. Ч. II. – С. 204–207.
118. Шубарина Л.В. Этапы формирования оборонно-промышленного комплекса Урала на базе ракетно-ядерного производства (1945-1965

- гг.) / Л.В. Шубарина // Вестник военного университета. – 2010. – №1. – С. 87–92.
119. Энергетика Урала за 40 лет / Под. ред. Я.Г. Макушкина. – М.; Л.: Государственное энергетическое издательство, 1958. – 144 с.
120. Эпохи уходят, энергетика остаётся: Пермьэнерго, Свердловэнерго, Челябинэнерго – 70 лет. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012. – 64 с.
121. Якунцов И.А. Рабочий класс Урала в годы Великой Отечественной войны / И.А. Якунцов. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. 168 с.
122. Abouchar A. Economic Evaluation of Soviet Socialism / A. Abouchar. – New York: Pergamon Press, 1979. – 161 pp.
123. Dunmore T. The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–53 / T. Dunmore. – N.Y.: Macmillan Press, 1980. – 180 pp.
124. Grant C.E. A comparison of the war potentials of the U.S. and the U.S.S.R // Information service for officers / C.E. Grant. Vol. IV. № 9. May, 1952. – 74 pp.
125. Harris J.R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System / J.R. Harris. – Ithaca; L.: Cornell University Press, 1999. – 235 p
126. Harrison M. Soviet Planning in Peace and War, 1938–1945 / M. Harrison. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 315 pp.
127. Harrison M. The USSR and total war: Why didn't the Soviet economy collapse in 1942? / M. Harrison // Warwick economic research papers № 603, 2011. – 1–21 pp.
128. Holzman F.D. The Soviet Ural-Kuznetsk Combine: A Study in Investment Criteria and Industrialization Policies / F.D. Holzman // The Quarterly Journal of Economics, Vol. 71, No. 3 (Aug., 1957). – pp. 368–405.

129. Jukes G. The development of Soviet strategic thinking since 1945. Canberra papers on strategy and defense №14 / G. Jukes. – Port Melbourne: Riall Print Pty Ltd, 1972 – 46 pp.
130. Kolarz W. Russia and her colonies / W. Kolarz. – USA: Archon Books, 1967. – 102 pp.
131. Koropecyjk I.S. Industrial Location Policy in the U.S.S.R. During the Postwar Period / I.S. Koropecyjk // Economic performance and the military burden in the Soviet Union a compendium of papers submitted to the subcommittee on foreign economic policy of the joint economic committee Congress of the United States. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1970. – pp. 232–301.
132. Koropecyjk I.S. The Development of Soviet Location Theory before the Second World War / Koropecyjk // Soviet Studies, Vol. 19, No. 1 (Jul., 1967), pp. 1–28.
133. Koropecyjk I.S. Equalization of Regional Development in Socialist Countries: An Empirical Study / Koropecyjk // Economic Development and Cultural Change, Vol. 21, No. 1 (Oct., 1972), pp. 68–86.
134. Nutter W. Industrial Output of the Ukraine, 1913-1956: A Statistical Analysis. by Vsevolod S. Holubnychy / W. Nutter // Journal of the American Statistical Association, Vol. 54, No. 285 (Mar., 1959), p. 319.
135. Regional Economic Development: Essays in honour of François Perroux / Ed. by Benjamin Higgins and Donald J. Savoie / Institut canadien de recherche sur le développement regional. Boston: Unwin Hyman, 1988. 415 pp.

2.2. Диссертации и авторефераты

2.2.1. Диссертации

1. Быстова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны, 1945 - 1964 гг. :Стратегические программы, институты, руководители: дисс. ... докт. ист. наук. / Быстрова Ирина Владимировна. – М., 2001. – 555 с.
2. Потёмкина М.Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуация населения на Урале в 1941–1948 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. / Потёмкина Марина Николаевна. – Челябинск, 2004. – 466 с.
3. Токмякина С.В. Лагерная экономика Урала в позднесталинский период (1945–1953 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. / Токмякина Светлана Витальевна. – Екатеринбург, 2006. – 323 с.
4. Чуриков А.В. Организационно-производственные и социальные проблемы эвакуации и реэвакуации тяжелой промышленности в Челябинской области (1941–1946 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. / Чуриков Артём Владимирович. – Магнитогорск, 2006. – 225 с.
5. Шубарина Л.В. Становление и развитие Оборонно-промышленного комплекса на Урале, 1945-1965 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. / Шубарина Любовь Васильевна. – Челябинск, 2011. – 340 с.

2.2.2. Авторефераты

1. Зорина Р.Ф. Решение партией проблемы размещения на Урале эвакуированных предприятий и населения в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. / Зорина Раиса Фёдоровна. – Челябинск, 1982. – 21 с.
2. Саматов В.А. Борьба партийных организаций Урала за дальнейший технический прогресс в промышленности в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. / В.А. Саматов. – Свердловск, 1958. – 16 с.

Приложения

Приложение 1

Центры черной металлургии России в 1917 г.

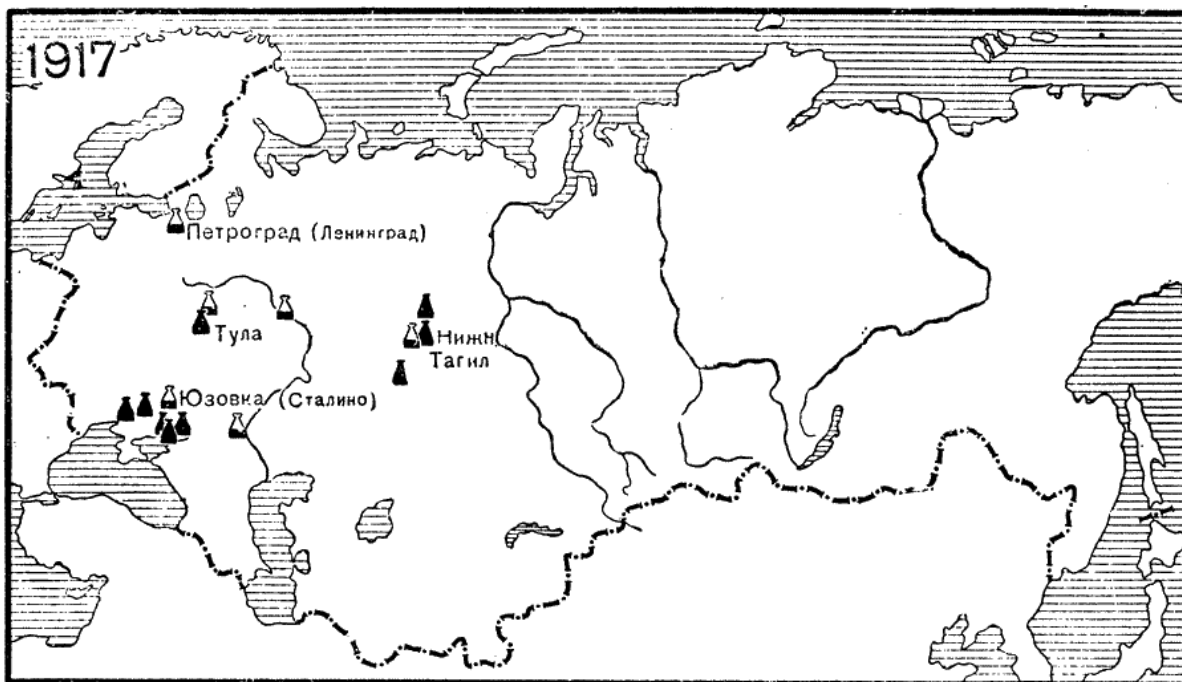
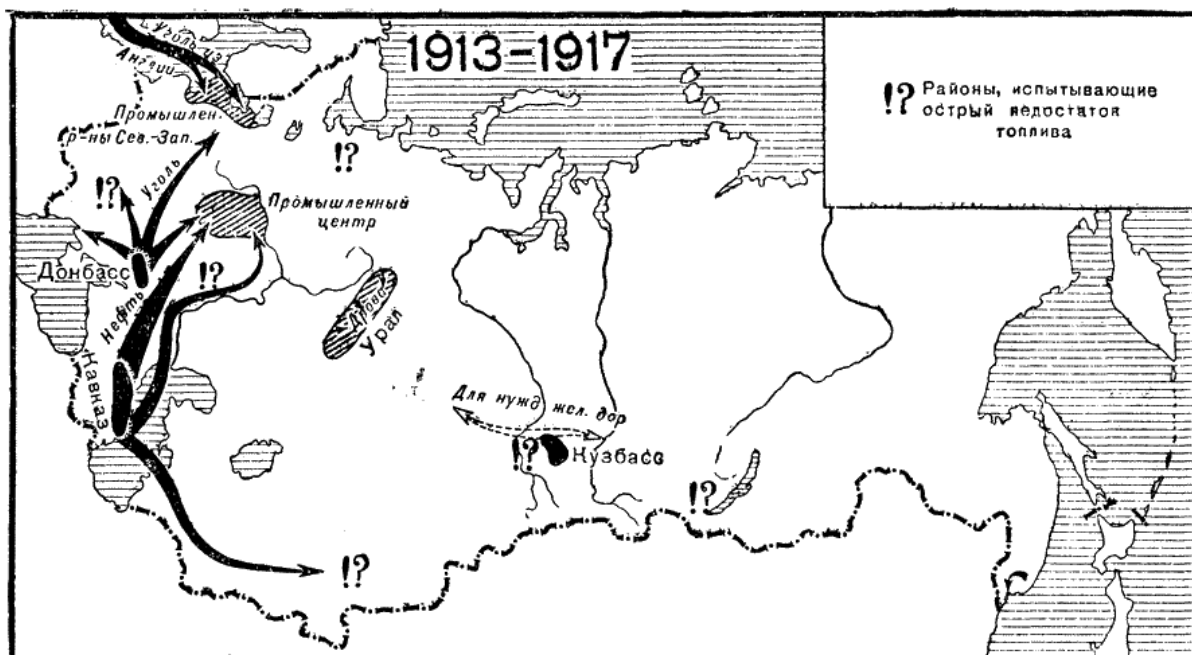
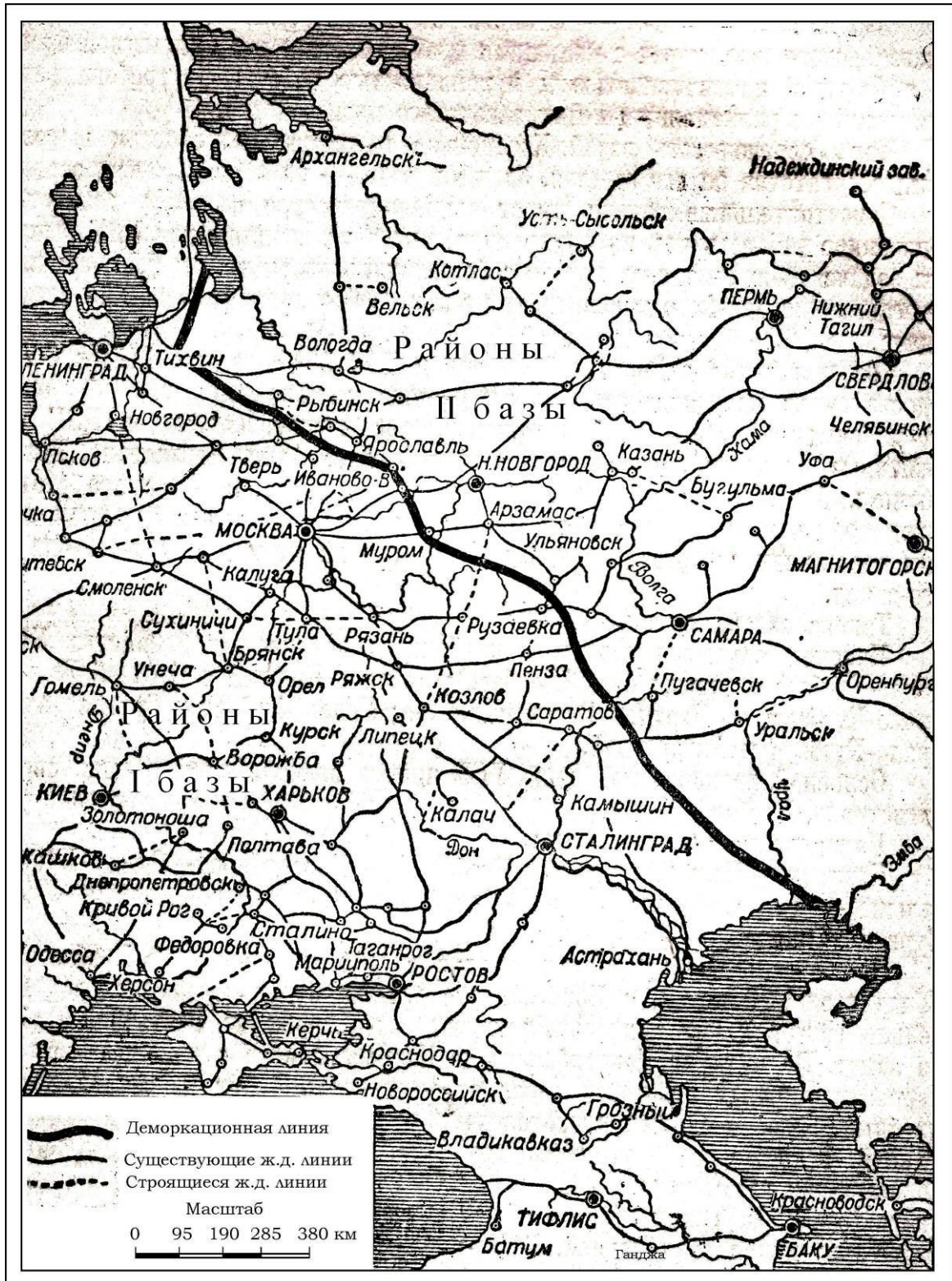

Схема подвоза топлива для нужд русской промышленности в 1917 г.

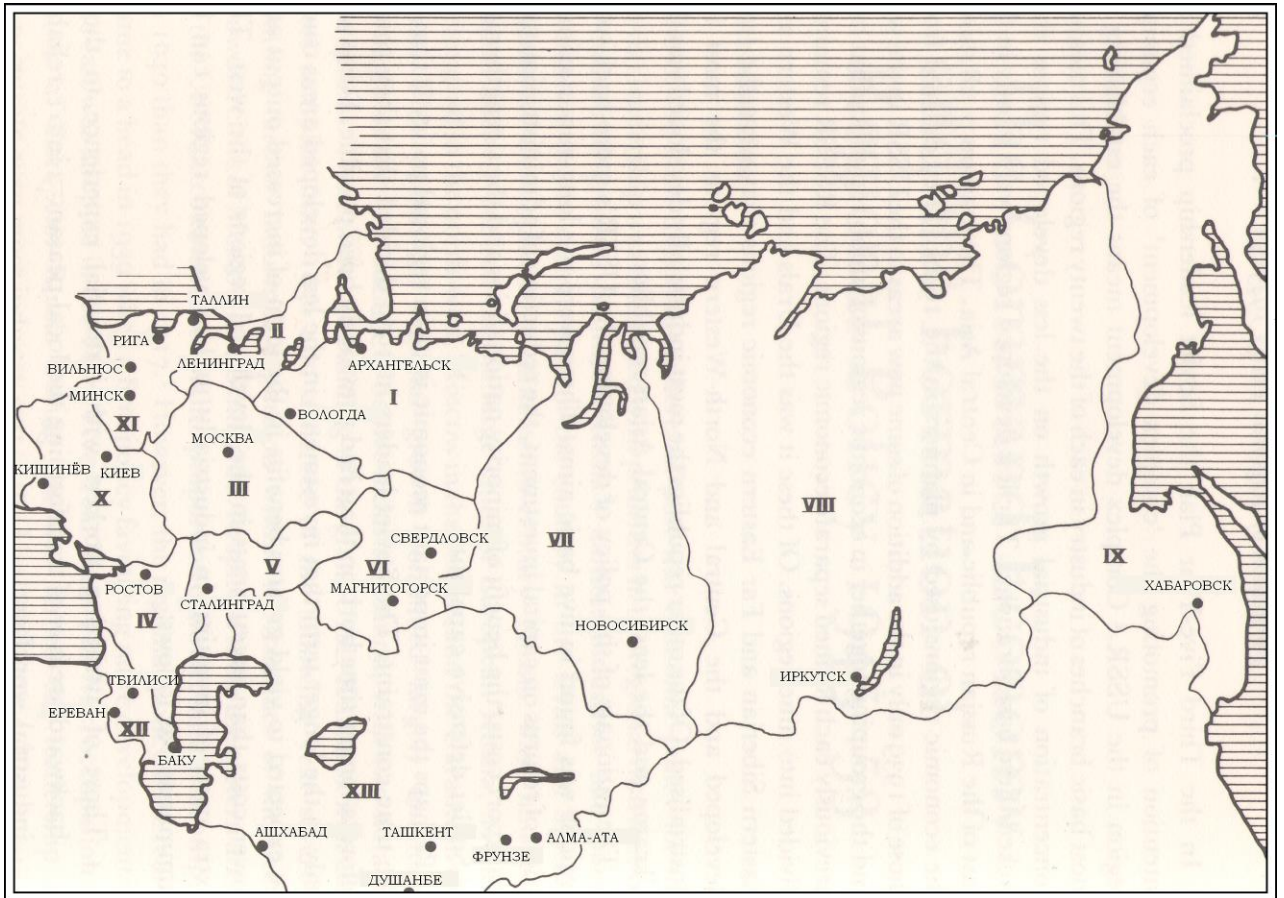

Две угольно-металлургические базы СССР и предполагаемая демаркационная линия между ними

Источник: Колосовский Н.Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М.—Л., 1932
С. 67.

Экономические районы СССР в IV–V пятилетках

В 1938 г., в соответствии с III пятилетним планом территория РСФСР была разделена на 9 экономических районов:

I – Европейский Север:

Коми АССР, Карельская АССР, Архангельская, Вологодская, Мурманская области.

II – Северо-Запад:

Ленинградская, Калининская, Смоленская области

III – Центр:

Московская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Рязанская, Тульская, Ивановская, Ярославская, Горьковская области и Мордовская АССР.

IV – Северный Кавказ и Крым:

Дагестанская АССР, Чечено-Ингушская АССР, Северо-Осетинская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Крымская АССР, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область.

V – Поволжье:

Удмуртская АССР, Татарская АССР, Марийская АССР, Чувашская АССР, АССР немцев Поволжья, Калмыцкая АССР, Кировская, Куйбышевская, Сталинградская области.

VI – Урал:

Свердловская, Молотовская, Челябинская, Чкаловская области, Башкирская АССР.

VII – Западная Сибирь:

Омская, Новосибирская области, Алтайский край.

VIII – Восточная Сибирь:

Красноярский край, Иркутская, Читинская области, Бурят-Монгольская АССР, Якутская АССР.

IX – Дальний Восток:

Хабаровский, Приморский края.

Союзные республики, в соответствии с планом 1938 г., планировались каждая в отдельности без объединения их в группы.

В 1944 г. по предложению Н.А. Вознесенского и А.Н. Лаврищева Союзные республики также были разделены на экономические районы и образовали:

XI – Юг:

Украинская ССР, Молдавская ССР.

XI – Запад:

Белорусская ССР, Литовская ССР, Латышская ССР, Эстонская ССР (Калининградская область войдет в район Северо-Запада)

XII – Закавказье:

Грузинская ССР, Армянская ССР, Азербайджанская ССР

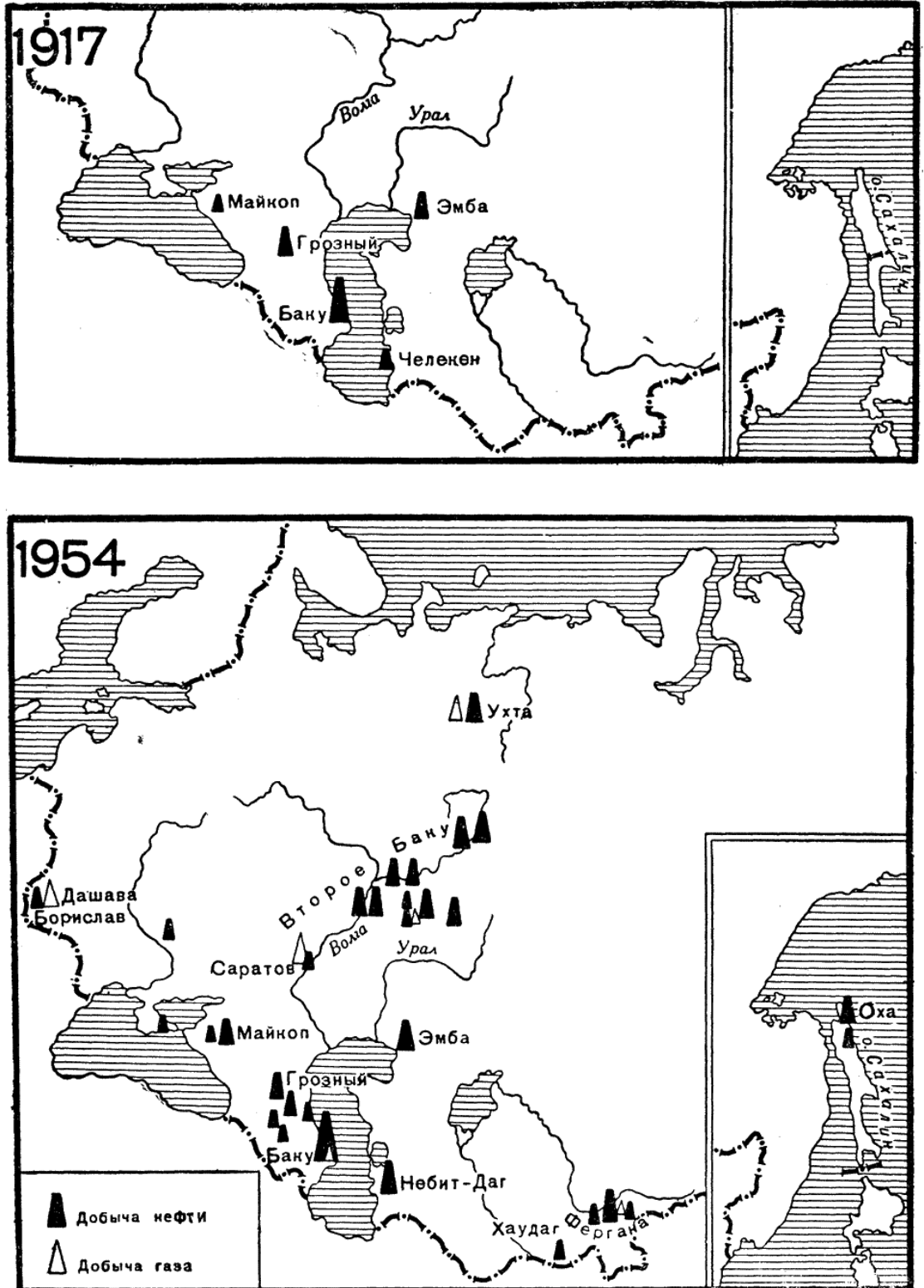
XIII – Средняя Азия и Казахстан:

Казахская ССР, Туркменская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР, Узбекская ССР.

Названное деление СССР на экономические районы сохранялось до 1961 г., когда постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 апреля была введена новая сетка из 17 экономических районов.

Источник: Алампиев П.М. Указ. соч. С. 182, 175–176.; Планирование размещения производительных сил СССР... Ч. 1. С. 208., 297.

Центры нефтедобычи в России и СССР в 1917 и 1954 гг. соответственно

Источник: Михайлов Н.М. Указ соч. С. 199.

**Разногласия Госплана с некоторыми Министерствами
по вопросам IV пятилетнего плана
в августе – октябре 1947 г.**

	Единица измерения	1948 г.		1949 г.		1950 г.	
		Госплан	Министерство	Госплан	Министерство	Госплан	Министерство
1	2	3	4	5	6	7	8
Министерство тяжелого машиностроения:							
паровые котлы	<i>тыс. м²</i>	183	–	260	–	–	–
в т.ч. большой и средней мощности	<i>тыс. м²</i>	93	64	134,5	80	172	120
дизели	<i>тыс. л.с.</i>	77,5	67,45	126,4	118	161,75	152,65
газогенераторное оборудование	<i>тонн</i>	560	–	1680	–	1800	–
прокатное оборудование	<i>тыс. тонн</i>	28,0	18,0	37,0	25,7	42,0	29,0
экскаваторы	<i>штук</i>	100	70	100	100	110	100
центробежные насосы	<i>штук</i>	400	–	400	–	400	–
прессы	<i>штук</i>	5	–	6	2	8	3

1	2	3	4	5	6	7	8
Министерство электростанций							
ввод в действие новых мощностей	<i>мВт</i>	1187,1	1088,0	1697,3	1320,0	1815,8	1450,0
Выработка элетроэнергии	<i>млн. кВт-ч</i>	44230	44150	50100	49500	56430	55000
в т.ч. ГЭС	<i>млн. кВт-ч</i>	7670	7580	9180	8500	10700	10000
Министерство электропромышленности							
валовая продукция	<i>млн. руб.</i>	2900	2800	3300	3100	3800	3550
Министерство промышленности средств связи							
электровакуумные приборы	<i>млн. штук</i>	11,5	11,0	16,0	14,0	24,0	17,0
телевизионные радиоприемники	<i>тыс. штук</i>	21,0	12,0	31,0	20,0	85,0	40,0
радиорепродукторы	<i>тыс. штук</i>	750	–	800	–	900	–
Министерство угольной промышленности Западных районов СССР							
добыча угля всего	<i>тыс. тонн</i>	100200	93080	113000	107040	127000	123090
Министерство угольной промышленности Восточных районов СССР							
добыча угля всего	<i>тыс. тонн</i>	101300	95000	106800	100400	11400	109500

Центры черной металлургии в СССР в 1954 г.

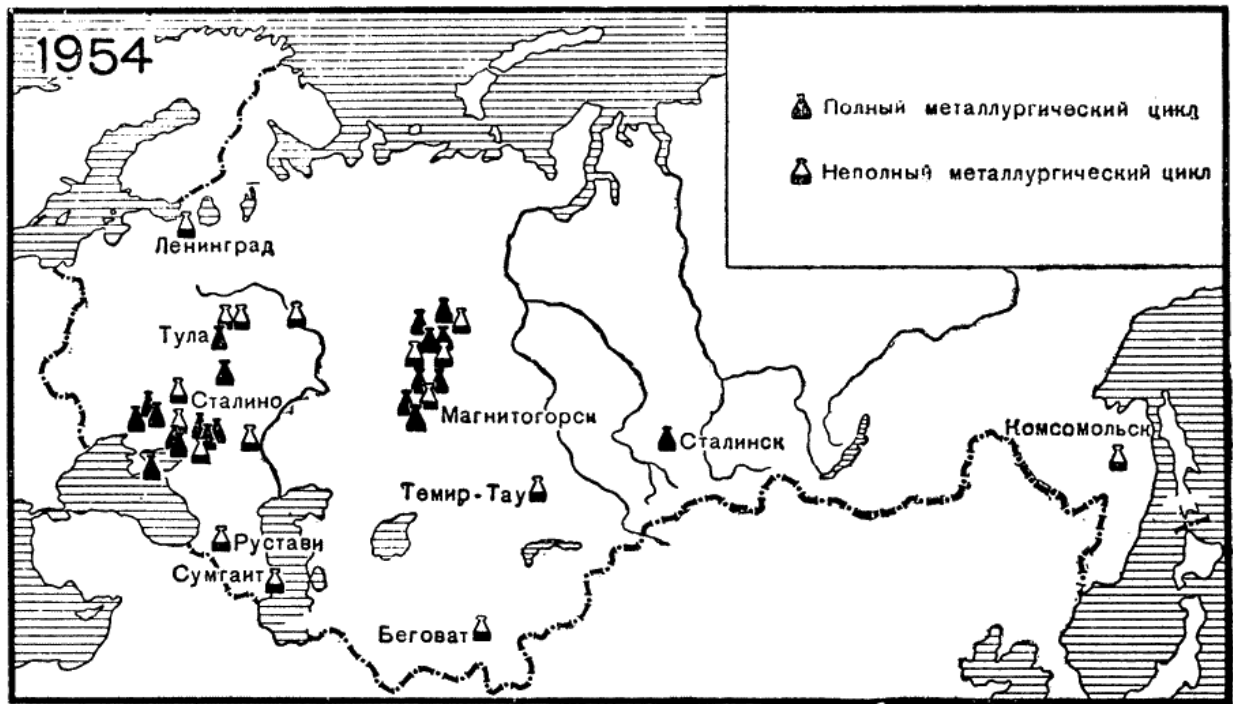
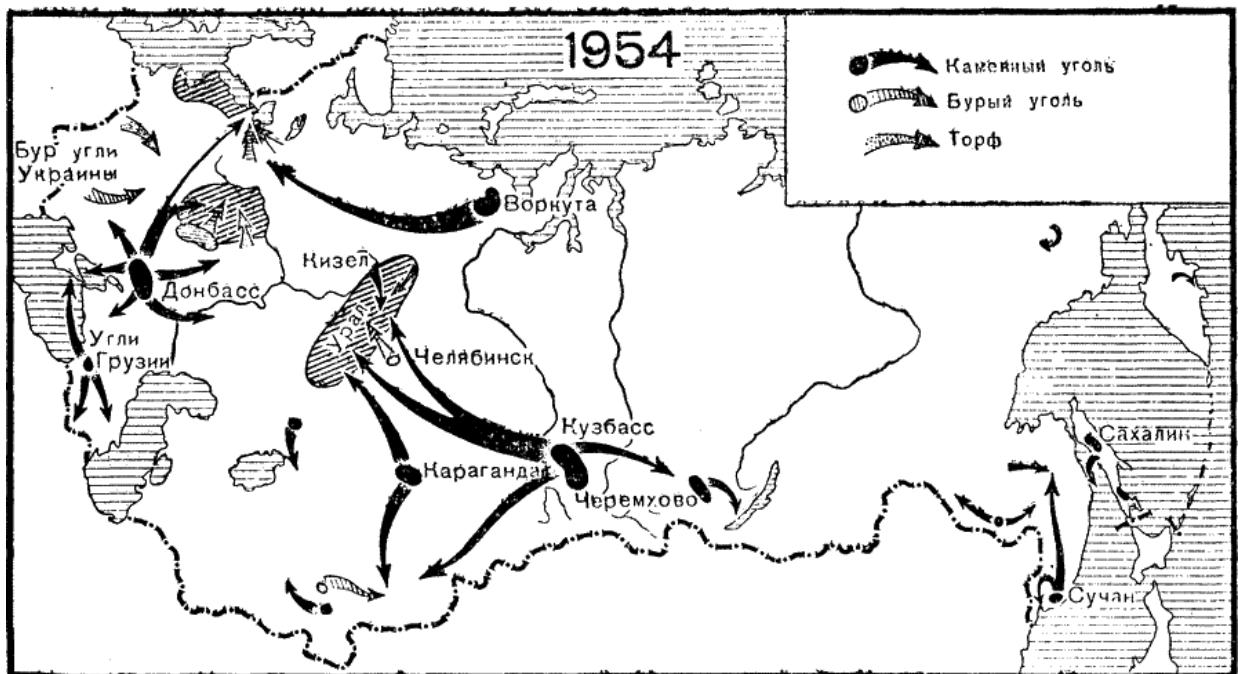

Схема подвоза топлива для нужд советской промышленности в 1954 г.

**Выплавка меди на территории Свердловской области
в 1940 – 1948 гг.
(тыс. тонн)**

Расчеты автора по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 105. Л. 11; Оп. 44. Д. 154. Л. 75; Д. 157. Л.5.

Объем финансирования представительств

Министерств угольной промышленности восточных и западных регионов СССР при аппарате СВАГ в 1946 г.

(в рублях)

	Министерство угольной промышленности восточных районов СССР									
	Демонтаж и вывоз оборудования					Демонтаж и вывоз оборудования				
	Приход			Приход		Приход			Приход	
	От фин. отдела УОК	От своего министерства	Прочие поступления	По смете	Прочие расходы	От фин. отдела УОК	От своего министерства	Прочие поступления	По смете	Прочие расходы
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Апрель	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Май	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Июнь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Июль	185000	—	—	66081	—	—	—	—	—	—
Август	235000	—	1017	75508	1017	125500	—	700	76127	700
Сентябрь	292000	—	4626	147904	7569	125500	—	2216	147967	17688
Октябрь	352000	—	20840	245553	24445	275500	—	13572	187446	75223
Ноябрь	467000	—	30482	323495	35570	—	—	—	—	—
Декабрь	510000	—	34398	445554	39615	275500	—	13572	187446	75223
	Министерство угольной промышленности западных районов СССР									

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Апрель	250000	2497909	–	420680	44322	50000	38091	–	88091	–
Май	500000	2497909	–	771856	44322	275000	38091	–	282267	–
Июнь	940000	2497909	–	1298500	81729	495000	38091	–	423541	–
Июль	135200	2497909	–	1675372	131023	495000	38091	–	514174	–
Август	1652000	2497909	–	2216822	–	117200	38091	–	759580	10571
Сентябрь	1293000	2497909	–	1483971	–	117200	38091	7742	1007810	14416
Октябрь	2148000	2497909	2866	2772086	3000	141800	38091	12073	1217728	14416
Ноябрь	2413000	2497909	6102	3031592	10000	–	–	–	–	–
Декабрь	2764000	2516654	39266	3431207	40000	141800	38091	12073	1217728	14416

Составлено по: ГАРФ. Ф. р-9437. Оп. 2. Д. 32. Л. 51, 54, 56, 58, 61, 62; Д. 33. Л. 107, 109, 111, 113, 115, 117, 119, 122, 124.

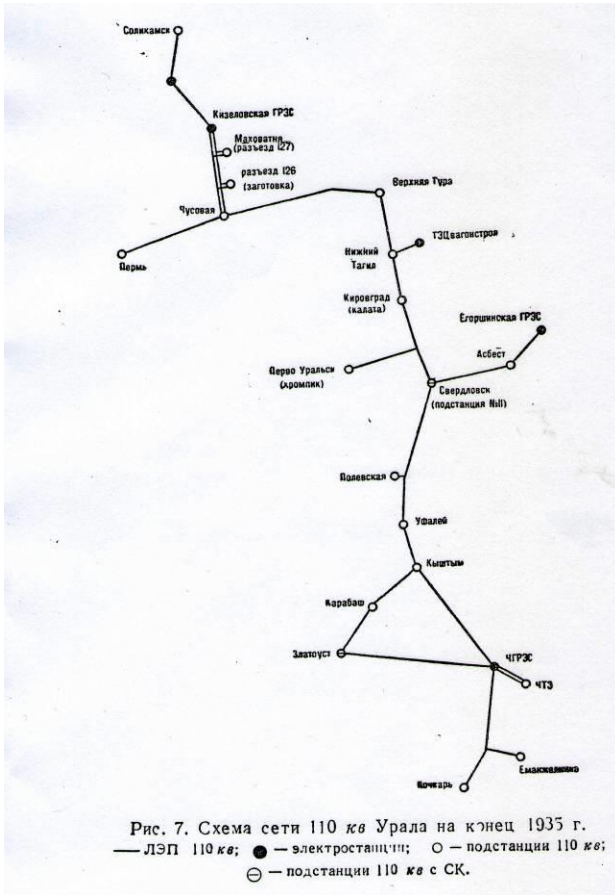
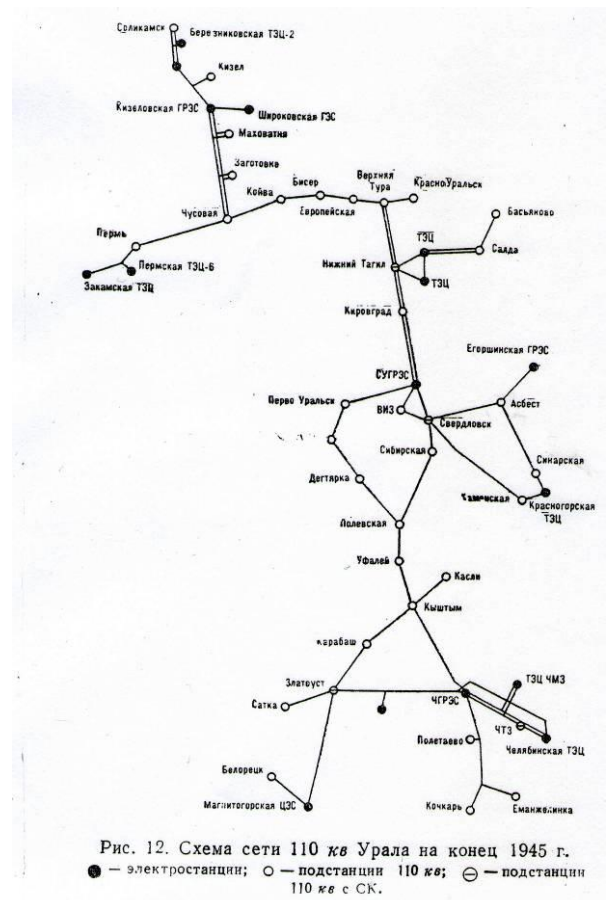

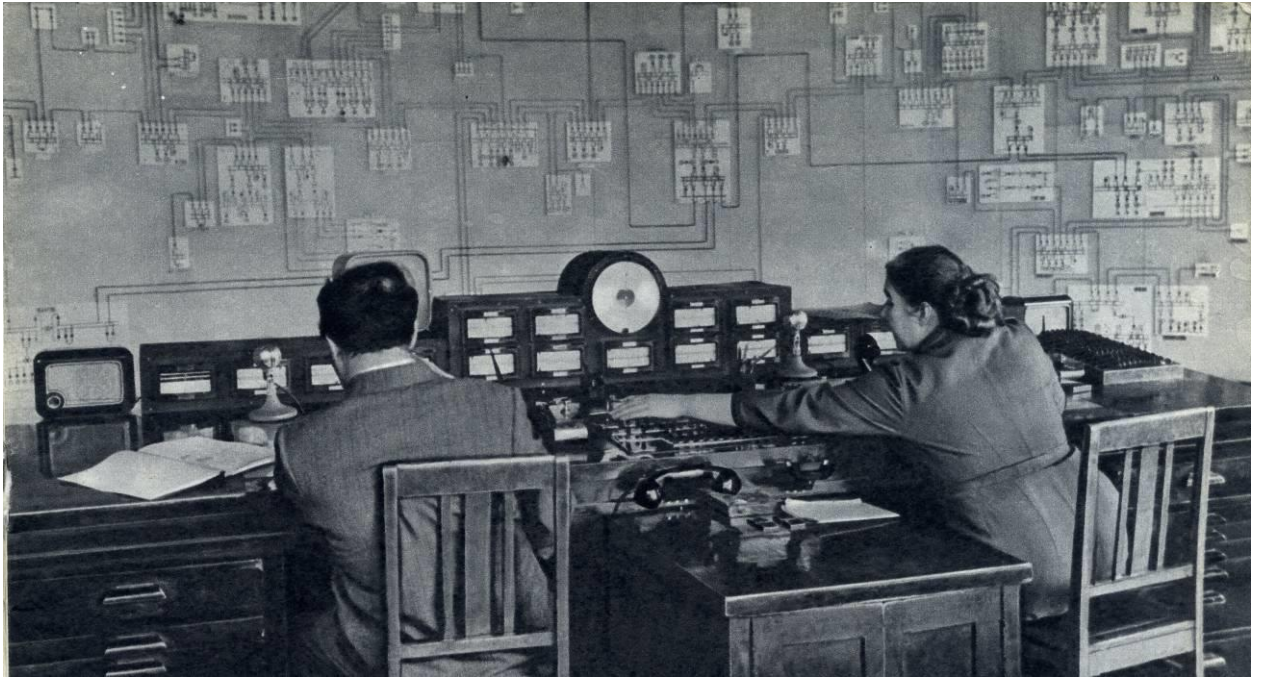
Схема сети 110 кв Урала на конец 1935 г.

Схема сети 110 кв Урала на конец 1945 г.

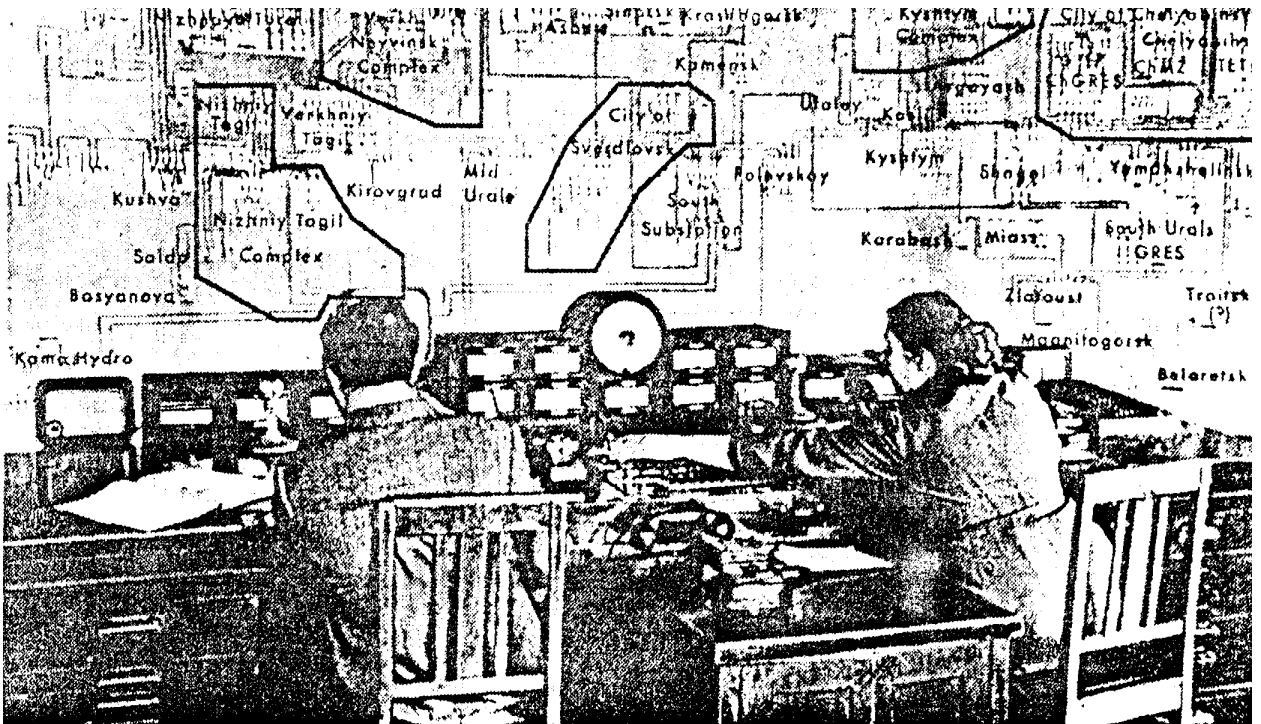

Источник: Энергетика Урала за 40 лет ... С. 12, 15.

**Фото Центрального диспетчерского пункта Уралэнерго в Свердловске
из журнала «Огонек»**

**Фото Центрального диспетчерского пункта в Свердловске из журнала
«Огонек» после того как над ним поработали эксперты ЦРУ США**

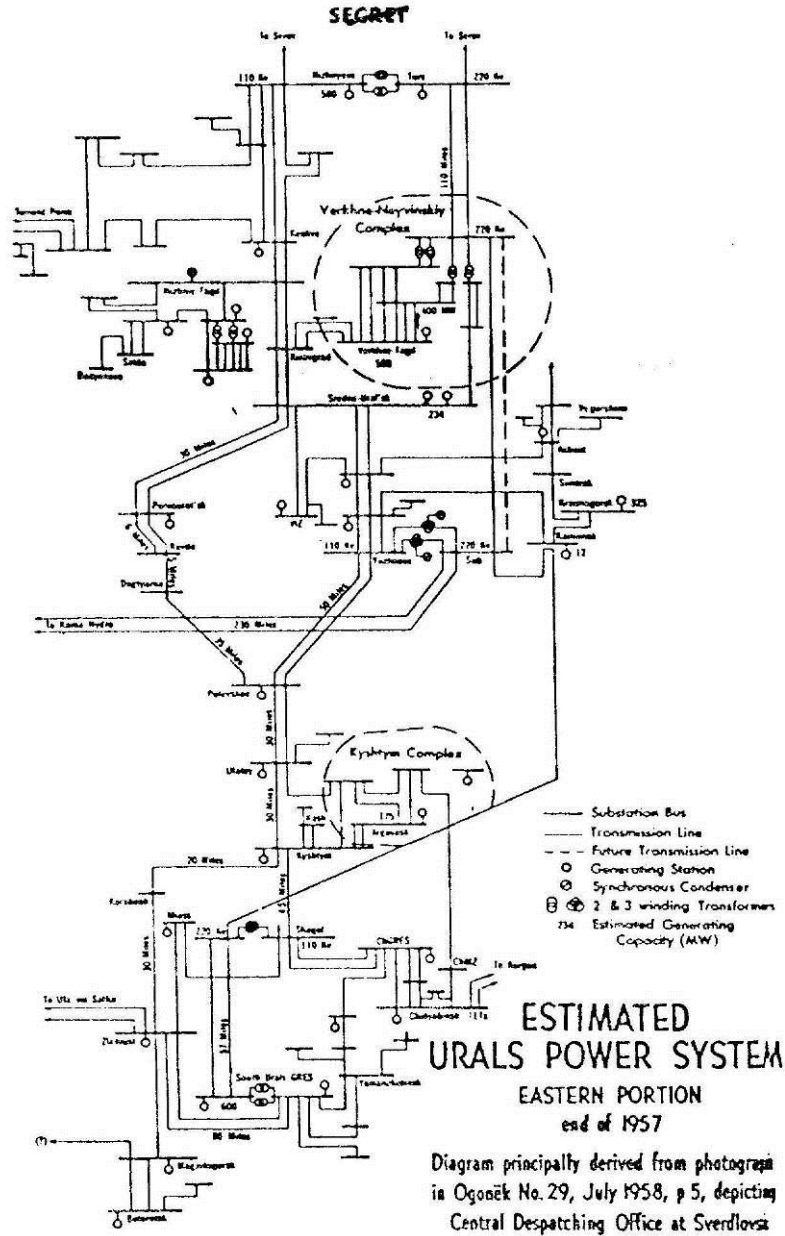

Источник: Лёвенгаупт Г.С. Указ. соч. С. 525.

Схема энергосистемы Урала, составленная ЦРУ по итогам расшифровки фотографии из «Огонька».

Urals Power

SECRET

90222 1-60

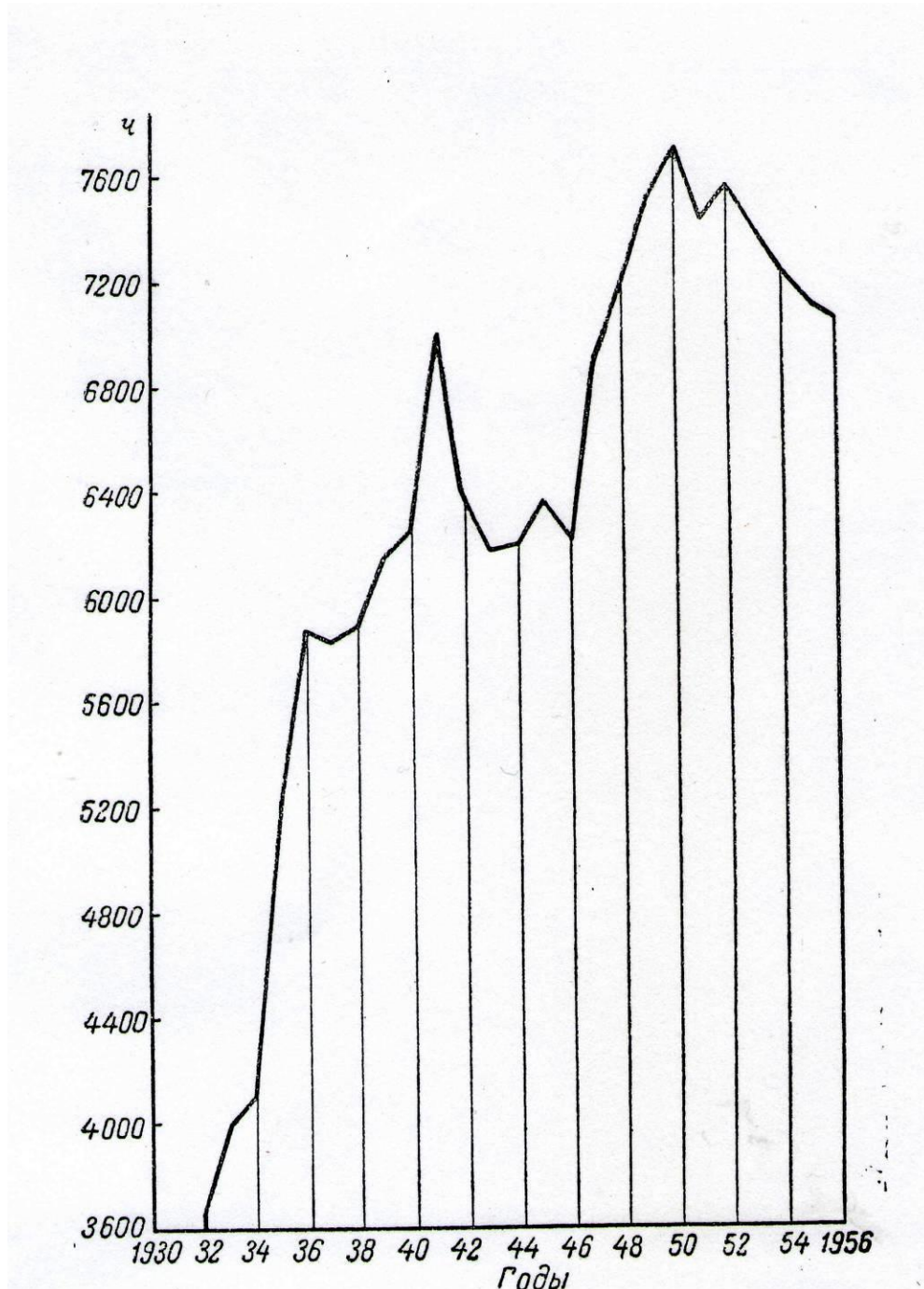
SECRET

FIGURE 4

SECRET

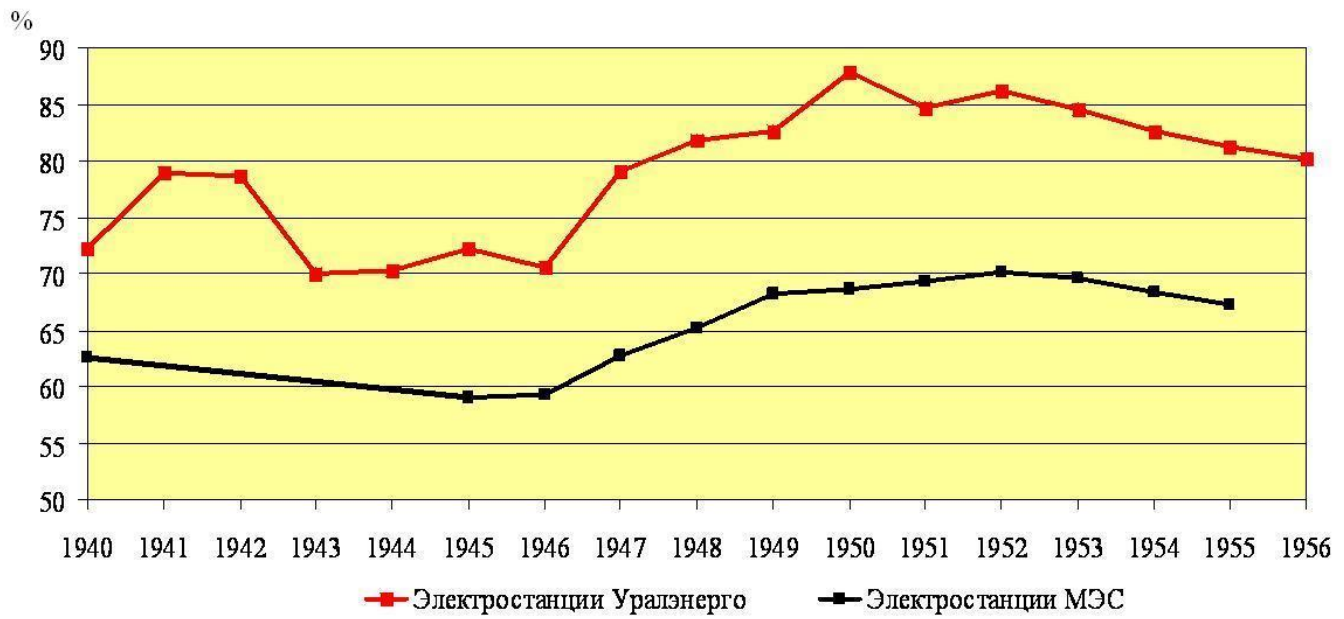
Источник: Лёвенгаупт Г.С. Указ. соч. С. 528.

**Годовое число часов использования установленной мощности
электростанций Уральского энергетической системы (электростанции
МЭС)**

Источник: Энергетика Урала за 40 лет ... С. 16.

**Использование установленной мощности Главуралэнерго и МЭС
В 1940 – 1956 гг.
(%)**

Источник: Энергетика Урала за 40 лет ... С. 38.

**Рост валовой продукции промышленности по Союзным Республикам и
экономическим районам в IV и V пятилетки**

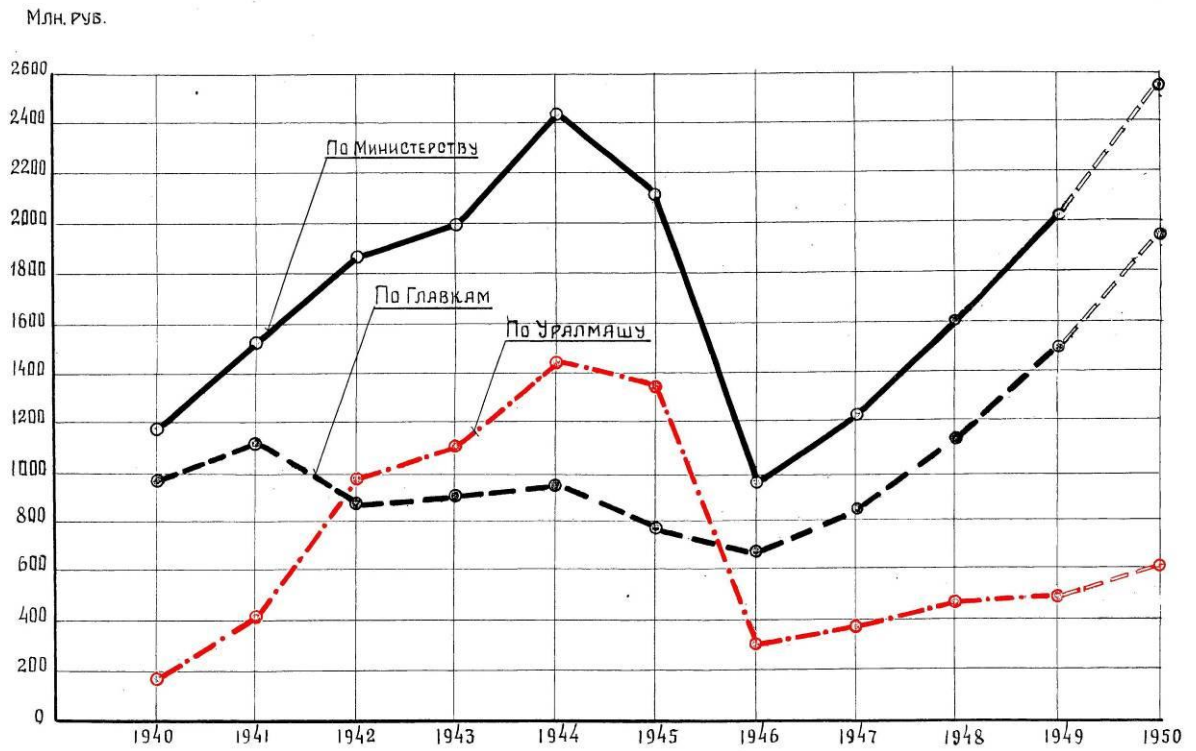
(% к 1940 г.)

Экономические районы СССР и республики	1945 г.	1950 г.	1955 г.
1	2	3	4
СССР	92	173	320
РСФСР	106	175	314
Районы Севера	90	183	276
Районы Северо-Запада	33	128	244
В т.ч.			
г. Ленинград	32	128	234
Районы Центра	82	155	281
В т.ч.			
г. Москва	84	159	270
Районы Поволжья	181	263	523
Районы Северного Кавказа	41	116	213
Районы Урала	305	292	515
Районы Западной Сибири	270	314	563
Районы Восточной Сибири	128	198	338
Районы Дальнего Востока	112	163	254
Районы Средней Азии и Казахстана			
В т.ч.			
Узбекская ССР	107	183	421
Казахская ССР	137	232	294
Киргизская ССР	122	215	381
Таджикская ССР	74	151	277
Туркменская ССР	87	143	257
Районы Закавказья			
В т.ч.			
Грузинская ССР	80	156	265
Азербайджанская ССР	78	139	202
Армянская ССР	93	249	476
Районы Юга			
В т.ч.			
Украинская ССР	26	115	220
Молдавская ССР	44	206	482

1	2	3	4
Районы Запада			
В т.ч.			
Белорусская ССР	20	115	237
Литовская ССР	40	191	493
Латвийская ССР	47	303	586
Эстонская ССР	73	342	670

Источник: Планирование размещения производительных сил ... Ч. 1. С. 214.

Выпуск товарной продукции по Министерству Тяжелого Машиностроения

Источник: РГАЭ. Ф. 8243. Оп. 7. Д. 1163. Л.3.

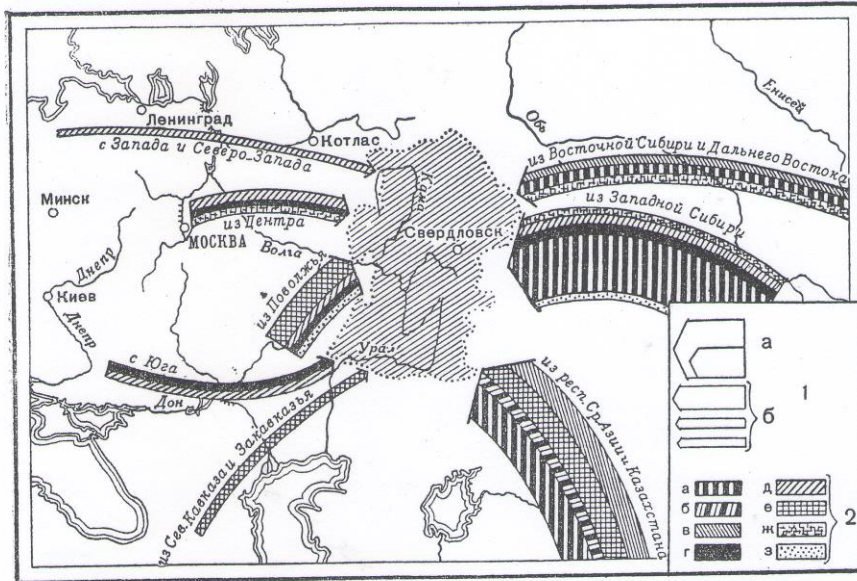

Рис. 29. Внешние связи Урала по ввозу (по экономическим районам).

1 — грузопотоки: а — крупные; б — прочие; 2 — грузы: а — уголь и кокс; б — руда железная, в — руда разная; г — черные металлы; д — машины и металлоизделия; е — нефть и нефтепродукты; жс — лес и лесоматериалы; з — хлеб.

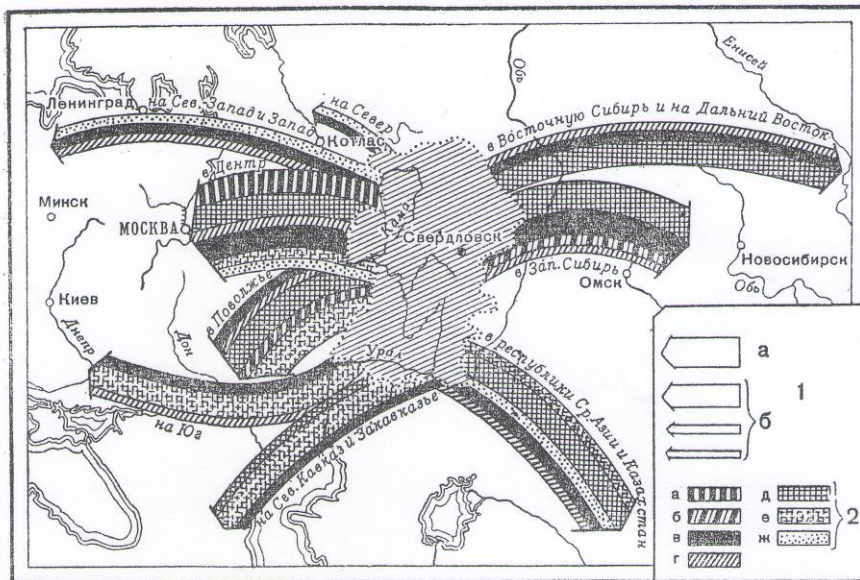
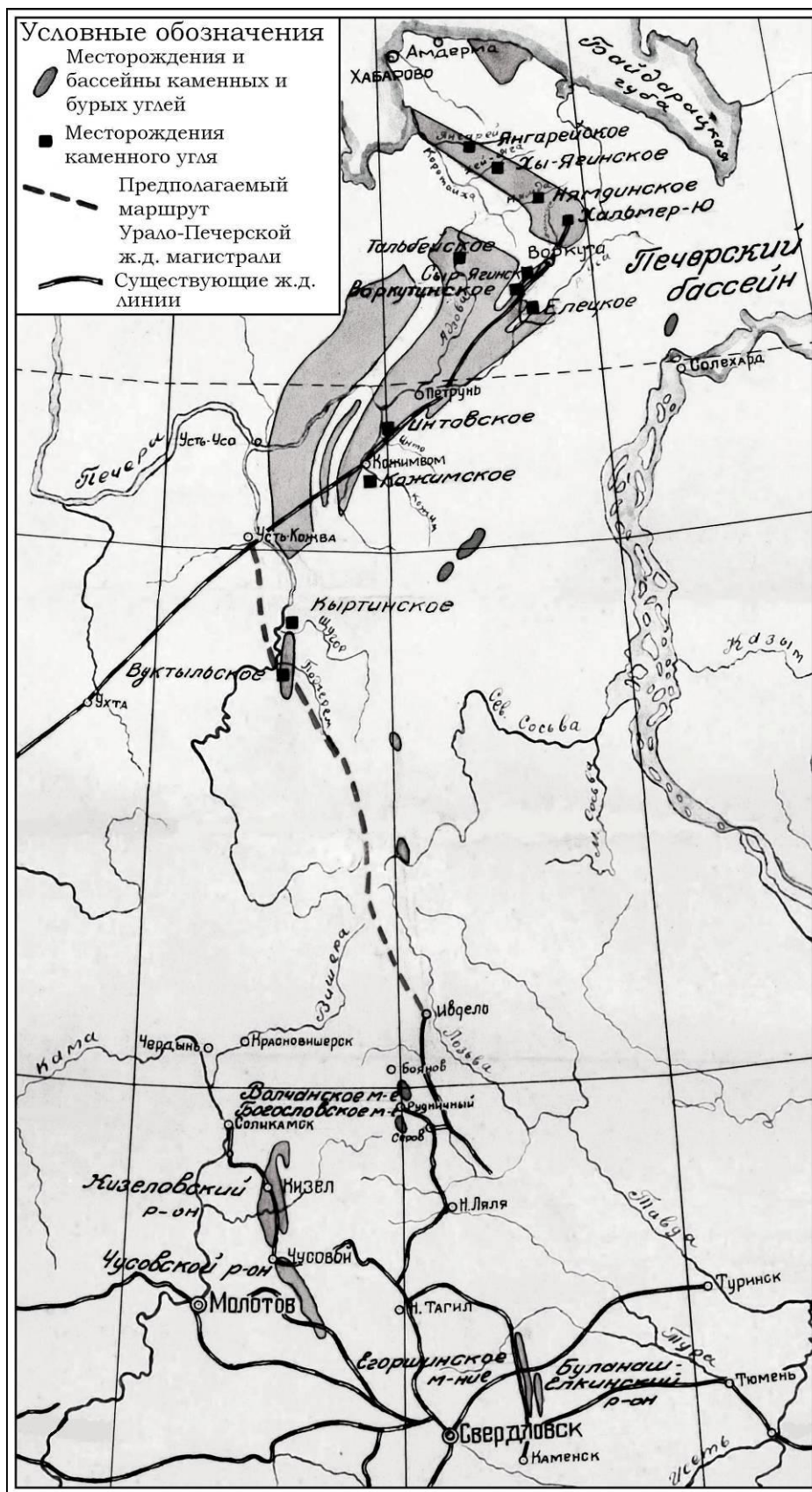

Рис. 30. Внешние связи Урала по вывозу (по экономическим районам).

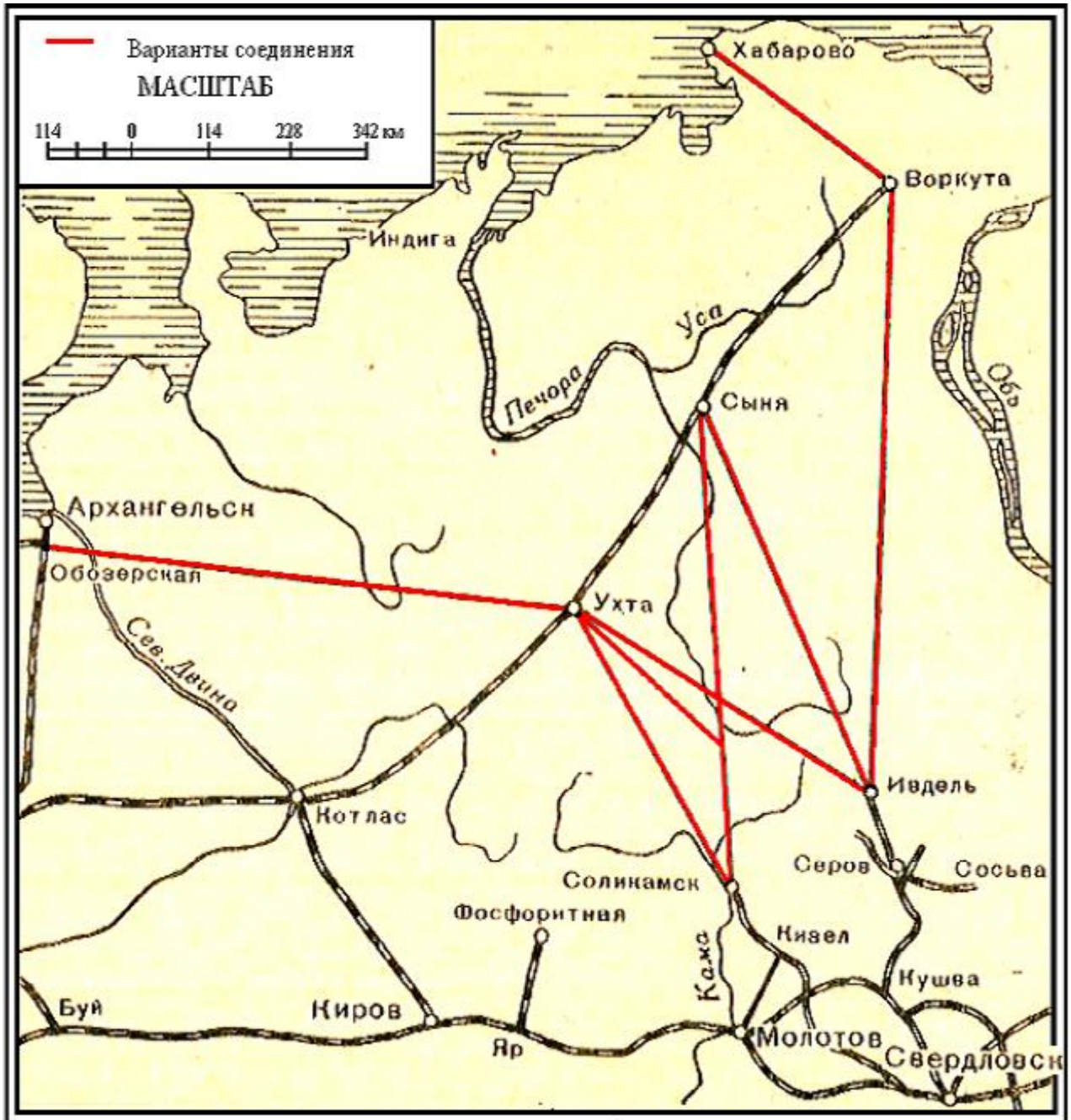
1 — грузопотоки: а — крупные; б — прочие; 2 — грузы: а — уголь и кокс; б — руда железная, в — черные металлы; г — машины и металлоизделия; д — нефть и нефтепродукты; е — лес и лесоматериалы; жс — хлеб.

**Обзорная карта
угольных
месторождений
Урала.
Место
прохождения
проектируемой
Урало-Печорской
магистрали
отмечено
пунктиром.**

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.234. Л.103.

**Схема вариантов соединения железнодорожной сети Урала
с Печорским бассейном**

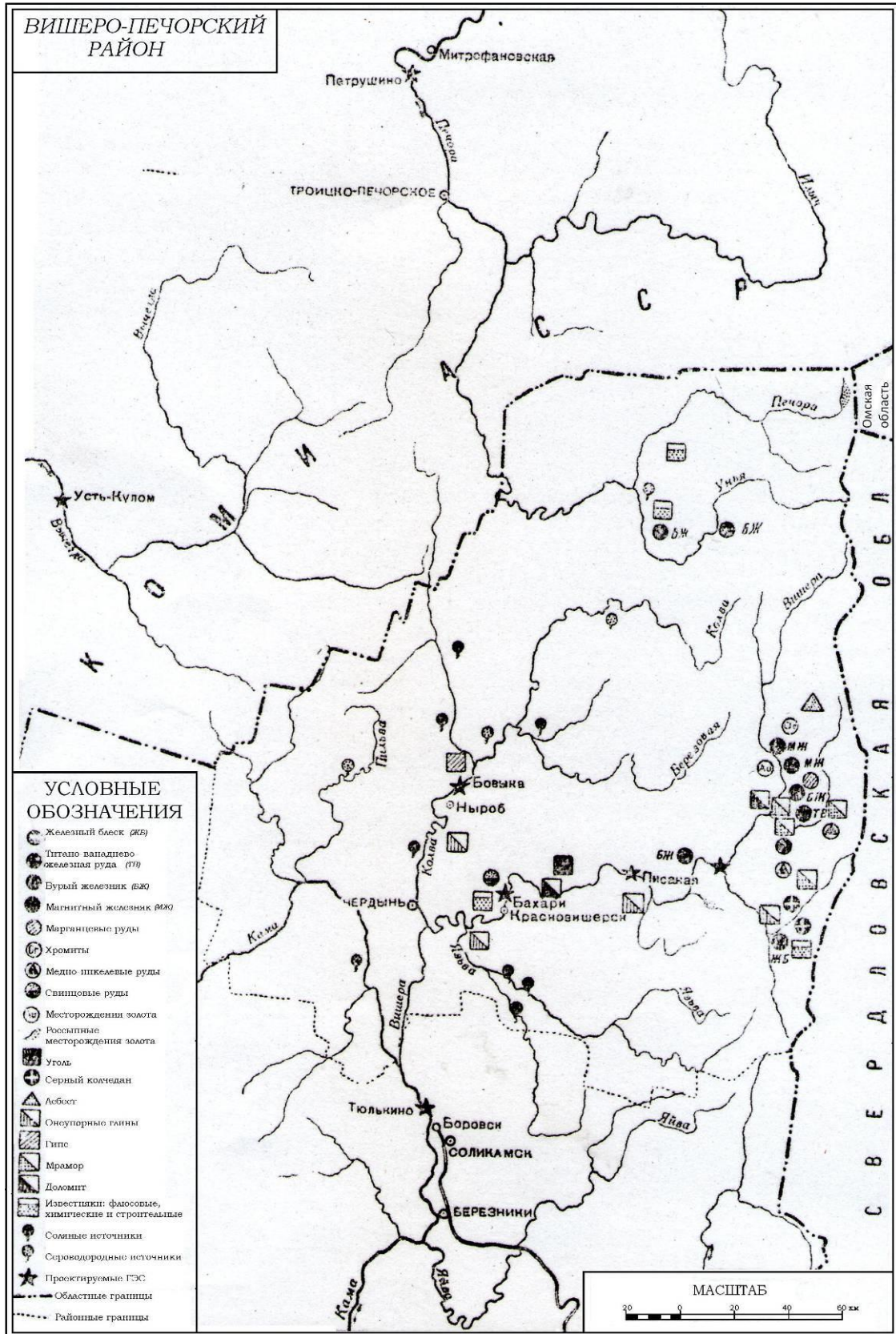

Основные, предварительные, показатели отдельных вариантов соединения Урала и Печоры, по версии Проектной конторы технико-экономических изысканий Союзтрансэкспорта в 1945 г. выглядели следующим образом:

ВАРИАНТЫ СОЕДИНЕНИЯ	Строительная длина (в км)	Эксплуатационная длина Воркута- Тагил (в км)	Руководящий уклон (в тысячных)
Соликамск-Ухта	501	1675	9
Соликамск-Сыня	784	1645	12
Ивдель-Ухта	579	1596	12
Ивдель-Сыня	606	1399	12
	Сумма преодолеваемых высот на 1 км строительной длины (в м)		Сумма углов поворота на 1 км (в градусах)
	туда	обратно	
Соликамск-Ухта	0,7	0,8	1,0
Соликамск-Сыня	1,9	2,1	5,5
Ивдель-Ухта	2,2	2,1	8,3
Ивдель-Сыня	2,9	3,3	9,1

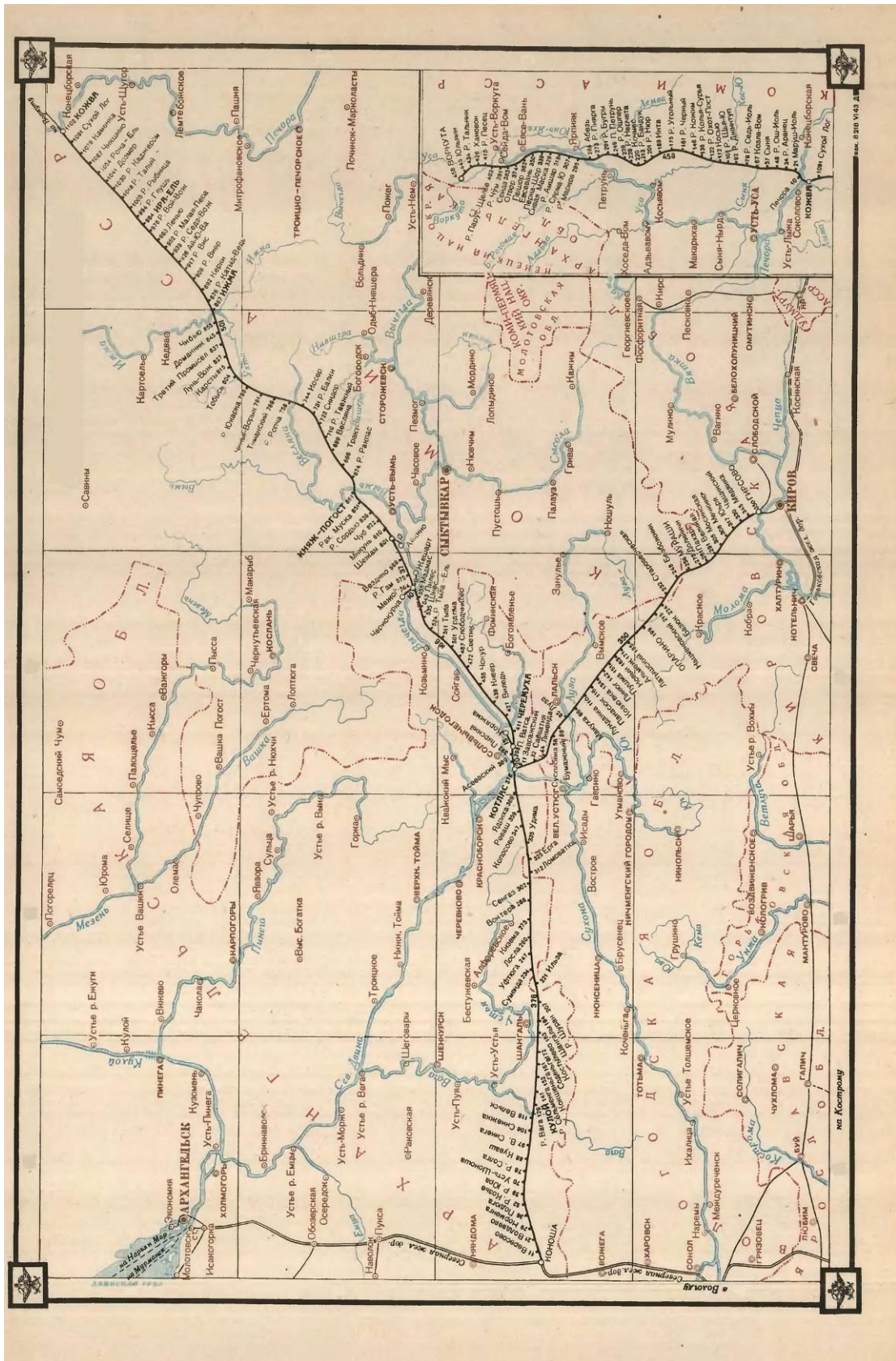
Источник: Ярцев С.И. Основные направления реконструкции железнодорожной сети Молотовской области // Народнохозяйственные проблемы Молотовской области Т. 1 ... С. 322–323.

Карто-схема Вишеро-Печорского района

Источник: Тиунов В.Ф. Указ. соч. С.370.

Карта Печорской (Северо-Печорской) железной дороги

Источник: Схемы железных дорог и водных путей сообщения СССР. М., 1943. Л. 2

**Среднемесячная производительность труда за один рабочий день на предприятиях черной металлургии
Свердловской области
(1940 и 1946 гг.)**

Предприятие	продукция	1940 г.		1946 г.			
		тонн	рублей	тонн		рублей	
				план	факт.	план	факт
1	2	3	4	5	6	7	8
Алапаевский завод	чугун	21,2	597	18,4	21,6	351	350
	сталь	18,2		14,4	13,5		
	прокат	6,4		4,0	4,1		
Завод им. Куйбышева	чугун	35,5	603	39,3	33,3	558	573
	сталь	22,8		21,6	19,6		
	прокат	4,6		5,3	5,4		
Н-Салдинский завод	чугун	38,6	702	28,1	27,7	487	494
	сталь	23,9		19,2	20,1		
	прокат	23,1		18,1	19,7		
Кушвинский завод	чугун	23,7	582	23,1	26,7	516	562
	сталь	16,2		14,7	17,1		
Н-Сергинский завод	чугун	32,4	758	26,0	26,6	456	501
	сталь	19,3		16,2	18,0		
	прокат	15,2		18,7	19,8		
Ст. Уткинский завод	чугун			18,2	18,5	710	747
Н-Туринский завод	прокат	4,4	737	4,4	4,5	596	574

1	2	3	4	5	6	7	8	
Северский завод	сталь	20,5	532	16,7	19,4	459	447	
	прокат	3,6		6,3	6,6			
В-Исетский завод	сталь	27,2	909	23,6	24,9	670	755	
	прокат	4,7		3,6	4,4			
Завод им. Серова	чугун	26,4	1783	28,18	30,5	797	835	
	сталь	28,1	2708	30,61	33,2			
	прокат	20,7	865	–	–			
НТМЗ	чугун	154,6	2159	142,5	153,3	1561	1704	
	сталь	28,7		1941 г.	31,5			31,8
	прокат	6,5			15,7			17,2
Ревдинский метизн.	сталь	16,4	736	17,0	17,3	504	500	
	прокат	14,1		18,0	18,8			
Новоторубный завод	трубы	1,8	701	28,5	28,6	1400	1350	
Старотрубный завод	сталь	9,2	770	85,7	90,2	690	700	
	трубы	1,1	966	28,0	31,0			
Синарский трубный	трубы	1,2	474	–	–	1217	1259	
Билимбаевский трубол.	трубы	2,4	830	–	–	255	265	
Тагильский КХК	кокс	175	1915	298,5	309,7	2412	2540	
Высокогорское РУ	жел. руда	60,5	353	52,7	61,3	483	534	
Горноблагодатское РУ	жел. руда	36,9	389	29,6	25,0	688	590	
Богословское РУ	жел. руда	20,0	334	28,5	30,5	257	264	
Полуночное РУ	жел. руда	–	–	15,8	18,0	236	266	
Марсятское РУ	жел. руда	21,6	440	33,4	19,4	222	187	
Первоуральское РУ	жел. руда	27,5	462	40,7	48,1	349	412	
Алапаевское РУ	жел. руда	21,4	352	18,4	20,4	129	151	
Первоуральский дин.	динас	8,0	631	7,6	7,8	595	605	
Богдановический дин.	шамот	6,5	572	5,8	5,1	525	432	

1	2	3	4	5	6	7	8
Тагильский огн. завод	шамот	7,0	590	5,65	5,87	540	562
Сухоложский огн. зав.	шамот	8,3	413	7,6	7,8	319	429
Богдановическое РУ	глина	–	–	15,0	16,4	189	213

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 211. Л. 12–13.

**Распределение молодых специалистов, окончивших УПИ им. С.М. Кирова в 1944–1953 гг.
по экономическим районам СССР**

Год		Экономический район													
		Европейский Север	Северо-Запад	Центр	Северный Кавказ	Поволжье	Урал	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток	Юг	Запад	Закавказье	Ср. Азия и Казахстан	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1944/ 1945	человек	–	1	2	1	1	53	1	–	3	48	–	–	1	111
	%	–	0,9	1,8	0,9	0,9	47,7	0,9	–	2,7	43,2	–	–	0,9	100
1946	человек	–	–	–	1	2	111	14	–	–	19	–	–	9	165
	%	–	–	–	0,6	1,3	71,1	9,0	–	–	12,2	–	–	5,7	100
1947	человек	–	5	12	–	5	281	16	2	2	7	–	–	11	337
	%	–	1,5	3,5	–	1,5	83,4	4,7	0,6	0,6	2,1	–	–	3,3	100
1948	человек	10	4	26	1	19	429	37	14	26	8	1	–	4	578
	%	1,7	0,7	4,3	0,2	3,2	74,2	6,4	2,4	4,5	1,4	0,2	–	0,7	100
1949	человек	–	–	–	–	10	319	28	14	14	1	–	–	2	388
	%	–	–	–	–	2,5	82,2	7,2	3,6	3,6	0,3	–	–	0,6	100
1950	человек	–	3	11	4	10	304	25	17	16	1	1	–	11	403
	%	–	0,7	2,7	1,0	2,4	75,4	6,2	4,2	3,9	0,2	0,2	–	2,6	100

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1951	человек	6	10	12	1	22	544	82	43	40	10	1	1	26	798
	%	0,7	1,2	1,4	0,1	2,7	68,1	10,2	5,3	5,0	1,2	0,1	0,1	3,2	100
1952	человек	–	14	14	–	11	394	35	23	10	2	–	–	18	521
	%	–	2,7	2,7	–	2,1	75,6	6,7	–	1,9	0,4	–	–	3,5	100
1953	человек	–	2	18	7	12	435	30	24	5	2	2	1	10	548
	%	–	0,4	3,2	1,3	2,2	79,3	5,5	4,4	0,9	0,4	0,4	0,2	1,8	100

Расчеты автора по: ГАСО. Ф. р227. Оп. 4. Д. 1943. Л. 78–80; 23–28; Д. 1944. Л. 3–6; 23–24; 38–40; 72–73; Д. 1947. Л. 16–22; Д. 1948. Л. 67–74; 91–96; 113–121; 141–146; 164–165; 175–178; Д. 1949. Л. 10–14; Д. 1950. Л. 68–88; Д. 1953. Л. 7–12; Д. 1952. Л. 61–90; Д. 1951 Л. 44–58; Д. 1954. Л. 98–162; Д. 1956. Л. 3–6; Д. 1958. Л. 116–153; Д. 1959. Л. 27–73.

**Результаты распределения молодых специалистов окончивших УрИИ им. С.М. Кирова
в I– II кварталах 1940 г.**

№	СПЕЦИАЛЬНОСТЬ	Экономические районы СССР							Всего	
		Урал			Восток СССР	Юг СССР	Центр СССР	Казахская СССР		Другие районы
		Свердловская область	Челябинская область	Молотовская область						
1	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Подъемно–транспортные и строительные машины	4	1	–	–	1	–	3	–	9
2	Технология силикатов	4	2	–	–	1	1	–	–	8
3	Сварочное производство	5	–	5	4	1	16	–	7	38
4	Технология пирогенных процессов	5	11	3	8	4	–	–	–	31
5	Технология основ химического производства	2	1	1	3	3	3	–	–	13
6	Станки, инструменты и механическая обработка металлов	5	6	4	3	5	5	–	–	31
7	Подъемно-транспортные и строительные машины	7	–	–	1	1	3	–	2	14
8	Паровые двигатели и установки ТСУ	12	7	4	2	8	4	–	3	41
9	Металлургия черных металлов: доменное производство	4	2	1	2	–	–	–	1	12
10	Металлургия черных металлов: литейное дело	–	–	–	–	3	1	–	–	4
11	Металлургия черных металлов: газопечная техника	5	1	1	–	1	–	–	–	8
12	Пластическая и термическая обработка: прокатка	4	3	1	–	–	–	–	1	9
13	Пластическая и термическая обработка: ковка и штамповка	4	–	6	–	2	4	–	–	16
14	Пластическая и термическая обработка: термич. обработка	4	4	3	–	–	2	–	1	14

1	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
15	Оборудование химических заводов	–	3	–	2	15	–	–	–	20
16	Технология электрохимического производства	3	9	4	2	1	2	–	4	23
17	Промышленное и гражданское строительство	10	9	5	2	8	12	–	4	50
18	Механическое оборудование металлических цехов	7	1	–	2	–	–	–	1	11
19	Отопление и вентиляция	6	7	1	–	4	3	–	1	21
20	Электрические машины и аппараты	7	6	5	5	6	5	–	–	34
21	Электростанции: сети и системы	5	3	–	2	5	4	–	–	19
22	Электростанции: ЦЭС	3	5	–	2	5	6	–	2	23
23	Станки, инструменты и холодильники	12	3	–	–	4	4	–	1	24
24	Металлургия цветных и благородных металлов	2	2	1	–	–	4	2	–	11
25	Технология неорганического производства.	3	1	6	3	–	5	–	–	18
Итого		128	86	51	44	76	83	5	32	502
		265								
%		25,3	17,0	10,1	8,7	15,0	16,4	1,0	6,3	100
		52,5								

Источник: ГАСО. Ф. р227. Оп. 4. Д. 1942.

**Распределение молодых специалистов
окончивших Свердловский Горный Институт им. В. В. Вахрушева
в 1940–1953 гг.
по экономическим районам СССР**

Год		Экономический район													
		Европейский Север	Северо-Запад	Центр	Северный Кавказ	Поволжье	Урал	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток	Юг	Запад	Закавказье	Ср. Азия и Казахстан	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1940	человек	–	–	17	1	2	98	28	21	22	24	–	6	14	233
	%	–	–	7,2	0,4	0,9	42,0	12,0	9,0	9,4	10,3	–	2,6	6,0	100
1941	человек	–	–	11	1	9	169	44	33	25	11 ^I	–	7	21	331
	%	–	–	3,3	0,3	2,7	51,1	13,3	10,0	7,6	3,3	–	2,1	6,3	100
1942	человек	62	–	6	3	2	301	17	30	51	–	–	–	6	478 ^{II}
	%	13,0	–	1,3	0,6	0,4	63,0	3,6	6,3	10,7	–	–	–	1,3	100
1943	человек	1	–	17 ^{III}	–	–	66	7	–	1	–	–	–	1	93
	%	1,1	–	18,3	–	–	71,0	7,5	–	1,1	–	–	–	1,1	100
1944	человек	–	–	1	–	4	36	5	–	–	10	–	–	3	59
	%	–	–	1,7	–	6,8	61,0	8,4	–	–	17,0	–	–	5,1	100
1945	человек	–	–	2	–	–	81	–	–	–	23	–	–	–	106
	%	–	–	1,8	–	–	76,4	–	–	–	21,7	–	–	–	100

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1947/ 1948 ^{IV}	человек	1	–	–	–	–	62	6	3	1	–	–	–	–	73
	%	1,4	–	–	–	–	84,9	8,2	4,1	1,4	–	–	–	–	100
1949	человек	–	–	–	1	–	106	10	–	2	–	–	–	4	113
	%	–	–	–	0,9	–	93,8	5,6	–	1,8	–	–	–		100
1951	человек	1	–	40	1	–	78	9	8	19	3	–	–	18	177
	%	0,6	–	22,6	0,6	–	44,1	5,1	4,5	10,7	1,7	–	–	10,1	100
1952	человек	4	–	–	–	2	124	40	26	46	–	–	–	35	277
	%	1,4	–	–	–	0,7	44,8	14,4	9,4	16,6	–	–	–		100
1953	всего	3	2	4	–	–	243	13	14	26	–	–	3	40	348
	%	0,9	0,6	1,2	–	–	69,8	3,7	4,0	7,5	–	–	0,9	14,5	100

^I В 1941 г. планы распределения успели составить до 22 июня.

^{II} Столько человек значатся в планах распределения выпускников СГИ от 1942 г. Вместе с тем, в других документах СГИ число выпускников Института в 1942 г. определено в 257 человек (ГАСО. Ф. р1151. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.).

^{III} В основном трест Москвауголь.

^{IV} Данные только по специалистам отправленным в распоряжение Министерства угольной промышленности в восточных районах СССР.

Расчеты автора по: ГАСО. Ф. р1151. Оп. 1. Д. 149. Л. 35–47 об.; Д. 178. Л. 37–43; 49–51; 63; 71–73; 75–75 об.; 77–77об.; 80; 81; Д. 209. Л. 12–12 об.; 13; 14–21; 23–25; 28–30; 35; 37–39; 43–48 об; 50–52; Д. 228. Л. 1–4; 53–67; Д. 299. Л. 1–2; Д. 387. Л. 20; 125–140; 118–195; Д. 434. Л.101–114; 135–137; Д. 464. Л. 36–80; 139; 152–153; 157–160.